

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и
этнографический музей-заповедник «Кижский»

Кижский вестник

Выпуск 20

Петрозаводск
2023

УДК 908
ББК 63.529

Научный редактор:
кандидат исторических наук *И. В. Мельников*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *К. Э. Герман*,
кандидат исторических наук *В. А. Кирьянов*,
О. В. Фролова

Кижский вестник. Выпуск 20: [сборник статей] / Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь». – Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижь», 2023. – 299 с.

© ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь», 2023

ISBN 978-5-904203-35-1

Б. А. Гуцин

Общественные увеселения старого Петрозаводска (XIX — начало XX века)¹

Аннотация. В статье рассматриваются общественные увеселения Петрозаводска XIX — начала XX в.: праздники, гулянья, новогодние елки, исторические юбилеи, ярмарочные увеселения.

Данная работа является составной частью музейно-экспозиционного проекта под названием «Иллюзии Старого города», планирующего проведение оригинальных тематических выставок, праздников и других зрелищных акций в музеефицированном т. н. Старом квартале г. Петрозаводска, где находится часть экспозиционных и административных зданий музея-заповедника «Кижы».

Основой для написания справки послужили публикации в газете «Олонекские губернские ведомости» (изд. с 1938 г.) и газетах начала XX в.: «Олонекская неделя», «Олонекская мысль», «Олонекское эхо», «Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности», «Известия Олонекского губернского Совета».

¹ Публикуемый текст представляет собой первую главу работы Б. А. Гуцина «Культурная жизнь старого Петрозаводска (XIX — начало XX в.)», которая хранится в научном архиве музея-заповедника «Кижы» (Ф. 1, оп. 3, ед. хр. 3751). Это одна из последних работ, выполненных Б. А. Гуциным незадолго до выхода на заслуженный отдых в 2016 г. Изучение данной темы было связано с реализацией музеем «Кижы» проекта по музеефикации квартала исторической застройки Петрозаводска, где у музея имеются несколько зданий и экспозиционно-выставочных помещений. Б. А. Гуцин занимался этой темой и подготовил обзор материалов, где помимо публикуемого в данной статье освещения городских увеселений приводятся сведения о ярмарках, профессиональном и любительском театре Петрозаводска, гастролях цирковых артистов, кино, выставках, а также лекциях, народных чтениях, выступлениях сказителей и спортивных мероприятиях. (*Прим. ред.*).

Из мемориальной литературы использованы: фрагменты воспоминаний Н. И. Собольщикова-Самарина² (Записки. Горький, 1960) и П. Я. Смирнова (Воспоминания о театре. Петрозаводск, 1960).

Огромную помощь в подготовке научной справки мне оказала лично Т. А. Мошина, зам. директора Карельского краеведческого музея, автор многочисленных публикаций в периодической печати по истории культурной жизни Петрозаводска³. Она же предоставила мне рукопись своей работы «Из истории культурной жизни Петрозаводска». Я глубоко благодарен Татьяне Александровне за оказанную помощь.

Культурная жизнь Петрозаводска XIX — начала XX в. была достаточно противоречива. С одной стороны — вроде бы провинциальное захолустье, о котором в 20-е гг. XIX в. сосланный сюда декабрист Федор Глинка писал, что Петрозаводск «по самозванству и считается городом», так как «в нем недостаток во всем и мало удобностей. Противу Санкт-петербургского все втрое дороже и в шестеро хуже»⁴. Через 50 лет просвещенный олонекский купец Мирон Смирнов столько же неодобрительно отзывался о петрозаводчанах: «Здесь мало стремлений к изящному и полезному, например, к чтению. Играют в карты, в бильярд, а читают в основном Библию и Житие святых»⁵.

С другой стороны, в городе на протяжении всей истории была своя культурная жизнь, которая иногда кипела, а иногда чуть теплилась. Почти во всех интеллигентных семьях города были музыкальные инструменты, во многих — пианино. Любительские спектакли 1870—1880-х гг. были, пожалуй, лучшими в провинциальной российской самодеятельности того времени. Любители играли многие только что появившиеся (будущие классические) русские пьесы. На музыкально-вокальных вечерах залы были переполнены. В городе начиная с XIX в. складываются подлинные музыкально-театральные традиции, живые и по сегодняшний день. Концерты и спектакли проходили во всех учебных заведениях города.

² *Собольщикова-Самарина Н. И.* Записки. Горький, 1960.

³ *Мошина Т. А.* Звучала музыка в саду // ТВР-Панорама. 1997. № 4. С. 4; *Она же.* Молодежь веселилась до упаду // ТВР-Панорама. 1997. № 10; *Она же.* Это ярмарок краски // ТВР-Панорама. 1996. 21 марта. С. 13; *Она же.* Как придет пароход, так и праздник // Петрозаводск. 1999. № 1, 3, 6, 9, 10; *Она же.* Из истории городских увеселений // Пенсионный вестник Карелии. 2003. № 14, 15, 16, 17, 19; *Она же.* Секрет семейного благополучия, или О том, что смотрели прабабушки (Из истории кинематографа в Петрозаводске) // ТВР-Панорама. 1997. № 38; *Она же.* Было время и приказчики пали // Наше наследие. Дайджест историко-культурной газеты «Наше наследие». Специальный выпуск газеты «Карелия». Петрозаводск, 1996; *Она же.* Основатель нашего театра (о И. Ф. Савельеве) // Петрозаводск. 1998. 6 ноября; *Она же.* Выставка удалась на славу (об историко-культурной выставке 1906 г. в Петрозаводске) // Петрозаводск. 1999. 21 мая.

⁴ Цит. по: *Мошина Т. А.* Из культурной жизни старого Петрозаводска (рукопись). С. 1.

⁵ Там же.

Большой популярностью у самых различных слоев населения пользовались лекции народных чтений в Назарьевском братском доме (православные) и в чайной Общества трезвости (светская).

В городе часто устраивались праздники, гулянья, елки, юбилеи (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Полтавской битвы, 1812 г. и т. д.), новые необычные праздники («Праздник Белого цветка» — в поддержку больших туберкулезом). Отметим, что большинство перечисленных явлений культуры были благотворительными. То есть они приносили материальную пользу бедным учащимся, погорельцам, солдатам, приютским домам, благотворительному обществу, больным туберкулезом, сестрам милосердия и т. д.

Старинная традиционная русская культура проявлялась в ярмарочных гуляниях (народные костюмы, хороводы, песни) и в «беседах» на частных квартирах бывших деревенских жителей.

Так что мы вправе относиться к Петрозаводску как к городу, имеющему свои старинные культурные традиции.

Издавна традиционными русскими зимними праздниками были Рождество, Святки, Новый год. Отсюда и сопутствующие им развлечения.

Среди рабочих и прислуги Петрозаводска, многие из которых приехали из деревень, зимние увеселения в XIX в. по-прежнему были достаточно привычными. И в городе проводились «беседы» на деревенский манер. «Игральники» платили за вход хозяину снимаемого помещения от 2 до 20 копеек серебром. Иногда на «беседах» за некоторыми девушкам присматривали тетки или какие-то другие родственники. Над такими девицами посмеивались. При появлении парней начинались игры: переполка, лочкунья, совыюн, круг, шестерка, четыре круга⁶.

Старики и дети ходили по домам «Христа славить». Молодежь наряжалась «хухляками» (цыганами, стариками, старухами, нищими, надевали маски животных, шубы мехом наружу) и ходили веселыми толпами по улицам. Дразнили собак и задирали прохожих. В дома вваливались с шутками и прибаутками. Отказать ряженым было нельзя, а то устроят какие-нибудь неприятности (поленницу дров раскидают, дверь приморозят и т. д.). Ряженные носили с собой корзины, куда складывали подаяние (сладости, деньги, пироги). В день Крещения самые отчаянные «хухляки» купались в «сердьях». Ряженные любили поугасть и девиц на «беседе»⁷.

Одним из любимых развлечений петрозаводчан стал каток. Впервые он был открыт 18 ноября 1876 г. прямо на Онежском озере близ общественной пристани. Организатором этого дела явился владелец гостиницы «Палермо» Шмидт. Открытие катка вечером красиво иллюминировали. Вход на каток

⁶ Олонецкие губернские ведомости (далее — ОГВ). 1867. № 8.

⁷ Мошина Т. А. Из культурной жизни... С. 1.

был платным. Сезонный абонемент для мужчин стоил 3 рубля, для дам 2 рубля, гимназистам 1 рубль. Одноразовая плата была 15 коп.⁸ В 1899 г. каток перевели поближе к спасательной станции, и доходы с него стали идти в пользу станции⁹.

Не на открытом озере, а непосредственно в общественном саду каток был открыт только 28 января 1909 г. в пользу той же спасательной станции. Его открытие состоялось с духовым оркестром под управлением Королькова с фейерверком и работающим буфетом с горячим чаем, лимонадом и закусками¹⁰.

Главное место сбора образованной части г. Петрозаводска зимой — это Благородное собрание, бывшее в середине XIX в. в доме губернатора, в зале с хорами для музыкантов, гостиной, бильярдной и буфетной. Губернатор В. Н. Муравьев ввел «семейные вечера», на которые можно было являться запросто, не затрудняя себя требованиями моды. Эти собрания приобрели вид домашних праздников. В. Н. Муравьев увеличил число комнат, предоставленных собранию. В одной из них он разместил библиотеку.

Одно из первых упоминаний роскошных петрозаводских балов относится к 1853 г., времени правления В. Н. Муравьева.

31 декабря 1853 г. зал Благородного собрания едва вместил 150 человек. В 12 часов ночи губернатор провозгласил тост за здоровье царствующего монарха. Хор и музыканты грянули «Боже, Царя храни»¹¹.

А через два дня, 3 января 1854 г., там же до 2 часов ночи был маскарад, описание которого не сохранилось, но осталось весьма любопытная оценка его: «Маскарад доказал, что Петрозаводск умеет... веселиться и хорошо знаком с искусством — изящным вкусом заменяет роскошь и великолепие»¹².

Святочные маскарады становятся в Петрозаводске традиционными и временами отличаются весьма оригинальными костюмами. Так, в период Святков 1887 г. состоялось четыре маскарада, на которых можно было увидеть и средневекового рыцаря, и русскую боярышню XVI в., и цыган, и «юркового семита», продававшего в качестве Бердичевских духов нашатырный спирт, и ссорящихся оборванных мужичков в лаптях¹³.

При губернаторе Г. Г. Григорьеве и его супруге Е. В. Григорьевой, покровительнице всех искусств в городе, председательнице Благотворительного общества и Общества любителей музыкального и драматического искусства, был, на мой взгляд, расцвет культурной жизни города, в том числе и маскарадов. Костюмированный вечер в доме Благотворительного общества конца

⁸ ОГВ. 1876. № 90.

⁹ ОГВ. 1899. № 2.

¹⁰ ОГВ. 1909. № 12, 13.

¹¹ ОГВ. 1854. № 1.

¹² ОГВ. 1853. № 40; ОГВ. 1854. № 2.

¹³ ОГВ. 1887. № 14.

1888 г. блистал множеством разнообразных маскарадных костюмов. Сама Е. В. Григорьева явилась в древнескандинавском костюме, ее дочь Вера в облике Снегурочки. На маскарад пришли богиня Диана, индианка, полячка, болгарка, цыганка, мотылек, скромная маргаритка, боярышня, коломбина и множество других персонажей.

Маскарад открылся полонезом из множества пар. Из танцев отмечены были вальс, польки, кадрили, котильон и мазурка.

Красивая обстановка зала с изящным киоском для прохладительных напитков великолепно вписывалась в обстановку маскарада¹⁴.

Рекордной по количеству и посещаемости маскарадов была зима 1893—1894 гг.: 6 маскарадов, включая семейный вечер, и почти ежевечерние спектакли. А 2 января 1894 г. на одном из маскарадов было продано 500 входных билетов. Это и есть абсолютный рекорд. Из интересных маскарадных костюмов той зимой выделялись: «Филодендрон» из древесных стружек и «Досюльная баба», которой нарядилась прислуга одной из городских барынь¹⁵.

Призовыми костюмами одного из благотворительных маскарадов 1898 г. были следующие: «Казенная продажа вина» — исполинская бутылка, «Красивая бабочка» и «Китайская роза»¹⁶.

На маскарадах 1898—1899 гг. были отмечены призами следующие костюмы: «Дедушка и внучек», «Дедушка Мороз», «Сиамские близнецы» и «Городская почта».

Самым интересным костюмом, конечно же, была «Городская почта» — почтовый ящик, на котором было написано: «Провинциальные сплетни; почта опускается и вынимается бесчисленное количество раз в день не почтальонами, а языками досужих обывателей и обывательниц». Ящик-костюм этот был атрибутом бальной почты, но некоторые стеснялись опускать записочки в такой ящик¹⁷.

Маскарады 1901 г., когда в залы набивалось до 600 человек, Олонецкие губернские ведомости характеризуют как «одуряющую жизнь с 8 вечера до 4 утра»¹⁸.

Самым роскошным петрозаводским балом был благотворительный (в пользу Благотворительного общества) костюмированный вечер с базаром 28 декабря 1889 г. Статья о нем в ОГВ начиналась словами: «Петрозаводск такого не видывал».

Во всех четырех углах зала Благотворительного общества красовались киоски, обставленные театральными декорациями (деревья, цветы, кусты) и

¹⁴ ОГВ. 1888. № 100.

¹⁵ ОГВ. 1894. № 2.

¹⁶ ОГВ. 1898. № 3.

¹⁷ ОГВ. 1899. № 2.

¹⁸ ОГВ. 1901. № 5.

драпированные разноцветными тканями со шнурами и кистями. В одном киоске продавали мелочь от ручки до рамки для портрета, в другом — конфеты и шампанское в бутылках со льдом, в третьем — фрукты, в четвертом — прохладительные напитки и бутоньерки. В каждом киоске — лучшие барышни города. А во время танцев одну из барышень заменяла сама Е. В. Григорьева. Маскарадные костюмы были только на женщинах. Лучший костюм — «римская девушка» — у дочери Е. В. Григорьевой. Калейдоскоп «одежд и лиц, племен, народов, состояний»: римский воин, грациозная искрящаяся кокетка, оригинальный велосипед, детская прелестная бержерка, роскошная мавританка, строго выдержанная фламандка, восхитительный чертенок с трезубцем, египтянка с классическим ибисом на голове, величественная испанка, красавец-матрос, воздушный эльф с его волшебной палочкой, рыбачка, садовница, цыганка, все четыре времени года — юная грациозная весна, жаркое лето, зима и осень. Почти все дамы были в маскарадных костюмах, и не было ни одного костюма, не заслуживающего внимания.

Вечер начался полонезом. Дальше — вальс, кадрили, мазурка и т. д. Во время танцев дамы поручили кавалерам свои доспехи, делая мужчин оруженосцами. Последние расхаживали по залу с трезубцами, копьями, корзинами и т. д. Число посетителей было втрое больше, чем в предыдущем 1889 г.

Чистая прибыль в пользу Благотворительного общества составила 275 рублей¹⁹.

Если маскарады собирали в основном зажиточную публику, то рождественская елка была более демократичным детским (хотя и не только) праздником. Елки устраивались в Общественном собрании, губернском доме, в Городской думе, во всех учебных заведениях и приютах. Чаще всего елки — на средства самых различных благотворителей. Хочется отметить елку для бедных детей 1903 г., устроенную тремя в общем-то небогатыми петрозаводскими барышнями — А. Мухиной, С. Парижской и Т. Тушовской, будущей социал-демократкой. Барышни организовали эту альтернативную елку по причине того, что ежегодные елки в петрозаводском Общественном собрании устраивались «исключительно для интеллигентных детей»²⁰.

Так, в Новый 1906 г. в Николаевском детском приюте при участии и с разрешения попечительницы приюта А. В. Протасевой была поставлена пьеса «Жизнь за царя» с музыкальными номерами. Все роли исполнялись преподавательницами и воспитанницами. Особенно хороши были Суанин (надзиратель А. Ф. Самарина), Ваня (надзиратель Н. А. Максимова), Антонида (воспитанница Корнышева), Собинин (воспитанница А. Богданова). Декорации сделаны учащимися ремесленного училища под руководством К.

¹⁹ ОГВ. 1890. № 3.

²⁰ ОГВ. 1903. № 137.

Н. Дмитриева. Режиссер А. А. Алпатова. Аккомпанировала М. Н. Липинская, жена вице-губернатора²¹.

Не менее интересной была встреча этого же Нового года и в приюте, где воспитывалось 34 мальчика. Опекун приюта — Н. А. Базегский. Елка прошла без тени официальности, праздновали единой дружной семьей. Искусство маленьких певцов удивляло в музыкальных номерах. Но самое главное — на этом вечере был детский спектакль «Мороз Иванович», великолепные декорации к которому готовили сами дети. Все получили разнообразные подарки по лотерейным билетам²².

Заслуживают добрых слов и несколько «экзотические» елки, организованные энтузиастами своего дела и просто хорошими людьми полковником В. Ф. Кршивицким и врачом-психиатром И. К. Мейером. 1 января 1896 г. в казармах местной команды была устроена елка в зале бывшего офицерского собрания Свирского резервного батальона. Зал был прекрасно декорирован зеленью и канделябрами под свечи из штыков. Трижды было исполнено «Боже, Царя храни» и началось вручение подарков (чай, сахар, куски ситца, табак, чайники, один самовар). По окончании раздачи — хор, музыка и танцы. По свидетельствам очевидцев, «многие петрозаводские хозяйки сидели в этот вечер без прислуги, весело отплясывавшей в казармах»²³.

А в 1909 г. всё тот же любимый и уважаемый в городе врач-психиатр Иван Карлович Мейер организовал елку в доме умалишенных: «Трогательно было видеть, как больные любовались зажженной елкой. Надо иметь прекрасную душу и сердце, чтобы ежедневно и бесконечно уделять из этих сокровищниц необходимую часть, как это делает И. К. Мейер»²⁴.

Начало весны — время Масленой недели. На Масленицу катались с горок и на лошадях, ходили друг к другу в гости, ели блины, сидели за картами и танцевали в клубе и дома²⁵. Масленица была замечательна и по части любительских спектаклей и концертов. А в 1887 г. проездом в Санкт-Петербург близ Соломенского в шалаше-чуме остановились двое лопарей с семейством и стадом оленей в 20 голов. Они катали петрозаводчан по заливу на оленьих упряжках²⁶.

В так называемой ямке Александровского завода на Масленицу устраивались балаганы. Поэт-скоморох Мазнев, одетый в пеструю рубаху, полосатые штаны и рыжий парик с бубликами вместо очков, веселил публику песнями на знакомые горожанам сюжеты:

«Живу я в городе Петрозаводске.

²¹ ОГВ. 1906. № 5; *Мошина Т. А.* Из истории культурной жизни Петрозаводска... С. 3.

²² ОГВ. 1906. № 2.

²³ ОГВ. 1896. № 1.

²⁴ ОГВ. 1909. № 2.

²⁵ ОГВ. 1909. № 28.

²⁶ ОГВ. 1887. № 14.

Зимой, где метла греет и мертвых бреют.

А летом в гору к угольному забору.

У меня жена хозяйка, так хозяйка...

Сделала пельмень — ел целый день,

А котлету ел целое лето...»²⁷.

Пасха — праздник церковный, и поэтому главное событие дня — богослужение в Святодуховском соборе. Но в пасхальные дни, если это и нельзя назвать гуляньем, множество народа было всегда на Английской улице. Обязательно на Пасху устраивались качели. Ежедневные праздничные собрания в этот день были в залах Благородного собрания и в горнозаводском семейном клубе. Любители показывали спектакли, устраивали вечера-концерты²⁸ и даже зазорный бой яйцами — занятнее, чем в других губерниях²⁹.

Как ни странно, но в этот день иногда проводились публичные лекции, и они активно посещались (в 1864 г., к примеру, лекция преподавателя гимназии Хрущова «Русская история и история русской литературы») ³⁰.

Пасха — главный праздник у православных, и обставлялся он особенно торжественно. Поэтому с приходом электричества сразу же появилась пасхальная иллюминация, которая вызвала критические замечания у наиболее консервативной части публики. Особенно отличалась световыми и пиротехническими эффектами в Пасху кладбищенская церковь.

В Петрозаводске с давних пор существовала традиция «летовстречения»: 1 мая горожане отправлялись встречать весну на вторую версту по Петербургскому тракту к часовне Антипы-зуболечебника.

Тихий, казалось бы безлюдный город оживал. На улицах начинала кипеть жизнь: «Катились прекрасные покойные коляски на плоских рессорах; высокие кареты, запряженные парой гнедых, одноконные пролетки, и с резвыми пристяжными, беговые дрожки с шаловливыми рысаками, финские таратайки и гитары, как называют здесь широкие скромные калиберные дорожки...»³¹. Все это двигалось между пестрыми группами чиновников и гуляющих мастеровых. Дамы показывали здесь новые летние наряды, когда позволяла погода. Около часовни десятка два лотков с незатейливыми лакомствами — «летом», как их называли в этот день (пряники, сбитень, водка в разлив). Рядом с часовней была лавка с колониальным товаром. Гремел оркестр. Люди с бутылочками и закуской располагались на сухих пригорках. А с левой стороны от города — прямо-таки выставка невест в цветных платочках. То к одной, то к другой девице подходит «кавалер»: «Здравствуйте вам,

²⁷ Цит. по: *Мошина Т. А.* Из культурной жизни... С. 1—2.

²⁸ ОГВ. 1864. № 17.

²⁹ ОГВ. 1861. № 17.

³⁰ Там же.

³¹ ОГВ. 1856. № 26.

пожалуйте ручку», — и в толпу»³². Товары все нарасхват. Весенние гульбища продолжались до 10 часов вечера, а то и позже³³.

День памяти Усекновения главы Иоанна Предтечи, 29 августа, тоже не забывался горожанами. Но он несколько отличался от дня «летовстречения». Весь день в часовне молебные песнопения, записки, свечи, прикладывание к скульптурному изображению главы Иоанна Предтечи. Около часовни «...калики переходжие поют духовный стих об Алексее, человеке Божьем. Лучше всех незрячий старец в центре. Этот художник в своем деле тут же нашел отклик в народной среде, и кругом него, постепенно, нарастая, образуется толпа, а он так запел, что копеечки просыпались из его заскорузлой длани...»³⁴.

После «летовстречения» кончаются пасхальные праздничные визиты по гостям, гулянья постепенно переходят с Мариинской улицы в летний сад³⁵.

По преданию Петрозаводский городской общественный сад разведен и насажен по собственному плану Петра I: земляной вал, дворец, небольшой пруд, правильный сад, где любил прогуливаться император. В его отсутствие сад стал любимым местом гуляний горожан. К концу XVIII в. сад пришел в запустение, а в 1803 г. буря уничтожила 73 петровских дерева. Садом губернское начальство стало заниматься только с 1819 г., после посещения Петрозаводска Александром I. В 1824 г. в верхней части сада был поставлен чугунный бюст Петра I. Но только между 1844 и 1848 гг. стараниями почетного гражданина и коммерческого советника М. П. Пименова был построен достаточно капитальный павильон — «воксал» с паркетным полом, где под оркестр могло танцевать до 40 пар. В 1858 г. к павильону в связи с приездом Александра II была пристроена широкая крытая терраса с колоннами. В 1872 г. павильон сгорел и через год был восстановлен. Но сад, несмотря на любовь к нему горожан, приходил в запустение, и только в 1884 г., благодаря пожертвованию ряда частных лиц, сад стал восстанавливаться и хорошеть³⁶.

Первые сведения о гуляниях в общественном саду относятся к 1853 г.: «Наш город не может похвастаться многочисленностью образованного класса. Между тем, здесь есть много образованных семейств и благовоспитанных молодых людей, которые составляют небольшое, но прекрасное общество, и которые могут служить украшением не только Петрозаводска, но и всякого другого провинциального города. Образованный класс в Петрозаводске составляет одну семью, у которой удовольствия и развлечения бывают большей частью общие... В летнюю пору место увеселения — обще-

³² ОГВ. 1888. № 33.

³³ ОГВ. 1856. № 26.

³⁴ ОГВ. 1910. № 89.

³⁵ ОГВ. 1861. № 17.

³⁶ Аврамов М. Историческая записочка о Петрозаводском городском общественном саде // ОГВ. 1885. № 45—46.

ственный сад. Сюда несколько раз в неделю собирается лучшее общество города. Бывают случаи, когда сад иллюминируется, и даются в нем фейерверки. К сожалению, подобные случаи редки»³⁷.

На протяжении более чем полувека гулянья в общественном саду часто бывали благотворительными. Сборы от гуляний шли в пользу слепых, общества спасения на водах, местной общины сестер милосердия, Машезерской школы, Свято-Петровской общины Красного Креста, детских приютов, гимназий, русских военнопленных, больных туберкулезом.

В 1880-е гг. в саду играл оркестр горной музыки под управлением капельмейстера Мея. Отмечалось, что под эту музыку можно было не только танцевать, но ее можно было слушать³⁸. Накануне и во время революции в саду играл оркестр 7-го железнодорожного батальона под управлением капельмейстера Гаврилова³⁹. Батальон участвовал в строительстве Николаевской железной дороги.

В общественном саду петрозаводчане знакомились с последними зрелищными новинками. Достаточно сказать, что первый платный киносеанс состоялся в саду в 1901 г. Тогда же петрозаводчане познакомились и с граммофоном⁴⁰. Многие гулянья запоминались петрозаводчанам. Так, 22 июля 1887 г. супруга губернатора Е. В. Григорьева по случаю тезоименитства императрицы Марии Федоровны устроила благотворительное гулянье. На эстраде было выступление профессиональных артистов Н. И. Соболевцова-Самарина и Фрияра-Боярова (Театр миниатюр с хорошо поставленными номерами). Работал буфет с шампанским, лимонадом, закусками и фруктами для «чистой публики». Для простых людей продавали пиво из бочки и традиционные сласти. Ближе к вечеру в небо поднялся огромный воздушный шар и началась иллюминация.

Днем публика попроще состязалась в лазании на мачту, хождении по бревну, бегали в мешках, искали сюрпризы в бочках с овсом, взвешивались на весах.

Все это происходило под звуки двух оркестров. Отмечалась хорошая организация и постановка всего гулянья⁴¹.

Не менее интересным было и гулянье 27 мая 1890 г. 1880—1890-е гг. — время расцвета так называемых живых картин. В беседке сада давал представление В. В. Афанасьев — «Робинзон Крузо» в 11 картинах. А на эстраде играл военный оркестр под управлением Б. С. Велька. Декорации к картинам менялись мгновенно, не опуская занавеса, что приводило публику в восторг.

³⁷ Ласточкин А. Общественные увеселения в Петрозаводске // ОГВ. 1853. № 40.

³⁸ ОГВ. 1886. № 92.

³⁹ ОГВ. 1916. № 92.

⁴⁰ ОГВ. 1901. № 76.

⁴¹ ОГВ. 1887. № 57, 58.

Под аплодисменты на сцене появились облака и при свете магния поднялась окутанная гирляндами цветов «богиня весны».

Было что послушать и у оркестра Б. С. Велька. Главный музыкальный номер — попури из известной в то время феерии «Путешествие вокруг света», состоящее из 76 номеров и длящаяся 45 минут. В музыке звучали: приближение поезда, звук выпускаемого пара, сигнальный рожок, свисток, станционный колокол, трели соловья. По окончании феерии раздалась аплодисменты, чего даже в Петербургском Летнем саду никогда не заслуживал ни один оркестр⁴².

Для публики попроще и увеселения были попроще. Так, в июне 1897 г. давала представление в трех отделениях «Оригинальная труппа единственной женщины, последовательницы индийских факиров г-жа Нелли»⁴³.

В начале XX в. по всей России становятся популярными оркестры балалаечников (или, как их называли тогда, «Хоры балалаечников»). Они стали особенно знамениты после феноменального успеха в России и за границей оркестра В. Андреева. В Петрозаводске таким оркестром руководил парикмахер Самуил Пергамент, отец будущего композитора Рувима Пергамента⁴⁴. Балалаечники часто выступали в саду⁴⁵.

В 1904 г. в саду выступал Большой цыганский табор и Большой цыганский хор, певший в Петербурге в зале дворянского собрания⁴⁶.

В 1906 г. в своей спиритической палатке демонстрировал летающие предметы г-н Александров⁴⁷.

На гуляньях особо пользовались успехом самые различные соревнования типа упоминавшихся бега в мешках и лазания на мачту. Азартно и спортивно проходила стрельба из лука. Особо забавен был номер «бочка со свечкой». Состязающийся должен достать зубами свечку, плавающую в бочке, наполненной водой до краев. Труднее всего это давалось бороатым и усатым. Призами в таких соревнованиях были кумачовые и ситцевые рубашки, бумажники, перочинные ножи, кошельки, складные ручные зеркала, книги, носовые платки, мячи, гребенки, мыло и т. д.⁴⁸

Во время гуляний общественный сад украшали флагами, гирляндами из хвой и цветов. Всегда оригинально оформлялись павильон-буфет с шампанским и фруктами. Часто бывали фейерверки. Один из самых ярких состоялся в сентябре 1904 г. на гулянии «Прощание с летом». Сказочный фейерверк устроил организатор гуляний Ф. Я. И. В финале салюта возник световой

⁴² ОГВ. 1890. № 40, 41.

⁴³ ОГВ. 1897. № 48.

⁴⁴ *Мошина Т. А.* Из культурной жизни... С. 2.

⁴⁵ ОГВ. 1901. № 67, 104.

⁴⁶ ОГВ. 1904. № 56.

⁴⁷ ОГВ. 1906. № 56.

⁴⁸ ОГВ. 1906. № 73.

корабль, откуда вылетело множество разноцветных огней. 1904-й — год появления электричества в Петрозаводске. В центре этого гуляния — один электрический фонарь, окруженный множеством керосиновых. В этом же 1904 г. был сделан ремонт отдельных сооружений сада⁴⁹.

В 1910-е гг. стали проводиться «дни белого цветка», благотворительные гуляния в пользу больных туберкулезом. Они территориально охватывали и сад, и Мариинский бульвар. В саду выступал хор под управлением Ефимова, оркестр балалаечников под управлением Гурьева, традиционно работал буфет, а вечером устраивался фейерверк. Чистая прибыль «дня белого цветка» 1911 г. составила 511 руб. 51 коп.⁵⁰ Гулянье «белого цветка» 22 мая 1914 г. принесло 112 руб. 69 коп. чистой прибыли⁵¹.

Интересно и остроумно оформил в виде своеобразного праздника 2 октября 1905 г. одно полезное для города дело вице-губернатор К. М. Шидловский. По его инициативе был образован комитет по благоустройству города. Главной задачей явилось устройство бульвара вдоль Мариинской улицы. Комитет через городского главу Г. Е. Пименова связался с Петербургским лесопитомником и закупил по достаточно низкой цене тополя, ясьень, клены и другие деревья и кустарники. Все это было доставлено на пароходе В. Д. Лысанова. Из Пудожа привезли много лиственницы. И вот 2 октября 1905 г. был объявлен «праздник древонасаждения для учащихся». В 14 часов заиграл оркестр, пришли учащиеся, и сам К. М. Шидловский отводил ученикам участки для работы. Через два часа половина бульвара была засажена. Масса публики гуляла под звуки музыки, наблюдая работу детей⁵².

Ряд праздников в Петрозаводске был связан с круглыми датами в истории Русского государства.

Праздником номер один следует считать торжественное открытие памятника Петру Великому на Круглой площади в честь 200-летия со дня рождения Петра 31 мая 1872 г. Идея создания памятника принадлежала губернатору Г. Г. Григорьеву. Автором был скульптор, академик Императорской академии художеств И. Н. Шредер. Открытие памятника происходило по заранее разработанному сценарию⁵³.

Еще накануне торжеств в город начали приезжать крестьяне. Женщины в нарядах из парчи и в жемчужных поднизях. Из Петербурга на пароходе «Царица» прибыл хор музыкантов лейб-гвардии Преображенского полка. Все городские здания от Петропавловского собора до Петровской площади были украшены разноцветными флагами, коврами, гирляндами из живых цветов и

⁴⁹ ОГВ. 1904. № 103.

⁵⁰ ОГВ. 1911. № 79.

⁵¹ ОГВ. 1914., № 99.

⁵² ОГВ. 1905. № 103.

⁵³ *Кануста Л. И.* Круглая площадь // Улицы и площади старого Петрозаводска. Петрозаводск. 2003. С. 8.

зелени с вензельными изображениями Петра I. На балконе гимназии стоял бюст Петра в пунцовой драпировке с императорской короной. Александровский завод тоже был убран флагами.

Закрытый покровом памятник Петру был окружен шестью вазами с живыми цветами. Оформление праздника выполнил архитектор Пороменский.

По окончании богослужения в Петропавловском соборе батальон с музыкантами отправился на площадь и стал вокруг памятника, артиллеристы — возле орудий. Торжественная процессия расположилась на площади: хоругви, образы и духовенство перед памятником к востоку, певчие — по левую сторону, губернатор и прочие чины — по правую; городская дума и уездные — у присутственных мест; воспитанники учебных заведений — у губернаторского дома, горные мастеровые — позади памятника. Балконы и окна губернаторского дома были наполнены публикой, в том числе и воспитанниками приютов. После молебствия с памятника упало покрывало. Епископ Ионафан обошел памятник и окропил его водой. Раздался 31 пушечный залп под крики «ура». Батальон прошел церемониальным маршем перед памятником под музыку. У памятника встал часовой, а батальон — между памятником и губернаторским домом, где солдатам на столах было приготовлено угощение. Для народа у Гостиного двора были установлены традиционные качели и мачта для лазания за призами. В два часа состоялся обед в Благотворительном обществе, во время которого на террасе играли музыканты.

С 6 до 8 вечера было представление в цирке братьев Вольф. В Благотворительном обществе — спектакль. Поздно вечером фейерверк⁵⁴.

Весьма торжественно отмечали в Петрозаводске и столетние юбилеи А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Так, 26 мая 1899 г. в Маринской женской гимназии после Божественной литургии и панихиды состоялся большой концерт из 20 номеров, исполненных преподавателями и гимназистками. Кроме стихов были вокальные и инструментальные номера. Прекрасно выступил хор⁵⁵. Старополицейская улица в 1899 г. переименована в Пушкинскую.

Столь же празднично встретили и 100-летие со дня рождения Н. В. Гоголя: 20 марта 1909 г. мужская и женская гимназии отметили юбилей в зале губернской управы. Учащиеся участвовали в инсценировках «Утро делового человека», «Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем», сцена свидания Левко и Ганны из «Майской ночи».

Все учащиеся Петрозаводска устроили общий гоголевский праздник: учительская семинария, педагогические курсы, ремесленное училище, женское приходское училище, три мужских приходских училища. В празднике при-

⁵⁴ ОГВ. 1873. № 51.

⁵⁵ ОГВ. 1899. № 39.

нимали участие хор и струнный оркестр под управлением Леонтьева, всего 80 человек, одетых в малороссийские костюмы.

В народном доме прошел вечер из трех отделений. Исполнялись сцены из произведений Гоголя, живые картины, малороссийские песни. Вечер, поставленный П. Г. Григорьевым, прошел удачно.

В учительской семинарии Гоголя чествовали на протяжении отдельного вечера. Преподаватель К. И. Орфинский прочел «Слово о Гоголе». Были исполнены отрывки из Гоголя и несколько малороссийских песен⁵⁶.

В этом же году по всей России широко отмечалось 200-летие Полтавской битвы. В Петрозаводске 27 июня 1909 г. после Божественной литургии в Петропавловском соборе состоялся военный парад. Дома, улицы, площади были украшены флагами. В общественном саду целый день играли два оркестра, а вечером был устроен праздничный фейерверк. Тогда же состоялся музыкально-драматический вечер для всех учебных заведений города, где главными номерами были сцена из оперы П. И. Чайковского «Мазепа» в исполнении Н. В. Солнышковой и Е. А. Богдановича и отрывки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» в исполнении Е. А. Воскресенской и В. Н. Лядинского⁵⁷.

Через три года Россия праздновала 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. 25 августа 1912 г. состоялось архиерейское служение в Воскресенском соборе. Во всех церквях прошли всенощные бдения в честь иконы Богоматери «Владимирская». В 12 часов напротив гимназии служили благодарственный молебен. После этого был устроен парад. В 17 часов прошло торжественное собрание в летнем театре. А на Мариинском бульваре — гулянье под звуки двух духовых оркестров. В театре ставили пьесу из времен 1812 г., в саду — кино под открытым небом со световыми картинками из 1812 г. В 23 часа состоялся фейерверк.

Торжественно отметили юбилей и в Мариинской гимназии (организаторы: А. М. Солнышкова, А. Г. Бонч-Осмоловская, Е. С. Пулцаровская, П. И. Карелли). Гимназия утопала в зелени. Арки были украшены цветами, а стены — портретами героев войны. После панихиды по Александру I и погибшим состоялась литературно-вокальная часть, в программу которой входили следующие номера, исполненные гимназистками: «Раздавайтесь, напевы победы (хор)», «Вот Руси граница» (Евтихьева), «Волк на псарне» (Иванова, Чукова, Орфинская), «Бородино» (хор), «Перед гробницей Кутузова» (Н. Альбова, К. Кудыш, Н. Черныш). После этого был отчет за учебный год и раздача наград лучшим ученицам. Закончилось торжество пением «Боже, Царя храни»⁵⁸.

⁵⁶ ОГВ. 1909. № 34, 35, 40.

⁵⁷ ОГВ. 1909. № 43, 44, 67.

⁵⁸ ОГВ. 1912. № 94, 105.

Свои праздники и гуляния устраивали и различные общественные объединения и организации.

11 мая 1914 г. Воскресенское братство трезвости устроило праздник трезвости. Он начинался с Архиерейского богослужения с молебном, крестным ходом, раздачей листовок о вреде пьянства. Об этом же была и проповедь преосвященного Никанора. С 6 до 10 вечера на Маринском бульваре проходило гулянье под духовой оркестр. Производился «кружечный сбор» на устройство в городе Народного театра (собрано 347 руб.)⁵⁹.

К корпоративным праздникам можно отнести и базар Олонецкого учительского общества 5—6 августа 1912 г. в помещении четырехклассного училища. Учителя организовали базар для того, чтобы создать в Петрозаводске свой Учительский дом. Флаги и оркестр подчеркивали праздничный характер мероприятия. Базар был декорирован зеленью, цветами и различными цветными тканями. На столах красиво расположились предметы, сделанные или пожертвованные учителями: вышивка, плетение, столярные изделия и различные красивые безделушки фабричного производства. Сидящие за столом симпатичные учителя и учительницы с сиреневыми бантами предлагали купить вещи, рассказав, кто их сделал. Предметов было немного, и их раскупили чуть ли не в первый день⁶⁰.

Петрозаводчане любили праздновать и находили повод для праздников даже в простых проводах парохода — на них собиралась чуть ли не вся «буржуазия» города. После отхода судна гуляющие устремлялись на свои любимые места с гармошкой и песнями. Иногда бывали хороводы даже у тюремного замка. Раздавались звуки песен: «Быстры, как волны, дни нашей жизни», «Ах вы, сени, мои сени». Пели много частушек.

Пожалуй, самым важным летним праздником в городе был Петров день, который тесно связан с петровской ярмаркой.

В Петрозаводске ежегодно действовали четыре ярмарки: Афанасьевская (с 18 по 31 января), ярмарка на Соборное воскресенье (с 18 по 21 февраля), Алексеевская (17 марта) и Петровская (с 28 по 30 июня). Сразу отметим, что все городские ярмарки по своим оборотам были ничтожны. И хотя ярмарка прежде всего это торговое мероприятие, но любая ярмарка являлась и праздником. Большим праздником в Петрозаводске всегда считалась Петровская ярмарка.

Петровки (Петров день) издревле были важны в хозяйственном, юридическом, религиозном и мифическом значении. В сельском хозяйстве они сопровождались летними полевыми работами. Еще западные путешественники XVI в. Мейерберг и Олеарий оставили рассказ о Петровских игрищах того времени. Они писали, что около Петрова дня русский народ веселился

⁵⁹ ОГВ. 1914. № 92.

⁶⁰ ОГВ. 1912. № 91.

несколько недель: качались на качелях, пели особенные песни, водили хороводы и разные игры. Подобные гулянья были и в XIX в., и в начале XX в. В этот же день проходили и ярмарки.

Петров день — приходской праздник Петрозаводска. А до учреждения здесь епархии гулянье начиналось в канун праздника. Всю ночь и последующие дни продолжались игрища.

Примерно до 90-х гг. XIX в. Петров день в Петрозаводске был многолюден, несмотря на незначительность товарооборота. В 1852 г., например, товаров было на 2800 руб., а продано рублей на 800—900⁶¹.

Пожалуй, наибольшего расцвета Петров день как праздник с ярмаркой достиг в 50—60-е гг. XIX в., после того как 29 июня 1856 г. состоялось освящение храма Петра и Павла после длительного «возобновления заботами Преосвященного Архиепископа Аркадия». Крестьяне съезжались накануне из деревень за 100 верст от Петрозаводска, чтобы купить хлеба на ярмарке и побыть на гулянье. Вечером большая часть народа была на всенощной в Кафедральном и Петропавловском соборах. На следующий день до полудня тоже служба, а потом — гулянье. До самого вечера напротив Гостиного двора — хороводы. Крестьянки приезжали в народных костюмах: штофные и парчовые сарафаны, бархатные повойники, короны с жемчужными поднизями. У девушек косы с лентами, на ногах красные башмаки, на руках длинные зеленые перчатки. Девушки и женщины, приехавшие из Заонежья, отмечались особенным щегольством по сравнению с деревенскими модницами других губерний. Мастеровые женщины и девушки предпочитали шелковые наряды и обязательно — платочек на голове.

Местом рынка и гульбища служили городская пристань, Соборные улица и площадь. Девушки водили хороводы, пели песни, устраивали танцевальные «шены» под гармонь или балалайку (шен, или шенок, — наиболее популярное увеселение петрозаводских мастеровых и многих крестьян; перенято из обрусевшей французской кадрили). А в общественном саду весь Петров день играл духовой оркестр.

И все-таки главное в Петровке, конечно, торговля. На пристани — целая роща из мачт прибывших лодок. Здесь петрозаводчане находили многое, чем был богат Олонецкий край. Маленький подвижной рынок на лодках был выгоден горожанам, так как цены на многие продукты с лодок гораздо ниже городских, потому что петрозаводские торговцы с наступлением лета наكدывали цены на многие продукты. С лодок обычно продавали рыбу, мясо, масло, яйца, кожу, изделия крестьянского ручного труда — серпы, косы, грабли, точила из песчаника, холст, деревянную посуду, андомскую керамику, какие-то безделушки из мрамора. Сумма ярмарочного оборота всегда увеличивалась за счет привозимого сюда из Вытегры на вольную продажу

⁶¹ ОГВ. 1853. № 30, 31.

хлеба, который активно закупался местными жителями, в том числе крестьянами, у которых своего хлеба на целый год почти всегда не хватало. Хлеб привозился из Каргополя. «Красного товара» (текстиля) на ярмарке было немного. Им торговали в основном петрозаводчане. Зато было множество балаганов со сбитнем и расписными пряниками, которыми лакомились крестьяне и мастеравые⁶².

Петровская ярмарка существовала вплоть до революции, временами переживая не лучшие свои годы. Одной из причин временного упадка ярмарки могла быть дороговизна рыбы из-за плохих уловов в отдельные годы, значительная отправка ее в летние месяцы на пароходе в Санкт-Петербург (раньше рыба отправлялась в столицу только зимой санным путем); конкуренция, часто неуспешная, местных торговцев рыбой с петербургскими. Такая же история происходила и со сливочным маслом, которое петрозаводские купцы начали выписывать из Петербурга⁶³.

Ярмарочным гуляньям очень повредило неодобрительное отношение к ним Православной церкви. Архиепископ Игнатий с 1828 г. восстал против них. Он сказал в соборе горожанам и приехавшим на ярмарку крестьянам грозное слово о неблагороднейшем времяпрепровождении накануне Петрова дня. Пляски и игры с того времени были прекращены, хороводы же начинались только в день праздника⁶⁴.

К тому же постепенно исчезал старинный русский костюм. Уже в 1870 г. отмечалось, что крестьяне большей частью одевались по-городскому («по немецкому»)⁶⁵. В 1878 г. старинных женских костюмов на ярмарке было всего около десятка (головных уборов побольше)⁶⁶.

Но проходит каких-то 9 лет, и ярмарка снова возрождается. Опять приезжают «гости», они молятся в Петропавловском соборе и прикладываются к иконе «Тихвинской» Божьей Матери, которая находится в 50 метрах от собора. Приезжие останавливаются у горожан, которые побывали у них когда-нибудь в гостях в деревне. Весь день до вечера проходит гулянье. Мариинская и Летний сад в это время могут потягаться с Невским или Кузнецким. Снова появились женщины и девушки в жемчужных кокошниках, серьгах, бусах, в старинных сарафанах. Мужчины и парни уже предпочитают «спинжаки» и «визитки». И на женщинах начинают появляться часто безобразно сшитые на городской манер костюмы. Над всем гуляньем начинает царить своеобразный деревенский дух. На лотках прянички — белые, красные, мятные, лошадки, рыбки; пирожные «а-ля бисквиты» и «а-ля шмандку-

⁶² ОГВ. 1853. № 30, 31; ОГВ. 1856. № 28, 29.

⁶³ ОГВ. 1870. № 50.

⁶⁴ ОГВ. 1869. № 51.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ОГВ. 1878. № 50.

хен»; изюм, лимоны, апельсины, конфеты⁶⁷. На следующий год приезжих на ярмарке было еще больше. В саду целый день бесплатно играл оркестр и пел хор⁶⁸.

Пожалуй, последней заметной ярмаркой в Петров день стала ярмарка 1895 г., когда было привезено и продано на 2915 руб. товара. В данном случае большая доля суммы падает на проданный скот — коров и телят. Остальные товары распределились следующим образом: овец — на 120 руб., масла чухонского — на 160 руб., масла русского — на 600 руб., ушатов — на 30 руб., лоханей, кадок и ведер — на 60 руб., граблей — на 140 руб., кос и брусков точильных — на 75 руб., угля древесного — на 75 руб., смолы — на 200 руб., извести — на 220 руб.⁶⁹

Ярмарка год от года теряла свое первоначальное значение. Заметно уменьшился привоз хлеба из Каргопольского уезда, традиционной житницы Олонецкой губернии. Это произошло в связи с постройкой вологодско-архангельской железной дороги, куда и стал отправляться свободный хлеб⁷⁰. В первом десятилетии XX в. Олонецкие губернские ведомости чуть ли не каждый год пишут, что ярмарка не отличается особым многолюдством и что народу и товару на ней становится все меньше и меньше⁷¹, а в 1908 г. ярмарка вообще названа «Петровским торжком»⁷². Тем не менее, отмечались Петровские ярмарки и в 1903 г., когда было привезено товара на 3176 руб., а продано на 2478 руб.⁷³, и ярмарка 1910 г., о которой А. Петров писал: «Несмолкаемый шум от говора толпы и передвижений висел в воздухе. Толкание, пестрые наряды деревенских девушек и молодых, широкие груди и мускулистые руки мужчин — все это вместе производило бодрое настроение. Мало разнообразия мы видим на ярмарке: все больше сласти и лакомства — пряники, конфеты, леденцы, стручки, орехи и т. д. Тут же приезжий петербуржец с изделиями из раковин, тут и рамки для фотографий, и туалетные зеркала, и бонбоньерки, и пепельницы и т. д. Картины лубочной работы, книжки, буквари, иконы.

Производство родной Олонии: шелтозерские оселки, великогубские туссы, каргопольские бураки, корзины, андомские горшки, грабли, топорщица, ручки к косам, изделия толвуйских кружевниц»⁷⁴.

⁶⁷ ОГВ. 1887. № 51.

⁶⁸ ОГВ. 1888. № 50.

⁶⁹ ОГВ. 1895. № 52.

⁷⁰ ОГВ. 1897. № 18.

⁷¹ ОГВ. 1905. № 68; ОГВ. 1906. № 70; ОГВ. 1911. № 69.

⁷² ОГВ. 1908. № 71.

⁷³ ОГВ. 1903. № 28, 31.

⁷⁴ *Петров А.* Петровская ярмарка // ОГВ. 1910. № 66.

И. В. Мельников

Новые открытия памятников первобытной археологии в районе музея-заповедника «Кижь» (работы 2017—2019 гг.)

Аннотация. В статье публикуются новые открытия в районе музея-заповедника «Кижь» древние поселения: мезолита Ручей (Жарниково) 5, раннего неолита Ярнаволок 1, неолита-энеолита Грыз 1 и неолита Гарницы 1.

Известно, что южная часть Заонежского полуострова с архипелагом Кижские шхеры (окрестности острова Кижь) была освоена древним населением в эпоху мезолита. Одним из древнейших памятников археологии в ближайшей округе острова Кижь является знаменитый Оленеостровский могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера¹. Экспедицией музея заповедника «Кижь» в 1990-х — 2000-х гг. было открыто 59 памятников мезолита, неолита и энеолита в районе залива Вожмариха Онежского озера, озера Копанец в южной части Заонежского полуострова и на островах Кижских шхер (рис. 1). Материалы исследований были опубликованы², в музее на острове Кижь была создана археологическая экспозиция.

Исследования последних лет дали новые материалы, свидетельствующие об освоении данного района древним населением. В частности, повторное обследование территории позволило выявить четыре новых памятника первобытной археологии — поселения Ручей (Жарниково) 5, Ярнаволок 1, Грыз 1 и Гарницы 1.

Поселение Ручей (Жарниково) 5 располагается в южной части Заонежского полуострова, в районе деревень Дудниково и Телятниково. Залегает на ровной, полого спускающейся в сторону берега безымянного ручья площадке высотой около 2 м над уровнем воды в ручье и около 6 м над уровнем Онежского озера (рис. 2, 3). К северу, примерно в 120 м, находятся поселения эпохи мезолита Ручей (Жарниково) 1 и 3, а на противоположном берегу ручья еще одно мезолитическое поселение — Ручей (Жарниково) 2. Еще

¹ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 47).

² Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит — энеолит). Петрозаводск, 2013. 408 с.

далее к югу, примерно в 250 м, поселение неолита с ямочно-гребенчатой керамикой Жарниково (Ручей) 4³.

Удаленность поселения от берега ручья — около 35 м. Территория памятника в прошлом распахивалась, что привело к разрушению культурного слоя на всю глубину. В настоящее время покрыта луговой растительностью, под сельхозгодья территория не используется и постепенно зарастает смешанным хвойно-лиственным лесом (рис. 4).

Площадка памятника вытянута вдоль древнего берега ручья, который в период бытования поселения был более полноводным — видимо, представлял собой небольшую реку шириной около 15—20 м. Поселение располагалось вблизи ее впадения в Онежское озеро, берег которого тогда находился примерно в 150 м южнее поселения (реконструкция береговой линии Онежского озера на момент существования поселения приводится на рис. 2)⁴. Площадка памятника вытянута в направлении север-запад — юго-восток на протяжении около 46 м, площадь составляет около 700 кв. м. Западная и восточная границы поселения маркируются краями террасы, северная и южная границы определены по распространенности культурного слоя.

На месте поселения было заложено два шурфа, в которых прослежена схожая стратиграфия: 1. Дерн — 5—8 см, 2. Супесь темно-серого цвета (распаханный культурный слой) — 22—38 см, 3. Супесь светло-серого цвета (материк). Находки встречались в супеси темно-серого цвета. Они включали орудия, заготовки орудий, а также отщепы и осколки из сланца, кварца, кварцита и лидита.

Состав коллекции из поселения Ручей 5

	Шурф 1	Шурф 2
Тесло (сланец)	1	
Обломок рубящего орудия (сланец)	1	
Обломок абразива (сланец)	1	
Заготовка орудия (сланец)	1	
Осколки со следами пиления (сланец)	4	
Осколок со следами шлифовки (сланец)		1
Отщепы со следами использования (сланец)	1	

³ Поселения были открыты археологической экспедицией музея «Кижь» и исследовались в 2011—2012 гг. Публикацию см.: Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения... С. 113—117.

⁴ Здесь и далее анализ палеогеографической ситуации, связанный с расположением исследуемых памятников, делается по результатам следующих публикаций: Девятова Э. И. Природная среда и ее изменение в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986. 109 с.; Елина Г. И., Филимонова Л. В. Этапы развития растительности и климата в восточном Заонежье в позднеледниковье — голоцене // Острова Кижского архипелага. Биогеографическая характеристика. Петрозаводск, 1999. С. 21—27; Палеоэкологические условия в голоцене и освоение древним человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова / И. Н. Демидов и др. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 221—240.

Резцы (кварц)	2	
Скобель (кварц)		1
Обломок долотовидного орудия (кварц)		1
Отщепы и осколки сланца	14	7
Отщепы и осколки кварца	6	3
Отщепы и осколки кварцита	3	1
Отщепы и осколки лидита	2	2

Среди найденных артефактов отметим следующие предметы.

Изделия из сланца. Полностью шлифованное тесло из плоской гальки, подчетыреугольной, вытянутой в плане и подовальной в поперечном сечении формы (рис. 5:8). Рабочая часть имеет следы сильной сработанности.

Обломок сланцевого шлифованного рубящего орудия (рис. 5:11). Представлена обушная часть подчетыреугольной в плане, а также в продольном и поперечном сечении формы. Рабочая часть утрачена.

Обломок заготовки орудия из сланцевой плитки со следами пиления (рис. 5:14) Имеет подтрапещевидную вытянутую форму, на зауженной части сколами намечена обушная часть орудия, на боковой грани имеется след от пиления.

Прочие сланцевые предметы представлены заготовкой орудия аморфных очертаний, со следами оббивки на поверхности (рис. 5:9), тремя осколками плиток разной формы со следами пиления (рис. 5:3, 10, 12), обломком абразива из плитки аморфных очертаний (рис. 5:6), осколком со следами шлифовки (рис. 5:7). Отметим также отщеп со следами использования (рис. 5:13) — плоский, удлинённых очертаний, со следами сработанности на торцевом ребре. Возможно, применялся в качестве скребущего орудия. Противоположный край заужен и оформлен в виде черешка.

Изделия из кварца. Резец срединный из граненого осколка подтреугольно-вытянутой формы с плоским основанием (рис. 5:4). Рабочий конец слегка изогнут, оформлен сколами, имеет следы сработанности. Противоположный конец заужен, со следами сколов.

Резец срединно-угловой из плоского отщепа аморфных очертаний (рис. 5:5). Рабочий конец оформлен сколами, со следами сработанности.

Обломок долотовидного орудия из нуклевидного осколка неправильной подчетыреугольной в плане формы (рис. 5:1). Клиновидное лезвие уплощено, обушная часть заужена.

Скобель из граненого осколка неправильной подовальной в плане и подтреугольной в поперечном сечении формы (рис. 5:2). Рабочая поверхность оформлена на боковой грани.

По составу находок, отсутствию керамики и высотному расположению памятник может быть отнесен к эпохе мезолита.

Поселение Ярнаволок 1 находится вблизи северо-восточного берега Большого Климецкого острова Онежского озера, в 2,2 км к северо-востоку от

дер. Кургеницы и в 600 м от северной оконечности Клименецкого острова — мыса Ярнаволок (рис. 6). Примерно в 1,2 км к юго-востоку, на соседнем Северном Оленьем острове, находится неолитическое поселение с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой Северный Олений остров 1. Удаленность поселения Ярнаволок 1 от берега Онежского озера составляет около 40 м. Участок, где находится памятник, представляет собой вытянутую в направлении северо-запад — юго-восток скальную гряду, перекрытую моренными песчано-гравийными отложениями ледникового происхождения. Территория полностью покрыта смешанным хвойно-лиственным лесом. Памятник занимает ровный участок древнего берега, несколько расширяющийся в северном и южном направлениях. Высота около 5,5 м над уровнем воды в Онежском озере. Площадь составляет до 1000 кв. м. Восточная граница памятника маркируется скальными выходами, западная — краем террасы, ниже по склону которой начинается заболоченный участок берега (рис. 7, 8).

Анализ палеогеографических данных, касающихся развития побережья Онежского озера в районе Кижских шхер, позволяет полагать, что первоначально участок берега, где находится поселение, представлял собой небольшой (примерно 300 м длиной) вытянутый в направлении северо-запад — юго-восток остров, находившейся вблизи северного побережья древнего Клименецкого острова и отделенный от него узким проливом. В дальнейшем, по мере отступления береговой линии, пролив исчез, и остров превратился в узкий мысовидный выступ в северо-восточной части Клименецкого острова, омываемый с запада мелководным заливом. Впоследствии, когда береговая линия приобрела современные очертания, мелководный залив превратился в болото, существующее по настоящее время. Реконструкция развития береговой линии в месте нахождения поселения Ярнаволок 1 приводится на рис. 9. Участок берега был наиболее удобен для освоения древним населением в период существования мелководного залива, он закрыт от ветра и подходит для пережидания непогоды во время шторма. После заболачивания залива приставать к берегу и останавливаться в этом месте стало невозможно.

На месте поселения был заложен шурф 2×2 м. Стратиграфия: 1. Дерн — 5—7 см. 2. Красноовато-коричневый песок с галькой и валунами (культурный слой) — 14—20 см. 3. Желто-коричневый песок с галькой и валунами (материк). Находки встречались в красноовато-коричневом песке. Следует отметить, что культурный слой был очень насыщен камнями-валунами и галькой разных размеров.

Находки включали фрагменты керамики сперрингс с позвонковым орнаментом, мелкие фрагменты керамики неопределенного типа, обломок кварцевого нуклеуса, сланцевую гальку со сколами, осколки и отщепы камня со следами обработки (3 — кварц, 1 — кремень) (рис.10:6—9), а также осколки и отщепы камня без обработки (16 — сланец, 8 — кварц, 3 — кремень, 9 —

кварцит). Фрагменты керамики окатаны водой.

Судя по находкам керамики, поселение относится к раннему неолиту и связано с культурой сперрингс⁵.

Поселение Грыз 1 располагается на острове Грыз вблизи западного побережья Большого Клименецкого острова, в районе дер. Кузнецы (рис. 11). Остров Грыз имеет протяженность с северо-запада на юго-восток около 160 м и ширину около 80 м. Большая его часть представляет собой покрытую дерном скалу, в южной стороне он покрыт кустарниковой растительностью.

Памятник находится на юге острова, на участке, заросшем кустарником. Площадка занимает наиболее возвышенную часть острова (высота над уровнем воды в Онежском озере составляет 6 м) и полого спускается в сторону берега. Восточная, южная и западная границы памятника маркируются склоном берега, северная часть определена по распространенности культурного слоя и маркируется границей между зоной кустарников и скальной поверхностью. Удаленность от берега составляет 20—25 м, площадь — до 500 кв. м (рис. 12, 13). Этот участок берега в прошлом распахивался под сельхозугодья, но из-за неудобства был заброшен.

Упомянутые выше данные палеогеографии свидетельствуют, что остров Грыз образовался в атлантический период голоценовой эпохи по причине понижения уровня воды в Онежском озере на месте небольшой скалистой отмели. Первоначально он был несколько меньшего размера. Очертание его береговой линии в северной, западной и восточной частях было близким к современной, южный берег был приближен по сравнению с современным на 10—15 м (рис. 11). Остров был малоудобен для длительного проживания и мог использоваться для кратковременных остановок.

На месте поселения был заложен шурф 4 × 2 м. Стратиграфия: 1. Дерн — 6—10 см. 2. Красновато-коричневый песок с галькой и осколками скальной породы — 10—30 см (мощность культурного слоя возрастала ближе к южной стенке шурфа, то есть вниз по склону). 3. Светло-коричневый песок с галькой (материк). Культурный слой оказался очень насыщен камнями-гальками разных размеров и осколками скальной породы. Находки встречались в красно-вато-коричневом песке. Они включали предметы из сланца, кварца, кремня и лидита, а также фрагменты асбестовой (в основном) и ямочной керамики. Состав находок приводится в таблице.

Состав коллекции из поселения Грыз 1

Наименование предмета	
Заготовки орудий, обломки заготовок (сланец)	4
Галька со сколами (сланец)	1
Нуклеусы (кварц)	3

⁵ Герман К. Э. Культура сперрингс (современное состояние изучения) // Самарский научный вестник. Самара, 2018. № 3 (24). С. 227.

Нуклеус (лидит)	1
Осколок со следами обработки (лидит)	1
Отщеп со следами обработки (сланец)	1
Отщеп со следами обработки (кремь)	1
Галька со следами использования (сланец)	1
Фрагменты асбестовой керамики	16
Фрагменты ямочной керамики	2
Мелкие осколки керамики неопределенного типа	2
Отщепы и осколки сланца	26
Отщепы и осколки кварца	11
Отщепы и осколки кварцита	5

Каменный материал поселения маловыразительный, отметим заготовки сланцевых орудий (рис. 14:2), сланцевую гальку со сколами, кварцевый и лидитовый нуклеусы (рис. 14:1; 15:4), осколки со следами обработки из сланца (рис. 15:3), кремня (рис. 15:2) и лидита. Асбестовая керамика (рис. 15:7—12) сильно измельчена, орнаментирована оттисками гребенчатого штампа. Два фрагмента ямочной керамики принадлежат разным сосудам и имеют следы окатанности (рис. 15:5—6). Они орнаментированы круглоконическими и ромбовидными ямками.

Судя по керамическому материалу, площадка посещалась древним населением в неолите и энеолите. По мнению исследователей, ямочная керамика такого облика может быть отнесена к позднему этапу неолита бассейна Онежского озера и датирована концом 4 — первой половиной 3 тыс. до н. э.⁶ Энеолитическая асбестовая керамика бытовала на территории Обонежья во второй половине 3 — первой половине 2 тыс. до н. э.⁷

Поселение Гарницы 1 находится на западном берегу Гарницкого полуострова Большого Клименецкого острова Онежского озера. Примерно в 450 м к юго-востоку от поселения находится дер. Гарницы (рис. 16). Удаленность от береговой линии составляет около 33 м.

Памятник занимает ровный прибрежный участок, представляющий собой межскальное понижение, заполненное песчано-гравийными отложениями. Высота около 6 м над уровнем воды в Онежском озере. На территории памятника произрастает редкий сосново-лиственный лес (рис. 17,18).

Локализация памятника была произведена исходя из особенностей рельефа местности. Граница поселения маркируется окружающими его со всех сторон скальными выходами. Площадь составляет до 1500 кв. м.

Данные палеогеографии свидетельствуют, что в период бытования поселения участок представлял собой небольшой вытянутый в направлении

⁶ Лобанова Н. В. Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 254—263.

⁷ Жульников А. М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999. С. 77

северо-запад — юго-восток остров протяженностью около 300 м и шириной в пределах 100 м, который был отделен от древнего Клименецкого острова мелководным проливом с каменистыми отмелями (рис. 16).

В центральной части поселения был заложен шурф (1 × 1 м). Стратиграфия: 1. Дерн — до 10 см. 2. Подзол — около 5 см. 3. Красновато-коричневый песок с примесью гальки и осколков скальной породы (культурный слой) — 6—11 см. 4. Желтый песок (материк) — прослежен в восточной части шурфа в скальном углублении. 5. Поверхность скалы (материк). Находки встречались в красновато-коричневом песке. Они включали отщеп кварца со следами обработки (рис. 10:3), отщеп кварца со следами использования (рис. 10:1), кварцевую пластину (рис. 10:4), а также осколки и отщепы: 11 сланца, 5 кварца и 2 лидита.

Отсутствие керамического материала и достаточно аморфный каменный инвентарь не позволяют с уверенностью судить о культурно-хронологической принадлежности памятника. По высоте расположения, с учетом имеющихся в Кижских шхерах аналогичных по высоте древних поселений⁸, он может быть отнесен к эпохе неолита.

Таким образом, в результате исследований археологическая карта кижского историко-культурного района пополнилась четырьмя памятниками археологии, свидетельствующими о проживании здесь древнего населения в мезолите, раннем и позднем неолите, а также позднем энеолите. Особенности микро топографии свидетельствуют о том, что три рассмотренных памятника — поселения Ярнаволок 1, Грыз 1, Гарницы 1 — являются кратковременными поселениями, которые функционировали ограниченное время, вероятно, в период остановок древних охотников и рыболовов. Характер культурного слоя и состав находок соответствуют данному выводу. Поселение Ручей (Жарниково) 5, скорее всего, является было поселением долговременного функционирования, о чем свидетельствует что подтверждает достаточно мощный и насыщенный разнообразными находками культурный слой.

Проведенные исследования также свидетельствуют, что расположение кратковременных поселений в Кижских шхерах было связано со скалистыми участками небольших островов или полуостровов, перекрытых песчано-гравийными отложениями. Такие памятники, относящиеся к периоду неолита и энеолита, помимо приведенных в данной статье, ранее были исследованы на острове Радколье (поселения Радколье 1—7), в северной части Большого Леликовского острова (Леликово 1, 2), а также в районе дер. Воробьи на Большом Клименецком острове (Воробьи 2—4). Долговременные поселения находились в южной части Заонежского полуострова, в районе залива Вожмариха и озера Копанец.

⁸ См.: Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения... Схема на с. 166.

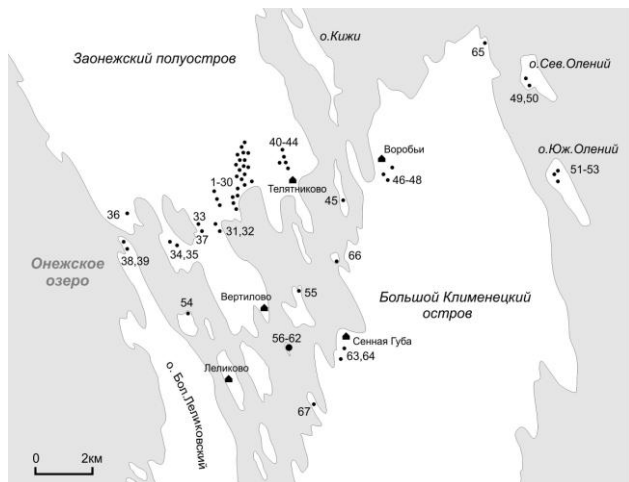

Рис. 1. Расположение памятников археологии в окрестностях о. Кижы (рассматриваемые в статье памятники: Ручей (Жарниково) 5—44, Ярнаволок 1—65, Грыз 1—66, Гарницы 1—67).

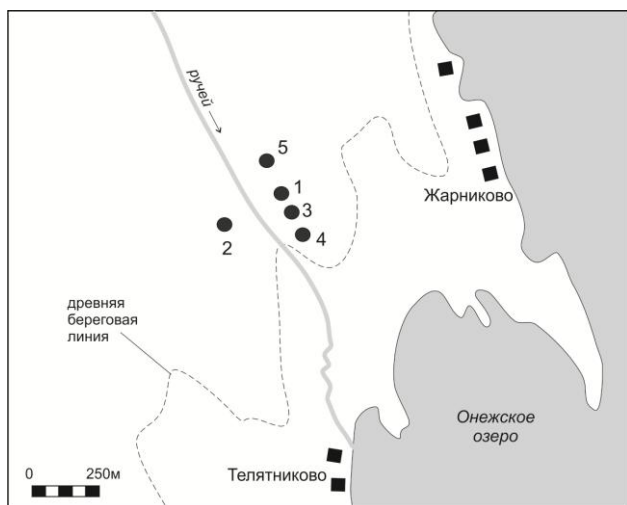

Рис. 2. Расположение поселения Ручей 5.

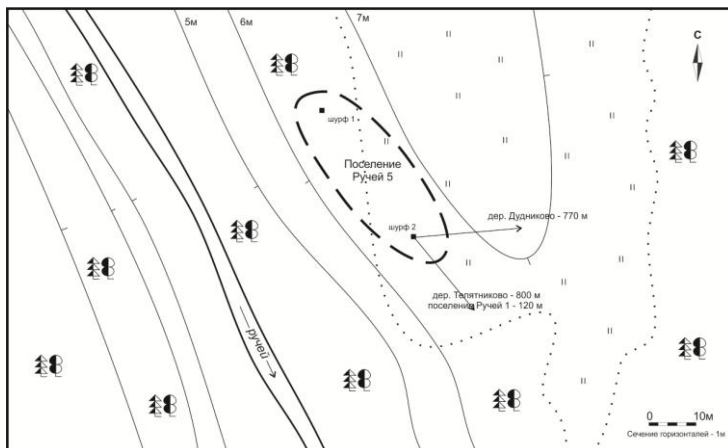

Рис. 3. Ситуационный план поселения Ручей 5.

Рис. 4. Вид на поселение Ручей 5.

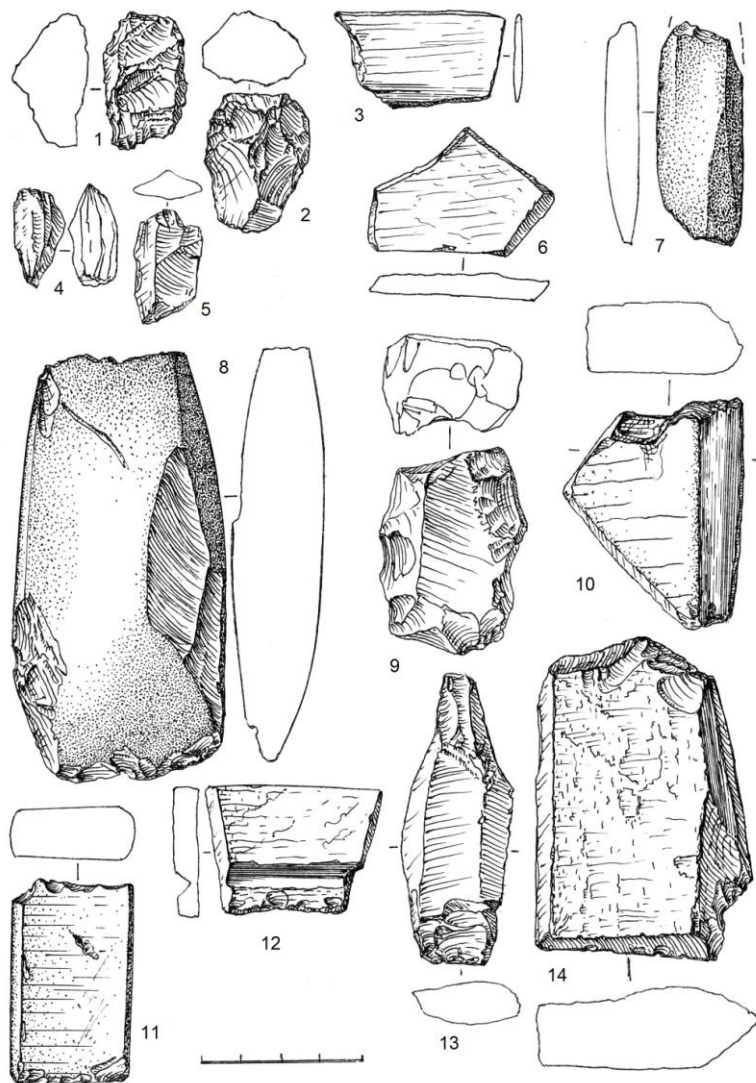

Рис. 5. Находки из поселения Ручей 5
(1, 2, 4, 5 — кварц, 3, 6-14 — сланец).

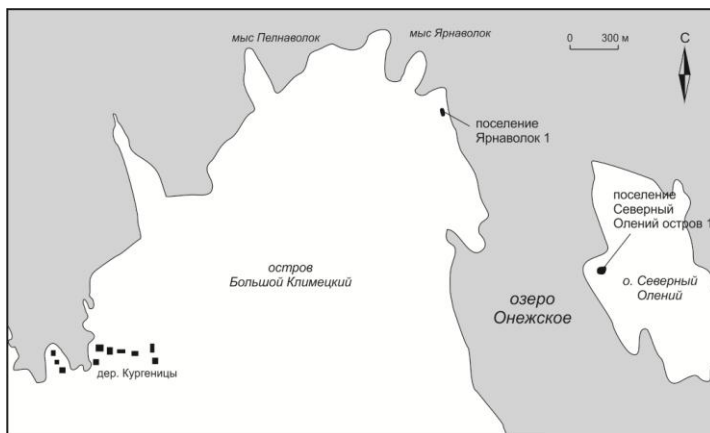

Рис. 6. Расположение поселения Ярнаволок 1.

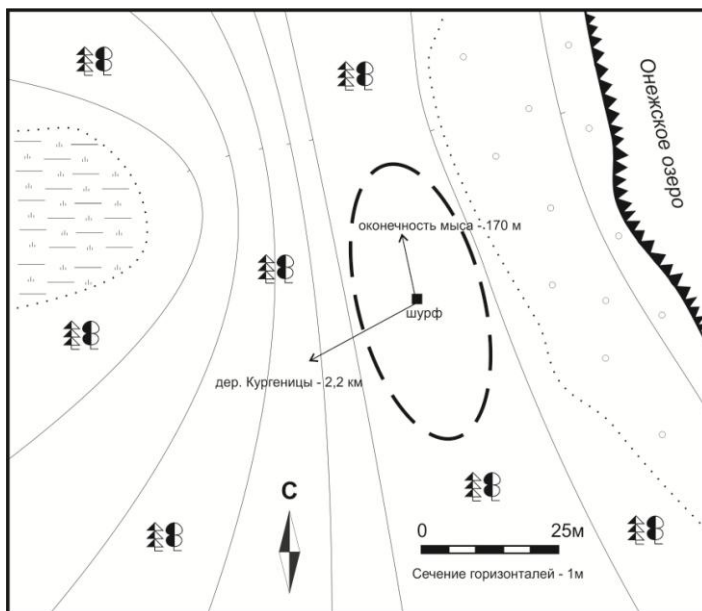

Рис. 7. Ситуационный план стоянки Ярнаволок 1.

Рис. 8. Вид на поселение Ярнавалок 1.

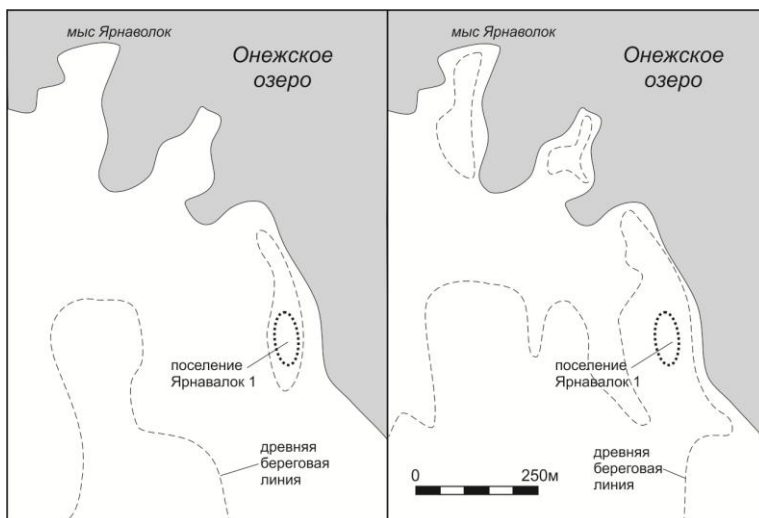

Рис. 9. Изменение береговой линии в неолите в районе нахождения поселения Ярнавалок 1 (а — максимальный уровень, б — минимальный уровень)

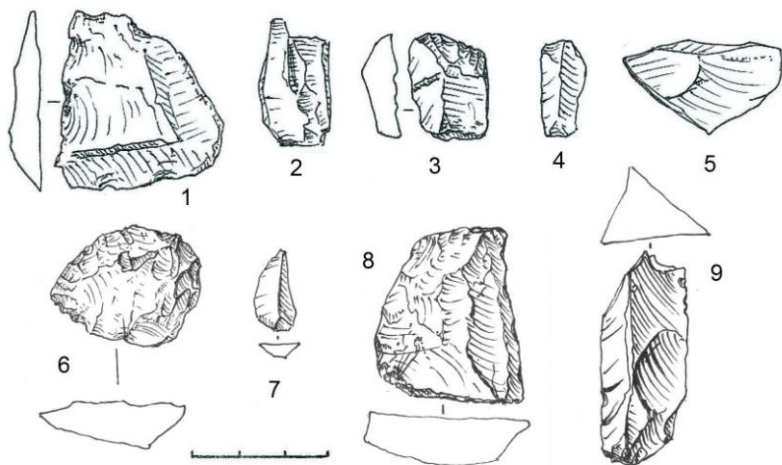

Рис. 10. Находки из поселений Ярнаволок 1 (6—9) и Гарницы 1 (1—5) (1, 3, 4, 6, 8 — кварц, 2, 5 — сланец, 7, 9 — кремнь)

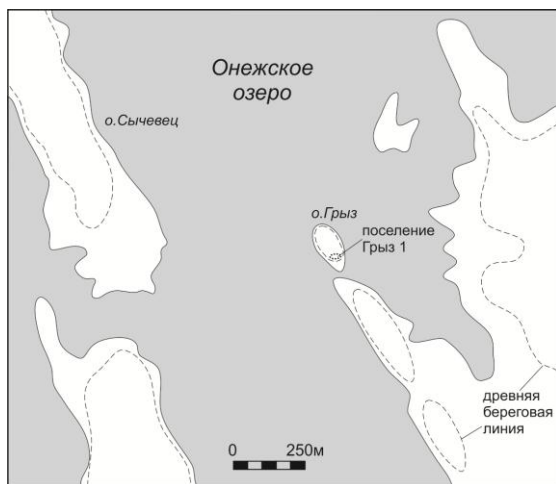

Рис. 11. Расположение поселения Грыз 1.

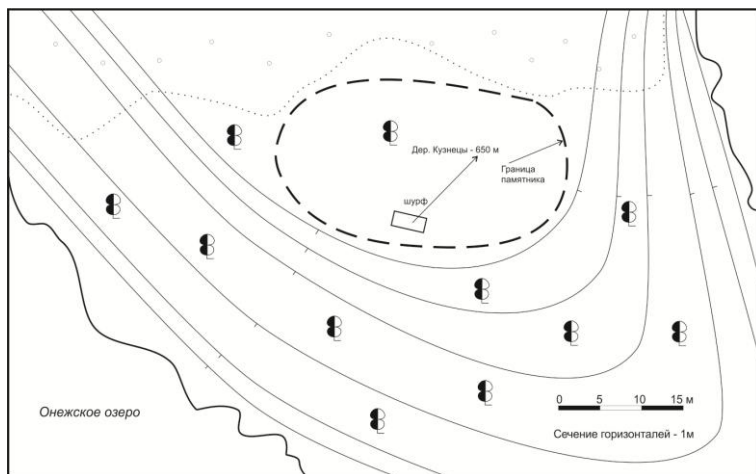

Рис. 12. Ситуационный план поселения Грыз 1.

Рис. 13. Вид на поселение Грыз 1.

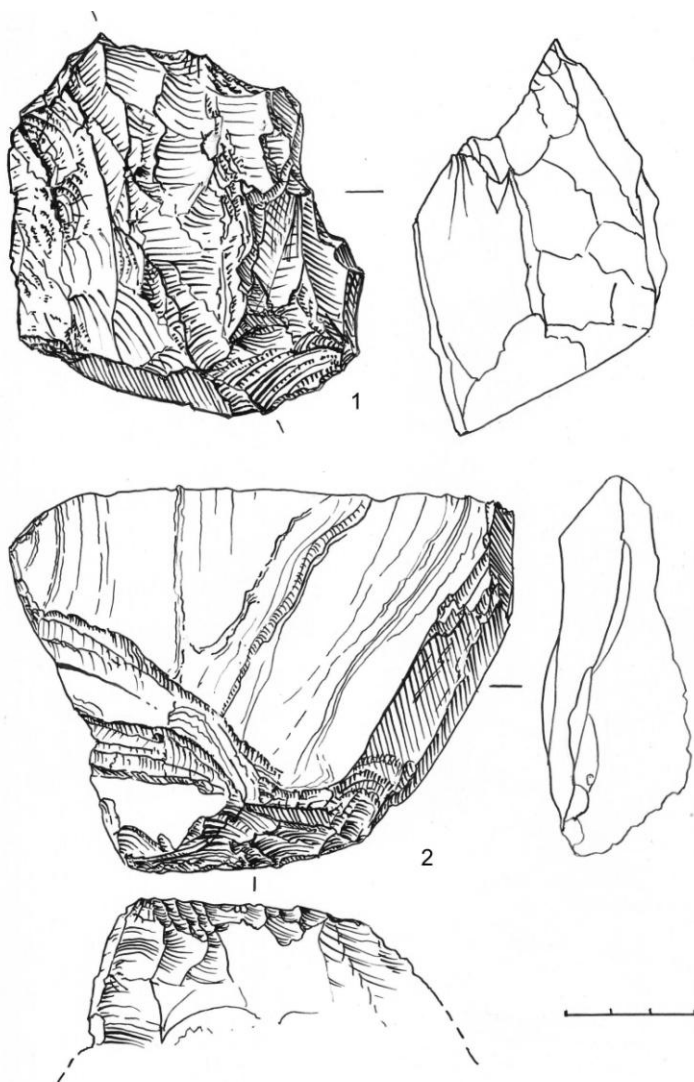

Рис. 14. Находки из поселения Грыз 1 (1 — кварц, 2 — сланец).

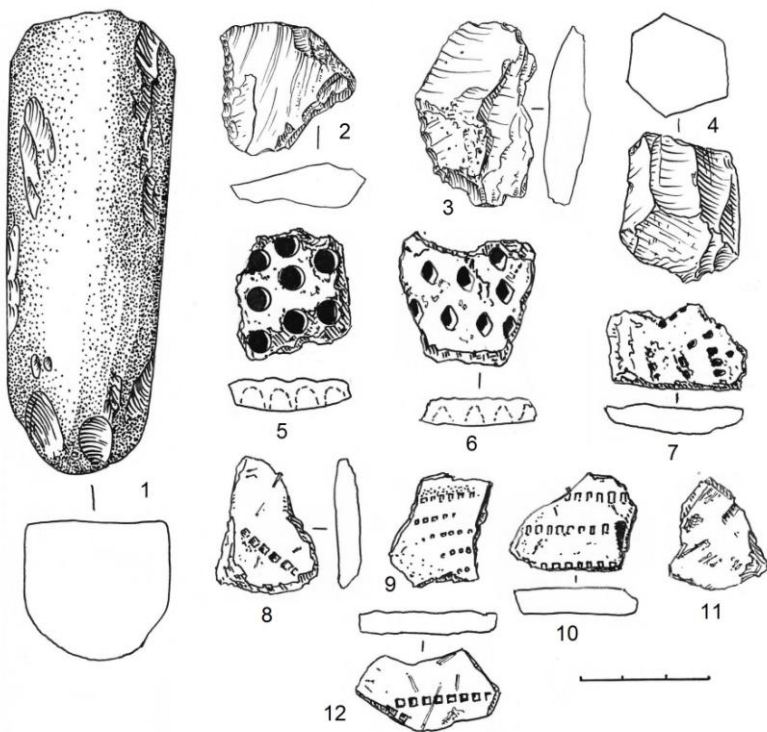

Рис. 15. Находки из поселения Грыз 1 (1, 3 — сланец, 2 — кремь, 4 — лидит, 5—12 — керамика).

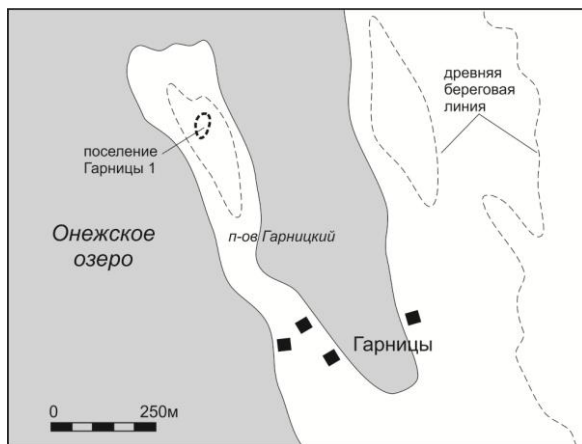

Рис. 16. Расположение поселения Гарницы 1.

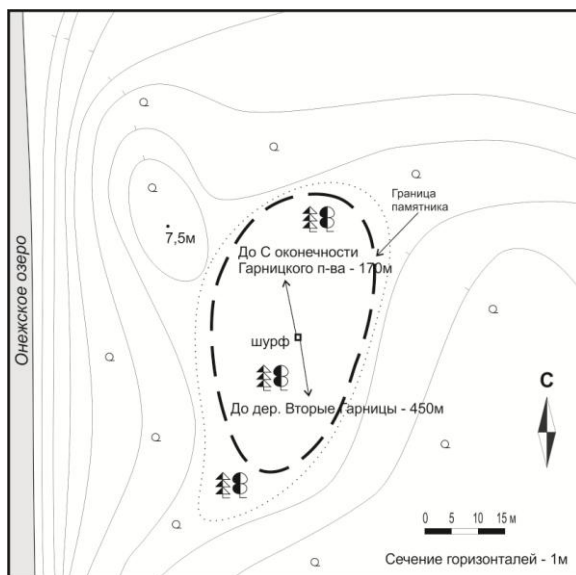

Рис. 17. Ситуационный план поселения Гарницы 1.

Рис. 18. Вид на поселение Гарницы 1.

Е. М. Наумова
**Женские и девичьи головные уборы
Олонецкой губернии XVIII — начала XX в.**
*(на основе новых публикаций музеев Архангельской области
и Республики Карелия)¹*

Аннотация. В статье содержится обзор традиционных женских и девичьих головных уборов, которые бытовали на территории Олонецкой губернии в XVIII — начале XX в. Источниковую базу исследования составили новые публикации предметов из собраний музеев Архангельской области и Республики Карелия, а также предметы из фондов музея-заповедника «Кижь».

В 2000-х гг. этнографическая литература по народному костюму северных губерний России пополнилась двумя изданиями, представляющими головные уборы из собраний Национального музея Республики Карелия и музеев Архангельской области². Благодаря собранному в них богатому иллюстративному материалу появилась возможность вновь обратиться к этой теме, которая ранее поднималась на страницах изданий музея-заповедника «Кижь», прежде всего в статье Е. И. Яскеляйнен³.

В 1999 г. Г. А. Григорьевой был издан небольшой каталог «Головные уборы Русского Севера»⁴, который уже тогда дал целостное понимание этой темы. Теперь же вышло новое издание с красочными иллюстрациями, где представлены коллекции 22 музеев Архангельской области. Автор, длитель-

¹ Благодарю В. Е. Кантор за помощь в подборе иллюстраций к данной статье.

² Традиционные головные уборы XVIII — начала XX века: из собрания Карельского государственного краеведческого музея / сост. Л. И. Капуста. Петрозаводск, 2008; *Григорьева Г. А.* Головные уборы Русского Севера в собраниях музеев Архангельской области: каталог. Северодвинск, 2018.

³ *Яскеляйнен Е. И.* Женский и девичий головные уборы в коллекции музея-заповедника «Кижь» // Кижский вестник. Петрозаводск, 1994. Вып. 4. С. 101—110. В фондах музея «Кижь» хранятся (на начало 2016 г.): корона — 1 ед., девичьи ленты — 9, девичья перевязка — 1, кокошники — 4 (2 пудожских, 2 каргопольских), чепцы — 8, повойники — 35 (с донцем повойника), косынки-повязки — 6, сорока (Новгородская губ.) — 1. Основная часть уборов музея поступила в 1970—1980-е г. В фондах также имеется большая коллекция платков и шалей, значительную часть из которых музей приобрел в 1990—2000-е гг.

⁴ *Григорьева Г. А.* Головные уборы Русского Севера в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». Каталог. Архангельск, 1999.

ное время изучавший головные уборы, хранящиеся в музеях почти всего Севера-Запада России, осветила эту тему не только как исследователь, но и как художник-реставратор по тканям высшей категории, занимающийся реставрацией головных уборов много лет. Г. А. Григорьева приводит схемы и подробное пояснение края многих уборов, описывает материалы, из которых они изготовлены, представляет прорисовки вышивок и т. д. В каталоге даны типологические ряды головных уборов Архангельской губернии, а также приграничных с ней уездов и волостей Вологодской, Новгородской, Вытегорской и Олонецкой губерний, позволившие увидеть все многообразие нарядов Севера России.

Автор альбома Национального музея Республики Карелия Л. И. Капуста представила фонды старейшего музея Карелии. В издании представлены девичьи и женские головные уборы середины XVIII — начала XX в., в том числе и редкие предметы. Из двух описанных уникальных старинных девичьих уборов НМРК с названием «подчёлк» (рис. 1) в альбоме представлен один (51670)⁵. Удивительные и несколько неожиданные уборы для северного края — это две «перевязки», оформленные искусственными цветами и флёрдоранжем, которые происходят из Петрозаводского уезда Олонецкой губернии (38257, 37258)⁶. Данные «перевязки» и «подчелок» ранее не представлялись в публикациях. Подобные «перевязки» можно увидеть на фотографиях М. А. Круковского конца XIX в. (рис. 2), этот убор (из Вельегонского уезда Тверской губ.) имеется в экспозиции «Карелы» Российского этнографического музея.

В коллекции Национального музея довольно много девичьих уборов под названием «венцы» (корона, коруна, конура и др.), которые украшались впереди сетками-поднизьями, а на затылочной части — бантами. В XIX — нач. XX в. они были распространены в Петрозаводском, Повенецком, Пудожском, Олонецком уездах⁷. Дополнительно в комплекс таких головных уборов могли входить: ленты, повязки-«подволосники», шейные украшения, серьги-«бабочки» и дополнительные банты⁸. У М. А. Круковского имеются фотографии девушек, на одной из которых девичий убор состоит из «цветочной перевязки» с поднизью без короны, на другой — перевязка надета с короной и сеткой-поднизью. В первые годы замужества молодая женщина могла

⁵ Традиционные головные уборы... С. 5—8, 19.

⁶ Поднизья лента — так назвала подобный головной убор сдатчица из Заозерья Петрозаводского уезда (Традиционные головные уборы... С. 6).

⁷ Трифонова Л. В. Традиционный костюм Южной Карелии конца XIX века (по материалам «Этнографической экскурсии» М. А. Круковского) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 177—206; Она же. Традиционный крестьянский костюм Южной Карелии конца XIX — начала XX в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 20015. Вып. 15. С. 192—199.

⁸ Яскеляйнен Е. И. Женские и девичьи головные уборы... С. 101—109; Традиционные головные уборы... С. 8.

надевать девичий головной убор вместе с женским повойником, кокошником и т. п., которые были видны на затылочной части головы (рис. 3). Девичий головной убор⁹, состоящий из короны, сетки-поднизи и банта (рис. 4), бытовал в Новгородской и Петербургской губерниях¹⁰, удивительная схожесть этого девичьего комплекса в уездах Олонецкой и Новгородской губерний имеет глубокие исторические корни.

Иллюстративный ряд девичьих уборов Олонецкой губернии значительно дополняет и расширяет каталог Г. А. Григорьевой¹¹. В нем представлен аналогичный двум каргопольским «подчёлкам» середины XVIII в. из музея Карелии — третий такой же убор, поступивший в Архангельск из Каргопольского района Олонецкой губернии. Показательными являются иллюстрации различных «перевязок» из Новгородской и Олонецкой губерний (Кирилловский, Вытегорский и Каргопольский уезды), подобную которым из Пудожского уезда (38316) можно увидеть в альбоме НМРК (рис. 1, 5). Повсеместно они бытовали в Каргопольском уезде, в каталоге представлено более 35 таких уборов¹².

В Поморье из головных украшений девушек больше всего известны жемчужные или бисерные нити, которые прикреплялись к налобной ленте-повязке и назывались по-разному: «перо», «перышко», «жемчужная нитка», «налобник» и др. (рис. 6, 7). Налобные повязки на русских девушках Поморья хорошо видны на старых фотографиях. Простые «ленточные» повязки, сложенные из косынок, можно рассмотреть в книге И. К. Инха¹³. Северные карельские девушки их завязывали сзади над косами и концы спускали, об этом так писал И. К. Инха: «У девушек на голове было очелье — свернутый в лобную ленту платок... узел делается на затылке так, чтобы концы ленты свисали. На празднествах очелье всегда шелковое, если это по карману, и ярко-красное»¹⁴. Почти нигде в публикациях мы не находим описаний других девичьих головных уборов Северной (не поморской части) и Средней Карелии. У Г. А. Григорьевой есть только такое любопытное упоминание: «Редкий девичий убор почолок в виде диадемы с пятью зубцами из Кемского

⁹ Девичий комплекс поступил в фонды музея-заповедника «Кижы» в 1970-е гг. из дер. Каршево Пудожского района. В него входили: жемчужная поднизь (КП 193/30), корона (КП 193/31) и широкая красная лента-бант (КП 193/32). На иллюстрации — сетка-поднизь (КП 220/1).

¹⁰ Традиционные головные уборы... С. 7.

¹¹ Григорьева Г. А. Головные уборы Русского Севера... С. 19—25.

¹² Там же. С. 409—549.

¹³ Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии. Очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2019. С. 64, 70, 190, 462.

¹⁴ Там же. С. 148.

уезда хранится в Российском этнографическом музее»¹⁵, — возможно, что именно он был описан в полевых записях Е. И. Яскеляйнен¹⁶.

В альбоме НМРК представлены также головные уборы замужних женщин, поступившие в музей из разных уездов Олонецкой губернии. Уникальными из них являются старинные сороки и т. н. сдерихи (на которые сороки одевались) Северной Карелии. Очень интересны по своим формам и исполнению сдериха с «рожками» (51671) и сороки с разрезом для таких «рожек» (50450 и 51675; рис. 8)¹⁷. Г. А. Григорьева в своем каталоге опубликовала подобную сдериху с обтянутыми кожей металлическими рожками и сороку, которые происходят из фондов краеведческого музея Архангельска. Эти женские головные уборы представляют наиболее древний тип уборов XVIII в. Два других варианта сорок из Кемского уезда¹⁸ в книге НМРК и одной сороки из каталога Г. А. Григорьевой¹⁹ по времени своего происхождения появились, видимо, несколько позже (рис. 9). Они встречаются и в других музеях, иногда на них боковые «крылья» пришиты к задней части, и напоминают они «шапочки» (повойники, чепцы)²⁰. Г. А. Григорьева высказывает предположение, что такой убор «представляет переходный вид от карельской сороки к кокошнику»²¹. Интересен также представленный в альбоме НМРК парчовый «чепец» (50495), который по форме напоминает такую переходную от сороки «шапочку-повойник»²².

Благодаря двум рассматриваемым изданиям можно подробно проследить различие сорок Каргопольского уезда с треугольной налобной частью (рис. 10) и Северной Карелии — с закругленной, о чем пишут Л. И. Капуста²³ и Г. А. Григорьева²⁴. Данного типа сорок из Каргопольского уезда в фондах северных музеев в совокупности сохранилось достаточно много, особенно в Архангельской области, они широко представлены и на страницах каталога (444—468), их надевали на нижний головной убор (сдериху), под который убирались все волосы (869—872). Такой же по форме и способу изготовления головной убор под названием «волосяница» был представлен на выставке РЭМ в Петрозаводске в 2006 г. (рис. 11)²⁵.

¹⁵ Григорьева Г. А. Головные уборы Русского Севера... С. 11.

¹⁶ См.: Кошкина С. В. Фольклорная группа «Сумлянка». Беломорск, 2016. С. 25—26.

¹⁷ Григорьева Г. А. Головные уборы Русского Севера... С. 29—31.

¹⁸ Традиционные головные уборы... С. 32, 33.

¹⁹ Григорьева Г. А. Головные уборы Русского Севера... С. 30, ил. 28.

²⁰ Там же. С. 196. Кокошник-сорока. XIX в. Архангельская губерния, Онежский уезд (?).

²¹ Григорьева Г. А. Головные уборы Русского Севера... С. 30.

²² Традиционные головные уборы... С. 51.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Григорьева Г. А. Головные уборы Русского Севера... С. 26—30.

²⁵ Волосяница — женский головной убор XIX в. Каргопольский уезд. Хлопок. Собиратель Колпаков К. Г. 1906 г. РЭМ 975-24. (Выставка РЭМ «Русские Олонецкой губернии», Петрозаводск, 2006 г.).

Сороки Северной Карелии хорошо видны на иллюстрациях в издании И. К. Инха — в открытом виде и под платками²⁶. Районы Беломорской Карелии, которые посетили финские путешественники-исследователи в конце XIX в., — это самый северный край бывшей Олонецкой губернии, граничащий с Архангельской. Наблюдения жизненного уклада карельского народа, представленные И. К. Инха, очень ценны для современных исследователей. Наиболее подробно описаны отдельные деревни, фотографии которых имеются в книге, — это Вокнаволок, Ювалакша, Суднозеро, Ухта, Костомукша, Лувозеро, Кестеньга, Кереть, Кемь и т. д. В изучении народного костюма западных районов Средней и Северной Карелии для нас интересны также иллюстрации финских изданий. Например, в книге «*Rajantakaista Karjalaa*» представлены головные уборы Карелии, в т. ч. сорока из п. Реболы Муезерского района²⁷.

Исследователям российской традиционной культуры давно известно, что богатейшими ресурсами народного быта, говорящими о его самобытной жизни, выделялся Каргопольский уезд, о чем упоминают и авторы рассматриваемых изданий. На страницах каталога архангельских музеев представлены поражающие своим многообразием девичьи «перевязки», сороки, знаменитые каргопольские кокошники и «золотные платы»²⁸. В музеях других районов их немного. Имеются они в фондах музея «Кижь» (рис. 12, 13). Такие же уборы носили в Вытегорском и Кирилловском уездах Олонецкой и Новгородской губерний. Из районов Карелии каргопольские головные уборы иногда встречались в граничащем с ним Пудожье, хотя на ярмарках они покупались и в другие местности²⁹.

Взаимовлияние соседних районов неизбежно сказывалось, хотя в целом традиции их могли быть различны. Так, Пудожский и Каргопольский уезды оставались привержены каждый своим традициям. Как известно, пудожские женские уборы «кокошники» и девичьи уборы с «венцами» и сетками-поднизьями в Каргопольском уезде не были распространены. Головные уборы с короной и поднизью зафиксированы в Петрозаводском, Пудожском, Повенецком, Олонецком, Вытегорском и Лодейнопольском уездах Олонецкой

²⁶ *Инха И. К.* В краю калевальских песен... С. 46, 68, 78, 431.

²⁷ *Rajantakaista Karjalaa.* Helsinki, 2008.

²⁸ В музее «Кижь» хранятся (по данным на 2016 г.): два каргопольских кокошника, перевязка и два золотных плата.

²⁹ Экспедицией музея был зафиксирован очень поношенный головной убор на фотографии пожилой жительницы дер. Онежаны (Заонежье), похожий по форме на каргопольский кокошник.

губернии³⁰. Точнее ареал бытования девичьего комплекса «корона — поднизь» дан в статье Е. С. Логвиненко³¹.

Из известных женских головных уборов в Пудожском районе уникальными были кокошники в виде повоя с донцами и высокими очельями, вышитыми золотными узорами (рис. 14). «Центром изготовления данного типа, по видимому, следует считать Коловскую волость Пудожского уезда, откуда происходит большинство атрибутированных уборов из музейных коллекций», — пишет Г. А. Григорьева³². На Севере такой тип кокошника, расширенного «золотной» нитью, по большей части характерен для Пудожского уезда, оттуда же происходят т. н. бусовые кокошники (рис. 15), но их в карельских музеях немного. Носили там также нарядные повойники без вышивки, сшитые просто из плотных тканей (рис. 16). Подобные «шапочки»-повойники, судя по образцам, представленным в каталоге Г. А. Григорьевой, довольно долго бытовали, к примеру, в Мезенском уезде Архангельской губернии³³, они же представлены и в других изданиях, посвященных костюму Севера России³⁴.

В НМРК хранится свыше десяти кокошников (как отмечено в альбоме) с круглым донцем, преимущественно из бархата и шёлка красного и бордового цвета, среди которых находятся пудожские с золотной вышивкой, также они представлены и в других музеях Петрозаводска³⁵. Кроме того, имеются кокошники с вышивкой (рис. 17), в которой использованы фольга, трунцал, канитель, блески, бить и другие материалы³⁶. Эти уборы происходят из Повенецкого и Петрозаводского уездов, один, с вышивкой из смешанных материалов — пряденных золотных и серебряных металлических нитей и фольги, происходит из Олонецкого уезда³⁷. Л. И. Капуста пишет, что золотным шитьём «занимались в Каргопольском уезде (отдельные сёла, Успенский женский монастырь). Вторым центром... издавна было Поморье и, наконец, третьим — Выго-Лексинский монастырь». Автор упоминает также традицию золотного шитья на кокошниках как «московскую» и пишет: «Более поздним

³⁰ Традиционные головные уборы... С. 6.

³¹ Логвиненко Е. С. Короны и сетки-поднизы в коллекции НМРК // Вестник национального музея РК. Петрозаводск, 2016. Вып. 7. С. 135.

³² Григорьева Г. А. Головные уборы Русского Севера... С. 37, 543—549, ил. 1055—1064.

³³ Там же. С. 138—167.

³⁴ Лютикова Н. П. Крестьянский костюм Мезенского уезда Архангельской губернии конца XIX — начала XX века в собрании Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Каталог. Архангельск, 2009; Кустуха Л. Ф. Народный костюм Русского Севера XIX — начала XX века в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М., 2006.

³⁵ Традиционное народное искусство Карелии. Каталог / авт.-сост. С. П. Сергеев. Петрозаводск, 2015. В каталоге музея ИЗО представлены 3 кокошника (с. 239). В фондах музея «Кижы» хранятся «золотный» и «бусовый» кокошники.

³⁶ Традиционные головные уборы... С. 42—43. КГМ 382/3, 38242.

³⁷ Там же. С. 39. КГМ 40203

способом украшения кокошников этого типа является имитация золотного шитья, выполняемая разноцветной фольгой. Как правило, фольгу дополняют канитель и блёстки³⁸. Полагают, что позолоченные и посеребренные нити — дорогой способ украшения. Существовали другие, более дешёвые способы вышивок на головных уборах. В своем каталоге Г. А. Григорьева представляет уборы разных форм из других уездов с использованием фольги, канители, блёсток, пайеток, в том числе зеркальных и прочих материалов.

В альбоме НМРК описаны женские головные уборы-повойники с вышитыми донцами из Поморья, в музее хранится 58 предметов³⁹. Опубликованы они и в каталоге МИИРК, там проиллюстрировано около 67 экспонатов⁴⁰. Повойники такого типа ранее упоминались и описывались в публикациях музея «Кижь» (рис. 18, 19)⁴¹, в фондах их около 35 предметов. Они же представлены в разделе Кемского уезда на страницах архангельского каталога Г. А. Григорьевой⁴². «В конце XIX — начале XX века в Сумском Посаде и ряде других населенных пунктов Поморского, Карельского, Кандалакшского и Терского берегов мастерицы вышивали на заказ кружки — донца к повойникам, а также пояса и девичьи повязки», — отмечает его автор. На местах, где их носили, они имели свои названия — «латушка», «сорока», «кружок», «колпачок» и другие, надевали их поморские женщины с повязками по очелью и по-разному украшали, в том числе нитками из жемчуга и бисера⁴³.

Упоминание об известных мягких женских шапочках⁴⁴, которые в народе называли «чепец» (чепча, чепчу, повой, сорока, карельская *sorokka*)⁴⁵ и которые донашивали в деревнях среди русского и карельского населения вплоть до 60—70-х гг. XX в., также находим в альбоме. Имеются они и в фондах музея «Кижь» (рис. 19, а—в). Чепцы были наряду с платками одними из последних уборов, закрывающими волосы на голове, как это было принято в народной традиции. Шились они чаще из однотонных тканей и отличались по крою в зависимости от местности. Исследователи о них, например, писали так: «...Вырезалась круглая „макушка“ и перпендикулярно к ней пришивался

³⁸ Там же. С. 11.

³⁹ Логвиненко Е. С. Золотая нить Поморья. Петрозаводск, 2022. С. 80.

⁴⁰ Традиционное народное искусство Карелии... С. 162—171.

⁴¹ Яскеляйнен Е. И. Народный костюм русских Кемского Поморья XIX — первой половины XX века в коллекции музея «Кижь» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 105—107.

⁴² Григорьева Г. А. Головные уборы Русского Севера... С. 35. Ил.: с. 99—120.

⁴³ Там же. С. 32.

⁴⁴ Традиционные головные уборы... С. 13, 52.

⁴⁵ В начале 2000-х гг. женщина, проживавшая в г. Медвежьегорске, упомянула в рассказе о своей маме (карелке из п. Паданы), носившей до конца жизни чепец (чепча), который она называла «сорокка».

околыш, сзади околыш раздваивался...»⁴⁶. Праздничные чепцы старались шить из нарядных тканей — шелковых, бархатных, шерстяных и других, иногда по типу кокошников, увеличивая по высоте очелья. По краю чепцы могли украшать блестками, бисером и т. д. (К примеру, как в Пудожском уезде — см. ил. 2 альбома НМРК)⁴⁷.

Л. И. Капуста отмечает появившиеся под городским влиянием головные уборы «наколки» (рис. 20) и «сколки», скрепленные булавками из косынок⁴⁸. Довольно подробное их описание (наколка, думка, сколок, колпак) можно найти у Г. А. Григорьевой (рис. каталога: 343—344, 454—458 и др.)⁴⁹.

В музеи иногда поступают отдельные предметы, привезенные по каким-то причинам из тех районов, для населения которых они не были традиционны. В альбоме карельского музея проиллюстрирован один головной убор («кичка», 50483)⁵⁰, поступивший из Петрозаводского уезда. Подобные кокошники в каталоге Г. А. Григорьевой представлены в разделе Сольвычегодского уезда Вологодской губернии⁵¹, издавна знаменитой своими золотшвейными мастерскими.

В музее-заповеднике «Кижы» были описаны тесные семейные связи между Пудожьем и Заонежьем⁵², что сказалось, вероятно, в том числе и на схожести девичьих и женских нарядов этих районов в конце XIX — начала XX в. Напомним, что в девичий комплекс головного убора Пудожья и Заонежья входили корона, сетка-поднизь и бант. Наибольшим количеством корон и поднизей располагает НМРК: 18 венцов (из них 16 из Пудожского района) и 39 сеток-поднизей. До нас дошли большей частью пудожские варианты корон⁵³. Предполагают, что в Заонежье⁵⁴ их было меньше, и поднизю, за

⁴⁶ *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел. Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 166—167. Автор пишет: «Точно такие же повойники известны русским, например, на Заонежском полуострове и Пудожском крае, а также **вепсам Шимозера**. Любопытная черта шимозерского повойника та, что крылышки его были длиннее, так что концы их можно было связать узлом. Дополнительных завязок не требовалось. В карельском же и русском повойнике к крылышкам пришивался еще шнурок (или тесьма), с помощью которого он плотно укреплялся на голове. Концы (крылышки) вепского повойника связывались на затылке так же, как, очевидно, раньше связывались и „крылья“ сороки-сдерехи».

⁴⁷ Традиционные головные уборы... С. 48.

⁴⁸ Там же. С. 13, 49, 50.

⁴⁹ *Григорьева Г. А.* Головные уборы Русского Севера... С. 47—49.

⁵⁰ Традиционные головные уборы... С. 43.

⁵¹ *Григорьева Г. А.* Головные уборы Русского Севера... С. 345—349.

⁵² *Воробьева С. В.* Родословия русских сказителей Заонежья XVIII — XIX веков. Петрозаводск, 2006. С. 123, 125, 145.

⁵³ В фондах музея «Кижы» хранится одна пудожская корона (КП 193/31), в МИИРК — 6 пудожских корон (Традиционное народное искусство Карелии... С. 239—240).

⁵⁴ В 2004 г. во время экспедиции в Медвежьегорский район пожилая жительница, родом из дер. Онежаны (Заонежье), рассказывала, как продала свой девичий головной убор и все украшения во время войны; тогда значительная часть девичьих и женских уборов была утрачена на оккупиро-

неимением корон, подвязывались косынкой, уложенной полосой в виде ленты (повязкой)⁵⁵. Образцы девичьих головных уборов с перечисленными составными элементами можно увидеть на фотографиях М. А. Круковского, М. М. Прокудина-Горского, А. А. Беликова и других.

Описание головных уборов с короной, поднизью и бантом дано Е. С. Логвиненко, которая достаточно подробно излагает свой взгляд и представляет технологические приемы изготовления корон и поднизей, называет фамилии известных мастериц, поясняет назначение банта и отмечает его локальные отличительные особенности в уездах Олонецкой губернии. В статье затронуты исторические аспекты, связанные с появлением их в губернии, а также говорится, что они были распространены в Петрозаводском, Пудожском, Повенецком и Олонецком уездах. В своей статье Е. С. Логвиненко формулирует выводы на основе изучения 33 венцов и 70 поднизей из коллекций музеев Карелии⁵⁶.

Женские головные уборы Олонецкой губернии по налобной части подвязывались неотъемлемой деталью женского наряда — повязками, сложенными из косынки или платка в виде достаточно широкой полосы (девичьи повязки делались менее широкими)⁵⁷. Например, в традиции Поморья вместе с повойниками долго сохранялись муаровые косынки с названием «кустышки». От того, как повязывали их по околышу, можно было понять, из какой местности и даже деревни его хозяйка, а в Кемском и частично в Онежском уездах на девичьи и женские повязки прикрепляли жемчужные нитки и броши и т. д.⁵⁸ Все связанное с повязками женских и девичьих головных уборов и с лентами, используемыми молодежью, является отдельной темой, которая здесь подробно не затрагивается.

В альбоме НМРК находим также упоминание о женских шалях и платках⁵⁹, которые были неременной деталью женского и девичьего комплекса праздничной одежды. Они входили в быт крестьян больше под влиянием купечества, если позволял достаток семьи, примерно с середины XIX в. Представительницам каждой местности были свойственны свои манеры их

ванных территориях Карелии, в голодные времена жители деревень продавали их или меняли на продукты.

⁵⁵ *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1993. С. 107—108; Традиционные головные уборы... С. 6.

⁵⁶ *Логвиненко Е. С.* Короны и сетки-поднизы в коллекции НМРК... С. 134, 139, 145—146.

⁵⁷ По наблюдениям В. Майнова, «у девушки, обыкновенно, можно увидеть „повязку“ из ленты в два пальца ширины (подволосник), а в праздник этот подволосник заменяется шелковой косынкою, которая складывается опять-таки так, чтобы походить на ленту, пальца в три шириною, а концы прячутся под косу» (Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб, 1877. С. 137). В Заонежье девушки концы повязки вводили под косы и там завязывали.

⁵⁸ *Григорьева Г. А.* Головные уборы Русского Севера... С. 35.

⁵⁹ Традиционные головные уборы... С. 14.

ношения — будь то целый уезд или отдельная деревня. Поморянки, к примеру, носили на плечах шали, которые закалывали на груди брошками (рис. 7), заонежские девушки могли их надевать таким же образом (рис. 21) или заправлять под душегреи (рис. 22)⁶⁰, а среди женского населения северной Карелии был свой любимый способ, возможно, более старинный (который, к примеру, в европейских странах издавна употреблялся для утепления) — перекрещивать на груди и завязывать сзади на спине и т. д. (рис. 23).

Таким образом, для разных уездов Олонецкой губернии были характерны свои особенности ношения женских и девичьих головных уборов — подчёлков, перевязок, повязок, корон и других уборов.

Финские материалы свидетельствуют о более долгом, чем ранее представлялось, бытовании карельских сорок, под которые могли надевать нижнюю шапочку («сарса») в северных уездах губернии (и, частично, в средних районах), среди карельского населения (от границ с Финляндией до Карельского берега Белого моря), где и название «sorokka» долго оставалось и переходило на другие головные уборы. И. К. Инха писал: «Однако на голове у замужних женщин... „сорока“ — шапочка, с которой на затылок свисает вышитая бахрама»⁶¹. По форме карельские сороки ближе всего к головным уборам Летнего берега Архангельской губернии (например, Онежского уезда), в них схожа затылочная прямоугольная деталь — «четверть», закругленная в верхней части, но декоративное оформление различается. До нас дошли северокарельские сороки, которые понизу сзади украшались полосой с вышивкой на плотной основе. Вышивка на них большей частью выполнена разноцветным бисером «по бели» — узору, уложенному из скрученных белых нитей. Л. И. Капуста указывает на некоторые отличительные детали северокарельских сорок, например, отмечает своеобразие в выборе тканей (красных оттенков) с христианской символикой (четырёхконечный крест) на головных уборах района Ухты⁶².

По берегам Белого моря в среде русского населения в XIX в. стали распространяться повойники с донцами, украшенными золотной вышивкой, и головные налобные украшения — жемчужные и бисерные нитки, а также повязки, украшенные бантиками, кольцами, брошками и т. д. Это затронуло и Карельский берег Поморья, и частично распространилось на некоторые рай-

⁶⁰ В качестве иллюстрации выбрана известная фотография сестер Трегубовых из Сенной Губы (Кижы, КП 1665), представляющая собой самый показательный пример традиционного девичьего праздничного наряда Заонежья. На ней просматриваются очень многие детали, отсутствующие на других фотографиях, также хорошо видны шали, заправленные под душегреи. Дополнительно впереди они могли закрепляться брошками, на шею надевались украшения.

⁶¹ *Инха И. К.* В краю калевальских песен... С. 148.

⁶² Традиционные головные уборы... С. 9.

оны от Белого моря вглубь Карелии⁶³. Г. А. Григорьева в своем каталоге поясняет, какие названия за уборами закрепились в разных местностях: «В селе Нюхча — кружок, в городе Сороке — сорока по-карельски, к западу от Онеги — сорока, на Онежском берегу — колпак, колпачок, на Терском берегу — латушка... донца повойников северо-западной части Архангельской губернии (Александровский, Кемский, Онежский уезды) по форме овальные, они небольшие, их называли „кружки“»⁶⁴.

Олонецкий уезд конца XIX — начала XX в. известен своими девичьими уборами. Там же имели распространение женские бархатные кокошники с золотной вышивкой, которые датируются началом и серединой XIX в., хранящиеся (большой частью) в НМРК, отдельные экземпляры — в других музеях Карелии, а также бархатные кокошники с вышивкой битью, фольгой и другими материалами⁶⁵.

В источниках XIX — начала XX в. иногда не совсем точно даны названия головных уборов, например, читаем у М. А. Круковского: «Женщины украшают головы так называемой короной, которая состоит из двух разных частей: верхней — подзора и нижней — поднизи или сетки. Это своего рода кокошник, тонкой, ажурной работы, весь усыпанный жемчугом... В ушах носят громадные жемчужные серьги, а замужние женщины, кроме кокошника, надевают на затылок повойник, тоже усыпанный жемчугом. Такие кокошники встречаются далеко не у всех и ценятся очень дорого»⁶⁶. В своём описании автор употребляет образное название короны с сеткой-поднизью и представляет этот девичий головной убор как «кокошник», а женский называет «повойником». В настоящее время такие головные уборы называют «кокошниками».

Знаменит своими кокошниками с золотным шитьем и девичьими коронами Пудожский уезд. Золотошвейные мастерские были, как уже ранее упоминалось, в Поморье, а также в Каргопольском и Повенецком уездах Олонецкой губернии⁶⁷.

С конца XVIII в., как пишет Л. И. Капуста, в городах Олонецкой губернии — Петрозаводске, Пудоже, особенно в близком от Петербурга Олонце и в других местах — «появляются так называемые накладки»⁶⁸ — модные голов-

⁶³ Яскеляйнен Е. Панозерские наряды. Панозерские наряды и их родословные. JUMINKEKO VERSO, 2007, С. 34—46.

⁶⁴ Григорьева Г.А. Головные уборы Русского Севера... С. 33.

⁶⁵ Традиционные головные уборы... С. 39—42.

⁶⁶ Круковский М. А. Олонецкий край. СПб, 1904. С. 32.

⁶⁷ Логвиненко Е. С. Золотая нить Поморья... С. 80. Е. С. Логвиненко (НМРК) подробнейшим образом освещает тему и описывает искусство северного золотного шитья, собрав и изучив различные источники, материалы архивов, предметы из фондов музеев и т. д.

⁶⁸ Традиционные головные уборы... С. 13.

ные уборы в виде шапочки, имеющие и другие названия. Почти повсеместно в крестьянской среде были распространены шапочки-чепцы, в зависимости от местности их могли называть «повой», «повойник» или шить из нарядных тканей со сборками в верхней части и называть «сборником»⁶⁹. Тема женских головных уборов, бытовавших в ряде уездов бывшей Олонецкой губернии, всегда была интересна изучавшим её исследователям. К примеру, известный петрозаводский этнограф К. К. Логинов писал о головных уборах с названиями «мода» или «колпачок», записанными им по воспоминаниям женщин в Заонежье⁷⁰. В последней четверти XIX в. упоминались они и в описании заонежан: «Волосы заплетают в две косы, которые кладутся вокруг головы, в виде венка; на голове надет ситцевый чепчик или повойник. В праздники на чепчик надевается „колпачок“ или „мода“, — просто шелковая косынка...»⁷¹. Эти названия косынок впоследствии могли перейти на другие женские головные уборы, к примеру — на представленные ранее уборы из тканей и косынок, сколотых булавками. В Заонежье также не сохранились такие праздничные головные уборы, как повойники или кокошники, как упоминал К. К. Логинов, они были известны «в Заонежье только на о. Кижы»⁷². Исследователь приводил описание мягких шапочек-«чепцов» из разных музеев Карелии, называя одновременно их повойниками: «...Овоидная (яйцевидная) форма донышков заонежских чепчиков отличалась от формы донышков аналогичных типов женских головных уборов соседнего русского населения: у поморов и выгозеров она была лавролистной, у пудожан и вытегоров — эллипсоидной. Круглая форма натемников встречалась на повойниках сегозерских карелок». Или ещё запись: «Широко распространённые в Сегозерье подберихи с треугольным донышком в Заонежье не зафиксированы»⁷³.

Интересным фактом в связи с кокошниками, о которых упоминал и К. К. Логинов, является фотография из книги В. Д. Лысанова⁷⁴, на которой пожилая женщина демонстрирует старинный женский наряд Петрозаводского уезда (Сенная Губа ?), состоящий из рубахи с длинными рукавами, глухого косоклинного сарафана и, что несколько неожиданного для данного комплекса женской одежды, — кокошника⁷⁵.

⁶⁹ Там же. С. 13, 52.

⁷⁰ Логинов К. К. Материальная культура... С. 112.

⁷¹ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу... С. 137.

⁷² Логинов К. К. Материальная культура... С. 100—113.

⁷³ Там же. С. 108.

⁷⁴ Лысанов В. Д. Досюльная свадьба. Песни, игры и танцы в Заонежье. Олонецкая губ. Петрозаводск, 1916. С. 68.

⁷⁵ Е. С. Логвиненко предполагает, что данный наряд, который демонстрирует женщина в начале XX в., возможно, специально для книги В. Д. Лысанова, — это сарафан-«матурник» и головной убор из Повенецкого уезда, находящиеся и в настоящее время в фондах НМРК.

Деревенские женщины при выходе на улицу по традиции надевали платок на головные уборы. Долгое время тому следовали в северных районах старожилы, даже девушки. Как писал И. К. Инха, «очелье носят и в помещении; в дороге поверх него повязывают обычный платок»⁷⁶. В его книге на многих фотографиях на православных праздниках, уличных гуляньях, во время показа свадебного обряда финским исследователям можно видеть женщин в сороках, на которые надеты платки, повязанные под подбородком⁷⁷. Находиться без платка женщины могли в домашних условиях, полностью собрав волосы под головной убор, традиционно повязанный сложенной на угол косынкой-повязкой или небольшим платком. В книге И. К. Инха на некоторых фотографиях у женщин в помещениях надеты под повязки не только сороки, но другие головные уборы, или волосы «окручены» простыми платочками в виде шапочки-«чепца»⁷⁸. Это могли быть поморские повойники, которые в то время имели уже большое распространение на Карельском берегу Белого моря. Недлинные повязки, закрывающие очелье головного убора, завязывали и сзади на затылке (рис. 24). В качестве примера представлен наглядный образец повойника с косынкой по очелью, завязанной сзади на узел. (Фотография головного убора с повязкой на женщине из Уницкого Посада Летнего берега Архангельской области используется за неимением другого иллюстративного материала)⁷⁹.

Традиционный бытовой уклад жизни просуществовал в российских деревнях до 20-х гг. XX в., постепенно он менялся под воздействием внешних факторов и модных тенденций. Большинство исследователей отмечали отход от крестьянских головных уборов в близких от городов местностях уже с 80-х гг. XIX в., на смену им приходили платки, повязанные под подбородком, девушки часто оставляли головы открытыми, используя простые неширокие повязки⁸⁰. С начала века женщины часто убирали волосы под платочки, завязывая их так, что они напоминали мягкие повойники-«чепцы», а сверху надевали еще один платок, подобное их ношение в деревнях у пожилых женщин существовало повсеместно почти до 1970-х гг. Длительное время сохранялась и повязка, сложенная из платка, которая осталась и в наши дни в погрешальной обрядности.

Послереволюционный переход в другой социальный статус постепенно менял народное самосознание в России, в деревнях происходила замена традиционной одежды на модную городскую. На фотографиях начала XX в. на

⁷⁶ Инха И. К. В краю калевальских песен... С. 148.

⁷⁷ Там же. Рис. на с. 62, 63, 80, 135, 136 и др.

⁷⁸ Там же. Рис. на с. 79, 109, 191, 365, 417.

⁷⁹ Rajantakaista Karjalaa. Helsinki, 2008. С. 25.

⁸⁰ Инха И. К. В краю калевальских песен... Рис. на с. 148, 149, 152.

головах девушек чаще платки повязаны спереди под подбородком, женщины же надевали их в основном по типу шапочки с повязкой по очелью, от узла которой на затылке спускались концы. В 1920—1930-е гг. можно уже увидеть моду на ношение платков, повязанных на затылке узлом со спущенными концами (рис. 25). Так представлялись женские образы рабочей и колхозницы в живописи, скульптуре, кинематографе, на плакатах и т. д. В советский период прошлого столетия таким образом повязанный платок стал символом женщины-труженицы. В первые постреволюционные годы появилась также тенденция надевать на головы большие платки и даже шали, завязывая на угол и оставляя свисать их концы по спине. Девушки их повязывали, не затягивая узел и делая его довольно низко, как будто создавая впечатление девичьей повязки со спущенными на спине лентами. В некоторых местностях это стало своего рода уходящей традицией, которая сохранялась вплоть до конца 1980-х гг.⁸¹ На фотографиях этнографических экспедиций 1927 г. А. А. Беликова сняты карельские деревни, где девушки и женщины одеты в платочки, повязанные спереди и сзади по моде того времени, отчасти переключаясь ещё со старой традицией, и на них просматриваются длинные концы платков, свисающие по спине (рис. 26).

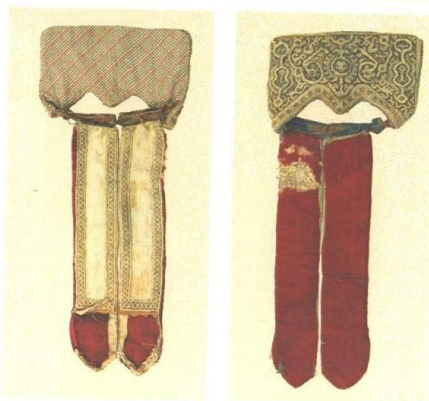
Обращаясь к любому фотофонду путешествовавших по России фотографов, исследователей (И. К. Инха, М. А. Круковский, С. М. Прокудин-Горский и других) конца XIX — начала XX в., мы явно чувствуем, как отличаются кадры естественной съёмки крестьянской жизни от специальных постановочных демонстраций — как традиционных ремёсел, нарядов, так и других бытовых явлений. Особенно это видно на фотографиях 1920-х гг. этнографических экспедиций Д. А. Золотарёва, К. К. Романова (1926—1931 гг.), фотофонда А. А. Беликова 1927 г. и т. д. В то время в деревнях донашивали старую одежду, старинную или вышедшую из моды держали в сундуках и уже не всегда помнили и знали, как правильно её надевать. Такое может наблюдаться при изучении любого явления традиционного народного быта, поэтому фотографии сами по себе не могут быть источниками, дающими о нём полное представление, так же как предмет, хранящийся в музее в единственном экземпляре. Они могут только дополнять и подтверждать документированные, изученные и обоснованные факты, какими являются находящиеся в фондах музеев предметы как вещественное подтверждение любого исследования.

О крестьянской одежде написано немало, отдельные районы довольно широко представлены предметами в музеях, однако, касаясь какой-нибудь конкретной небольшой местности, иногда появляются вопросы. Можно отметить, что в материалах различных изданий мало освещены женские

⁸¹ Документальные фильмы о жителях деревень и их фольклорных коллективах 1970—1990-х гг. представлены на интернет-ресурсах (например, фильм об Усть-Цильме, 1979 г.).

головные уборы Заонежья, примыкающего к нему с севера Повенецкого уезда, с южной стороны — Прионежья. Недостаточно представлены в изданиях головные уборы финно-угорских народов Приладожской Карелии, оказавшейся затронутой сложными историческими событиями.

О традициях любого народа можно судить только изучив и в совокупности представив все стороны его жизни. Ранее не хватало информации о том, какими головными уборами Олонецкой губернии располагают фонды разных музеев России, особенно старейших музеев Санкт-Петербурга и Москвы. Теперь же для исследователей открыты архивы и фонды, имеется доступ к экспедиционным материалам и специальным литературным источникам. Достаточно много мнений об истории головных уборах и наглядных рукотворных примеров представляют в интернете различные сообщества, изучающие традиционную народную одежду Карелии. Всё это даёт возможность воссоздать более целостное представление о локальных и этнических различиях девичьих и женских головных уборов XVIII — начала XX в., бытовавших в уездах Олонецкой губернии.

1. Девичий головной убор – перевязка. Пудожский уезд, д. Першлахта. Середина XIX в. Позумент. Низанье бисером, фольга, канитель. КГМ-38316
2. Девичий головной убор – почелок (подчелок). Накосники-«хлобыстни». Каргопольский уезд. Конец XVIII – начало XIX в. Холст. Низанье бисером. КГМ-51670
3. Девичий головной убор – почелок. Налобная часть. Низанье бисером. КГМ-51670

Рис. 1. Девичий головной убор — перевязка. Середина XIX в. Из дер. Першлахта Пудожского уезда. КГМ 38316. Девичий головной убор — почёлк (подчёлк). Кон. XVIII — нач. XIX в. Каргопольский уезд. КГМ 51670 (по Л. И. Капуста).

Рис. 2. Девушка из дер. Суна Петрозаводского уезда в девичьем головном уборе (перевязка). Этнографическая экспедиция М. А. Круковского, 1899 г. Репродукция (фрагмент). Кизи, НВФ 13581/13.

Рис. 3. Праздничный костюм молодой замужней женщины (девичий головной убор и женский кокошник). Этнографическая экспедиция М. А. Круковского, 1899 г. Репродукция (фрагмент). Кижы, НВФ 13581/28.

*Рис. 4. Девичий головной убор (корона, сетка-поднизь, бант).
Кижы, КП-193/31, 193/32, 220/2.*

Рис. 5. Девичья повязка (перевязка). РЭМ 668-4 (выставка РЭМ «Русские Олонецкой губернии», Петрозаводск, 2006 г.). Фото автора.

Рис. 6. Поморские девушки в традиционных нарядах (с жемчужными повязками). Кизи, КП-4357.

Рис. 7. Девушки в традиционных поморских праздничных костюмах. 1928 г., Беломорск (Сорока). Кизи, КП-7365.

Рис. 8. Сороки. Середина XIX в. КГМ 50450, 51675 (по Л. И. Капуста).

Рис. 9. Сорока (Ухта). Калевальский музей, КМ 34.

Рис. 10. Сорока. XIX в. РЭМ 668-16 (выставка РЭМ «Русские Олонецкой губернии», Петрозаводск, 2006 г.). Фото автора.

Рис. 11. Волосяница. XIX в. Каргопольский уезд. РЭМ 975-24 (выставка РЭМ «Русские Олонецкой губернии», Петрозаводск, 2006 г.). Фото автора.

Рис. 12. Каргопольский кокошник. Кизи, КП-4786.

Рис. 13. Золотный плат. Кизи, КП-90.

Рис. 14. Кокосник золотный. Кизи, КП-193/29.

Рис. 15. Кокосник бусовый. Кизи, КП-3808.

Рис. 16. Повойник (парчовый). Пудожский музей.

Рис. 17. Кокошник (выставка «Северная кадиль», НМ РК).

Рис. 18а, б. Повойники. Кижы, КП-2330, 3049, 3563.

Рис. 19 а.

Рис. 19 б.

Рис. 19 а-в. Чепцы. Кижси, КП-120/14, 120/12, 4070.

*Рис. 20. Наколка. Олонецкий уезд, дер. Куйтежа. Сер. XIX в.
КГМ 238/5 (по Л. И. Капуста).*

*Рис. 21. Девушки дер. Косельга в праздничных нарядах.
Фото Ю. и Б. Соколовых, 1926 г. НМ РК.*

Рис. 22. Сёстры Трегубовы (Сенная Губа). Кизи, КП-1665.

Рис. 23. Головной убор «сорока» (по И. К. Инхе).

*Рис. 24. Головной убор с повязкой (вид сзади)
(по: Rajantakaista Karjalaa. Helsinki, 2008. С. 25).*

Рис. 25. Девушка за прялкой. Фото А. А. Беликова, 1927 г.

Рис. 26. Праздник св. Пантелеймона. Фото А. А. Беликова, 1927 г. (МАЭ).

М. М. Гусева

Портновское дело в XIX — начале XX в. в Олонецкой губернии

Аннотация. Согласно своду Статистического бюро Олонецкого губернского земства о кустарных промыслах в начале XX в. портновским ремеслом во всех 6 уездах занималось более 1,5 тысяч кустарей и ремесленников. В статье рассматривается организация их работы и устройство мастерской по пошиву одежды.

Статья посвящена ремеслу портных и швей в Олонецкой губернии. Это занятие требовало не только знаний в области технологии производства, но и владения искусством кроя, который в рассматриваемое время усложнился в связи с широким распространением в сельской местности новых «городских» костюмов. Несмотря на то, что с конца XIX в. в городах стали продавать готовую одежду, профессия портного, умеющего изготавливать платье на заказ от начала до конца, была востребована.

В Олонецкой губернии большое количество портных кустарей и ремесленников (в основном это были мужчины) изготавливали мужские костюмы. Работали как в своих деревнях, волостях и уездах, так и за пределами края. На заработки отходники уходили в Архангельскую губернию, Санкт-Петербург, даже были известны случаи отходничества за границу, в частности — в Вену (рис. 1, 2)¹.

Осваивая ремесло, отходники-портные поступали в ученики-подмастерья в мастерские по пошиву мужского и женского платья (в том числе иностранных портных), где они обучались швейному искусству. Исследовавший портновское ремесло в России В. А. Резанов отмечал, что русские подмастерья предпочитали учиться портняжному делу у иностранных портных, обучение продолжалось в течение 6—8 лет. При этом по завершении обучения, при хороших способностях, они становились отличными портными, но не умели кроить и придумывать фасоны согласно моде². Вызывает удивле-

¹ *Катун А. И.* «Портной». Первый Российский художественный альбом-учебник шитья мужского и женского платья с 320-ю рисунками. СПб., 1907. С. 219, 221.

² *Резанов В. А.* Взгляд на ход портного мастерства в России и на ученье крестьянских мальчиков ремёслам, в особенности портному, с изложением некоторых правил, клонящихся к достижению

ние, почему их не обучали раскройному делу, ведь шить по скроенному не так трудно, и у русских мастеров можно было научиться этому. Наверное, не всякий русский портной-учитель мог из подмастерья вырастить грамотного мастера, умеющего выбрать ткань для того или иного платья или изменить основу выкройки для желаемого фасона, поскольку и сам, вероятно, не был хорошим закройщиком и не мог с пониманием читать специальные технические книги³. При этом, как отмечает Резанов (сам имевший 25-летний стаж в портновском деле), знающий своё дело русский мастер несколько не хуже иностранца, да и берёт за свою работу вдвое меньше⁴. Можно полагать, что и олонечкие подмастерья-отходники брали уроки у опытных портных-наставников, а вернувшись в родную губернию, начинали свою практику по изготовлению мужского и женского костюма.

Основные статистические сведения о кустарях и ремесленниках, занимающихся швейным делом, содержатся в своде Олонечского губернского земства «Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонечкой губернии» (табл. 1). В начале XX в. в шести уездах Олонечкой губернии в портновском деле были задействованы 634 кустаря, из них 413 мужчин и 221 женщина. Средний заработок портного составлял 53 рубля, швеи 20 рублей⁵. Среди 992 ремесленников было 897 мужчин и 95 женщин, их средний заработок колебался от 35 до 135 рублей⁶.

Таблица 1

**Количество кустарей и ремесленников портных
в Олонечкой губернии в 1905 г.**

Уезды Олонечкой губернии	Кустари			Ремесленники		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
Повенецкий	73	14	87	107	7	114
Пудожский	66	26	92	45	9	54
Олонечский	46	53	99	375	19	394
Петрозаводский	114	47	161	296	46	342
Лодейнопольский	46	40	86	12	3	15
Вьегорский	68	41	109	62	11	73
Всего			634			992

скорейшего способа изучения мастерству, с приложением рисунков покроя военного платья, вычисленного по масштабу. СПб., 1847. С. 2.

³ Катун А. И. «Портной»... С. 4.

⁴ Резанов В. А. Взгляд на ход портного мастерства... С. 1.

⁵ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонечкой губернии / сост. Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. С. 92—93.

⁶ Там же. С. 96.

Многие кустари (12 % от общего числа портных) и ремесленники (41,1 %) в поисках лучшей доли уходили в Петрозаводск, Повенец, а также за пределы губернии — в Санкт-Петербург и в Архангельскую губернию. Зарплата в Олонецкой губернии была ниже (в сравнении с Санкт-Петербургом — вдвое ниже). Хотя отмечались случаи, когда портные из других губерний приходили в Олонецкую губернию; как утверждает В. Майнов, заонежане не любили сидячей работы, и поэтому среди них не встречались портные и сапожники, и как только наступала поздняя осень, в Заонежье приходили «швецы по части платья и сапог» из Каргополя и Вологодского края⁷. Не всякий портной работал круглогодично, большинство из них (86 %) принадлежали к земледельческим семьям и в летнюю пору занимались сельскохозяйственным трудом.

В табл. 2 можно увидеть, насколько разная загруженность была у портных Повенецкого уезда, где они работали, в течение какого времени, сколько человек обслуживали и каков был их заработок⁸.

Таблица 2

Портные и швеи кустари Повенецкого уезда

Повенецкий уезд	Деревни / человек	Где промысел, заработок (з/к), сколько человек обслуживает
Богоявленская вол.	7/17 чел. (из них 2 ученика, 2 женщины)	Д. Южный конец — 1 чел., з/к 200 руб. за 2 месяца на 21—25 чел. Д. Сондала — 2 чел., 12 мес., з/к 150 руб. на 31—35 чел. В среднем от 15 на 5 чел з/к до 150 руб. на 21—25 чел.
Петровско-Ямская вол.	5/3 чел. + 4 ученика	1 — СПб., 11—15 чел. Почти все только 3 месяца работают, средний з/к — 30 руб. п. Койкиницкий — 1 чел., з/к = 70 руб. на 1—5 чел.
Шунгская волость вол.	43/72 чел., из них 15 женщин	13 — в СПб. 7 чел. по 12 месяцев, з/к от 50 р. на 1—5 чел., до 360 р. на 21—25 чел., есть по 10 руб.
Даниловская	8/15 чел., из них 4 женщины	3 чел. в СПб. 1 чел 180 р. за 6—10 чел., з/к в среднем 50 руб. на 1—5 чел
Римская	10/54 чел., из них 8 женщин	3 чел. в СПб. работают в основном по 5—6 мес., ср. з/к от 10 руб. до 20 руб. в месяц

⁷ Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. С. 121.

⁸ Кустарные промыслы... С. 4—29, 92—98.

		2 чел в Архангельской губ.
Ругозерский	2/6 чел., из них 1 женщина	1 женщина в г. Вене 1 чел. в Архангельской губ. 1ч. — до 5 мес., з/к 130 руб., в среднем — 50 руб.
Ребольский	1/1 женщина	СПб. — 35—40 чел.
Маниева Гимольский погост	2/2 женщины	Своя волость 1 с д. Маниевой, за 4 мес. — 60 руб. на 16—20 чел.
Мяндусельская	11/17 чел., из них 3 женщины	4 чел. в СПб., з/к 80 руб. на 16—20 чел.

Труд портных был организован по-разному. Кому-то приходилось искать заказчиков самим, вроде разносчиков товара — офеней, кто-то устраивал свои мастерские. Первых не только игла кормила, но и ноги. Приходя в незнакому местность, портные узнавали, кому в деревне необходимо пошить обнору, они устраивались в доме заказчиков, получая жилье и пропитание на время работы, и шили из материалов своих работодателей. Большинство портных приносили с собой только ножницы, аршин и утюг, некоторые везли на санках швейную машину (при подворной переписи на начало 1905 г. в Олонецкой губернии было записано 262 швейных машины, большей частью ручные⁹). По мере выполнения работы им приходилось искать новые заказы в той же деревне, а после идти в следующие. Портные старались вернуться домой к Рождеству, чтобы увидеться с семьей, расплатиться с податями, а потом снова уходили в поисках работы до весны. В год двое мастеров со швейной машиной могли заработать до 150 руб., без машины 60—70 руб.¹⁰

Сельские жители в ожидании умельцев изготовления модного платья сами приобретали материалы и галантерейные товары, что-то привозили из городских магазинов и лавок, что-то покупали на ярмарках. Сведения о продаже красного, игольного и мелочного товаров можно найти в Памятной книге за 1865 и 1866 гг., которая описывает Шунгскую ярмарку, куда съезжались купцы и торговцы с разных губерний (табл. 3)¹¹.

⁹ Кустарные промыслы... С. 94—95.

¹⁰ Там же. С. 98

¹¹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1865 год / под. ред. П. Н. Рыбникова. Петрозаводск, 1865. С. 154, 155, 158, 159.

Товары Шунгской ярмарки

	1865		1866	
	Продано аршин	Привезено в рублях / Продано в рублях	Продано аршин	Привезено в рублях / Продано в рублях
Красного товара (текстиль, ткани, мануфактура): у торговцев бумажных, шерстяных и шелковых изделий	—	—	—	120/35
У розничных торговцев вместе с панским (мануфактурный, красный) и суровским (изделия из шелка, шерсти, хлопка)	—	—	—	25/6
Сукно у красноярцев	—	10/3,2	—	6/1,5
Крестьянское сукно	5	1,25	5	1,25
Игольного и мелочного товара	—	7/2	—	12/3
Холста крестьянского	100	7	85	6

Цены за пошив одежды внутри губернии не всех удовлетворяли, и именно поэтому портные, организуясь в артели или работая индивидуально, уходили за пределы губернии, прежде всего в Санкт-Петербург. В городах заказов было больше, и портные легче находили работу. Кому-то даже удавалось открыть свою мастерскую.

Одним из таких олонекских портных был Василий Богданович Богданов — «вечного портного цеха мастер». Уйдя в столицу, он устроился на работу в мастерскую к одному из местных портных, где обучился азам портняжного мастерства¹². Овладев профессией и накопив первоначальный капитал, в возрасте 49 лет, в 1871 г. он записался в купцы 2-й гильдии Санкт-Петербурга¹³ и до 1880 г. содержал мастерскую и проживал в доме купца Бегрова № 62 по Невскому проспекту (после 1880 г. в книгах о купцах Богданов В. Б. не значился). С 15 апреля 1874 г. В. Б. Богданов становится Почетным блюстителем

¹² Понуровский А. Портной императорского двора: (о В. Б. Богданове, уроженце д. Кинелахта Видлицкой волости Олонекского уезда) // Олонекские соседские вести. 2013. 7—13 августа (№ 23). С. 9.

¹³ Справочная книга о лицах, получивших на 1871 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1871. С. 106.

при Горском одноклассном училище в Видлицкой волости¹⁴, которое сам и устроил. В заметке А. Понуровского указано, что по личному распоряжению императора В. Б. Богданов был награждён серебряной и золотой медалями «за усердие»¹⁵.

Стоимость пошива одежды различалась не только по уездам, но и по соседним волостям, что видно из данных, приведенных в табл. 4. Усердно работая в больших городах, ремесленники могли заработать 240—900 руб. в год, тогда как заработок внутри Олонецкой губернии выше 200 руб. не поднимался.

Таблица 4

Цена за пошив одежды

	Кустарь в Богоявленской волости	Кустарь в Шунгской волости	Ремесленник в Толвуйской волости
За брюки	40—60 коп.	25—30 коп.	70 коп.
За пиджак	80 коп. — 1 руб.	50—60 коп.	60 коп.
Жилет	—	—	30—40 коп.
За пальто	1,5—2 руб.	80 коп. — 1 руб.	Летнее — 1,5 руб. Зимнее — 2 руб.
За полушубок	70—80 коп.	—	

Сколько было мастерских по пошиву одежды в Олонецкой губернии, установить не удалось, в источниках о них найдены лишь отдельные упоминания. Например, в 1899 г. мастерские по изготовлению одежды и обуви на углу Б. Казарменской и Александровской улиц в г. Петрозаводске содержали Е. И. Биневич (номер предприятия 48 с оборотом в 4350 руб. и прибылью 435 руб.) и Р. Б. Биневич (№ 49 с оборотом в 13 650 руб. и прибылью в 1365 руб.)¹⁶. До 1919 г. в Петрозаводске существовала портновская мастерская И. Х. Месселя, после сентябрьского декрета 1918 г. «О регистрации буржуазии и нетрудового элемента» он стал «лицом без определенных занятий»¹⁷, возможно, его портновская практика тогда прекратилась. Ещё двое петрозавод-

¹⁴ Справочная книга о лицах, получивших в течение 1874 года и января месяца 1875 года купеческие свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промысла в 1875 году. СПб., 1875. С. 148.

¹⁵ Понуровский А. Портной императорского двора... С. 9.

¹⁶ НАРК. Ф. 21, оп. 1, д. 4/46, л. 83 (Книга торговых и промышленных предприятий по Петрозаводскому уезду за 1899 г. Группа XIII Лавки изготовления платьев и обуви).

¹⁷ Дубровская Е. Ю, Кораблёв Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны. 1914—1918. СПб., 2017. С. 73.

ских портных упоминаются в телефонном справочнике Петрозаводска за 1906 г. — это Беренштейн и Лившиц (все упомянутые петрозаводские портные — евреи по национальности, являлись членами хозяйственного правления синагоги¹⁸).

В Памятных книжках Олонецкой губернии 1907 г., 1908 г. и 1909 г. в сведениях о Николаевском детском приюте Ведомства Императрицы Марии Александровны значится заведующей дамской мастерской Зинаида Васильевна Залит, по всей видимости, она была попечительницей приюта или обучала девочек основам швейного дела¹⁹, в 1910 и 1911 г. заведующей дамской мастерской была Е. В. Романова²⁰.

В период русско-японской войны 1904—1905 гг. под руководством супруги губернатора Анны Васильевны Протасьевой начала действовать дамская мастерская по пошиву белья и одежды для солдат действующей армии и раненых воинов. В мастерской работали женщины из привилегированных сословий на безвозмездной основе²¹. Во время Первой мировой войны при Свято-Петровской общине под руководством жены губернатора Л. М. Зубовской была организована мастерская по пошиву белья и одежды для воинов. В ней на безвозмездной основе работали около ста женщин, преимущественно представительниц привилегированных сословий. Известно, что только за первые 4 месяца своей деятельности мастерская изготовила 5,1 тыс. штук теплого белья и других вещей, которые тремя партиями через Главное управление общества Красного Креста были направлены на фронт. Доставку вещей в Петербург бесплатно осуществляло Онежское пароходное общество²².

Как устраивали мастерскую по пошиву мужского и женского платья? Если бы мы зашли в ателье Парижа того времени, нас бы проводили в зал, где светские дамы выбирали наряды для своего гардероба. В этом же здании, как правило, на втором этаже, располагалась сама швейная мастерская, где проходили тяжелые будни швей, изготавливавших заказанные модели. В салонах мод работали девушки-модели, выходявшие к клиентам, чтобы про-

¹⁸ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год / сост. И. И. Францишкевич-Яновский. Петрозаводск, 1909. С. 138.

¹⁹ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1907. С. 139; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1908 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1908. С. 156; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1909. С. 105.

²⁰ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 год / сост. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1910. С. 103; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год / сост. В. Соболев. Петрозаводск, 1911. С. 116.

²¹ *Кораблёв Н. А., Мошина Т. А.* Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Биографический справочник. Петрозаводск, 2012. С. 112.

²² *Дубровская Е. Ю., Кораблёв Н. А.* Указ. соч. С. 73.

демонстрировать наряды. Парижское издание *Les Createurs de la Mode* («Создатели моды») от 1910 г. демонстрирует большое количество фотографий подобных ателье²³ (рис. 3).

Приобрести опыт в изготовлении модных одежд можно было уже в конце XVIII в., распространение моды сопровождалось с помощью манекенов, привозимых из Парижа и Лондона²⁴. В 1779 г. в России было основано русское «Модное ежемесачное издание, или Библиотека для дамского туалета» (издатель Н. И. Новиков), в XIX в. подобных изданий было уже множество — с 1834 г. выходил журнал «Библиотека для чтения» с модными картинками, с 1836 г. — «Современник» и «Москвитянин». Кроме того, русские портные в XIX в. нередко ездили совершенствовать свое мастерство в портновские школы в Лондон или Вену. В Санкт-Петербурге большинство модных ателье находились на Невском проспекте, Мойке и Морской улице, в Москве — на Петровке и Кузнецком мосту. К концу века модели русских портных ничем не уступали парижским. Так, например, изготовленные российским модельером и художником Надеждой Ламановой дамские платья в 1925 г. были высоко оценены в Париже на всемирной выставке, её платья в русском стиле произвели фурор — стиль «а-ля рюс» в те годы стал чрезвычайно моден в Европе.

В России, так же как и за границей, существовали портные, имеющие свою специализацию: одни шили военную форму, другие — одежду для духовенства, третьи — форму чиновников, четвертые — гражданские костюмы. Такое разделение на узкие специальности практиковалось и ранее. Например, И. Е. Забелин, характеризуя быт русских цариц XVI—XVII вв., описывает швейную мастерскую Царицыной палаты, где работали и женщины, и мужчины-портные — «наплечные мастера» (так как они одевали «царское плечо»), из них кто-то кроил одежду, кто-то шил. Все наряды украшали вышивкой в Царицыной светлице, в которой работали женщины царской семьи, знатные боярыни и простые мастерицы. К мастерицам относились золотошвей и белошвей — «мужни жены, и вдовы, и девицы, честных и средних чинов дворовых людей, которые делают и шьют золотом и серебром и шелками, с камнем и с жемчугом». По мере роста царской семьи число мастериц увеличивалось. Так, например, в 1626 г. золотных мастериц было

²³ *Les Createurs de la Mode* [Электронный ресурс]. С. 16. URL: <https://archive.org/details/lescreateursdela00roge/page/96/mode/2up?ref=ol&view=theater> (дата обращения: 10.11.2022).

²⁴ *Коришнова Т. Т.* Костюм в России XVIII — начала XX века в собрании государственного Эрмитажа. Л., 1979. С. 4.

15 человек, а «белых» 11, в 1682 г. их было 59 человек и 22 ученицы, в 1691 г. — 87 человек с ученицами²⁵.

Возвращаясь к Олонецкой губернии, можно предположить, что и в Петрозаводске, Олонке и других крупных селениях существовали мастерские по образцу столичных ателье или пошивочных цехов с разделением на различные работы (утюжилные, машинные, ручные, вышивальные), как это видно на фотографиях мастерской Катюна (рис. 1, 2) и на фотографии мастерской 1919—1930 гг. в Вознесенье (рис. 4). Такое разделение на поэтапные операции существовало на швейных предприятиях массового пошива одежды. В мастерских могли работать квалифицированные портные и швеи, вышивальщицы, прошедшие практику изготовления готового городского платья в Санкт-Петербурге, имеющие богатый опыт по работе с населением, ведь туда обращались не только горожане, но и зажиточные деревенские жители, не удовлетворявшиеся качеством одежды местных или приходящих в деревню портных.

В конце XVIII в. в Петрозаводске существовал большой спрос на пошив одежды. Например, в Олонецких губернских ведомостях приводится перечень предметов гардероба петрозаводского чиновника, с указанием стоимости их изготовления:

- «Пошито разного платья в течение с 1795 по 1801 год
- шубейка покрыта камлотом — 35 р.,
- шуба поковая одна — 22 р.,
- шуба дорожная одна под сукном — 20 р.,
- сертук байчатый — 12 р.,
- сертук белой байки — 12 р.,
- курта зеленого сукна, подбитая снизу байкою, с шитьем — 13 р.,
- шаравары — 4 р.,
- бумажной черной материи 2 штаны — 5 р.,
- зеленого плису 1 штаны — 5 р.,
- черного плису 1 штаны — 6 р.,
- байка под куртку сверху и снизу, подкладка, с шитьем оной — 6 р.,
- за шитье мундирных сапог трех пар — 9 р. 50 к.,
- сапоги темного козла двое 9 р. куренные сапоги двои — 5 р.,
- еще одни сапоги — 2 р. 30 к.,
- башмаки двое — 2 р.,
- туфлей 4 пары — 2 р. 20 к.,
- каньги теплые одни — 1 р. 80 к.,
- две пуховые шляпы — 10 р.,
- три пары замшевых перчаток — 2 р. 50 к.,

²⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869. С. 507.

- на покупку шапки — 5 р.,
 - на покупку холста себе <и для дому> 500 аршин — 75 р.,
 - плащ синего сукна — 25 р.,
 - голубого сукна на мундир — 25 р.,
 - на шитье новых 3 фраков — 50 р.,
 - на шитье из белого сукна трех камзолов — 15 р.,
 - трех штанов 18 р.,
 - ткань на халат с шитьем — 12 р.,
 - на халат же желтой кирпичного цвета материи — 5 р.,
 - на шубу покосную с шитьем — 6 р. 50 к.,
 - еще на халат три куска материи — 12 р.,
 - две муфты для проезда в курень — 6 р.,
 - двое валеные дорожные чулки — 2 р. 50 к.,
 - нитяных дорожных чулков — 10 р.,
 - штаны белой бумажной материи двое — 10 р.,
 - три жилета — 7 р. 50 к.,
 - кисеи белой на галстуки до 3 аршин — 2 р. 50 к.,
 - тафты на галстуки 3 арш. — 3 р. 60 к.
- Итого 498 р. 40 к.»²⁶.

Из этого списка видно, что в XVIII в. в большом ходу были хлопчатобумажные, льняные, шерстяные и шелковые ткани: холст (вероятно, льняной), сукно, камлот, плис, байка, тафта, кисея. Костюмы (около 35 предметов одежды за 6 лет) шились нового образца, согласно Петровскому указу: сюртук, камзол, штаны белые, чулки, сапоги. Общий итог расхода по тогдашнему времени составлял значительную сумму, в среднем 80 рублей в год на одежду и обувь. На период 1850 г. в Олонецкой губернии насчитывалось 407 служащих²⁷. При столь огромном количестве гардероба в чиновничьих семьях в городе должно было быть не менее 10 мастерских по пошиву платья.

Во второй половине XIX в. развивалось и производство готовой одежды. Первоначально в мастерских готового платья шили военную форму и форму для различных ведомств. Затем стали шить мужские костюмы, сорочки, брюки, жилеты, пальто, дамские накидки. Менее обеспеченные слои городского населения одевались в «Домах готового платья». Как отмечалось, уже с конца XIX в. в городах стали продавать готовую одежду, тем не менее мно-

²⁶ Заметки о ценах в Петрозаводске в конце XVIII столетия // Олонецкие губернские ведомости. 1859. № 6. С. 21.

²⁷ Плех О. А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века // Учёные записки Петрозаводского Государственного университета. Т. 42. № 2. Петрозаводск, 2020. С. 59.

гие горожане продолжали шить одежду на заказ, потому что иметь своего портного — значит выглядеть всегда безупречно. Пошитый на заказ костюм всегда будет идеально сидеть на фигуре, отличаться высоким качеством изготовления каждой детали, отменными ручными стежками. Поэтому профессия портного, умеющего изготавливать платье от начала до конца, будет востребована всегда

Рис. 1. Мастерская А. И. Катуня.

Рис. 2. Мастерская А. И. Катуня.

**Рис. 3. Интерьер модного дома Шеруи
(фото из журнала «Les Createurs de la Mode»).**

**Рис. 4. Вознесенская швейная мастерская. 1929—1930 гг.
Лодейнопольский историко-краеведческий музей.**

В. П. Ершов
Шкатулка из прошлого
(Записки ребенка войны)

Аннотация. Статья посвящена детским воспоминаниям автора о времени Великой Отечественной войны. К статье прилагается описание семейной реликвии — шкатулки, являющейся образцом шемогодского промысла резьбы по бересте.

...Мы не особенно горюем и о том, что не знаем подробностей своей семейной хроники.

Б. Шергин¹

Разговор с мамой в 1970-х гг.: «Вот ты краеведением занимаешься, а что ты знаешь о нашей семье?»

Это приходит не сразу. Горюем, когда родные уходят, когда старость подобралась незаметно, а вместе с ней и понимание жизни...

Самые ранние мои воспоминания связаны с домом моей мамы на ул. Павлина Виноградова в Архангельске... Я совсем маленький (3 годика) валяюсь на широких желтых половицах дома, согретых солнечным лучом. Мне тепло, вольготно в теплом потоке света... Входит няня Феня и вытаскивает меня из солнечной купели... (рис. 1).

Воспоминания ребенка лишены логики, они отрывочны, бессистемны. Запоминаются лишь яркие события, люди, интересные, но иногда случайные вещи... Помню голубые тарелочки (рис. 2) на полке (блюдник, или наблюдник — как называла ее мама), граммофон с большой-большой трубой, мне нравилось крутить ручку завода, пока я не сорвал пружину... Попало, конечно. В середине комнаты стоял большой круглый стол со скатертью до самого пола. Я любил забираться туда, это было мое пространство. Здесь была моя автономная жизнь. Я чувствовал здесь себя защищенным. Здесь я

¹ Шергин Б. Беседные очерки. Слово устное и слово письменное // Повести и рассказы. Л., 1984. С. 408.

стал свидетелем скандала мамы с отцом, в результате которого отец быстро собрался и уехал к себе на родину — в Ардатов (Мордовия); здесь, под столом, в своем убежище я услышал страшные слова из черной тарелки на стене о том, что началась война, хотя и не представлял, что это такое (рис. 3).

Никто не предполагал, что очень скоро все так быстро изменится, беда придет и в наш дом. Война для меня началась со взрывов и пожаров. Деревянный Архангельск горел. Гул немецких самолетов сопровождался взрывами бомб. Я помню это... Мы с ребятами знали даже марки летящих немецких самолетов, во всяком случае почему-то помню до сих пор названия — «юнкерсы», «хенкели»... Гул этих самолетов долго преследовал меня во сне. Одна из бомб упала в нашем дворе. Взрывная волна приподняла меня и швырнула в стенку дома. Но дом не сгорел, и я остался жив. Из черной радиотарелки на стене все чаще я слышал: «Граждане, воздушная тревога...». Я прятался под стол, в свое убежище, но меня изымали и тащили в другое убежище. Это был страшный подвал, где сидели чужие люди, прижавшись друг к другу. Света не было, горели лампа или свеча. Плакал не только я. Помню, как взрослые зачем-то заклеивали клейстером стекла окон полосками из газеты. Потом этот очень невкусный клейстер мы стали есть... Голод пришел.

Наступила зима 1941 года. Очень морозная. Я, закутанный в теплую шаль, стою с мамой в огромной очереди за хлебом. Холод. Мороз такой, что птицы замерзали и падали. Одна — рядом со мной. Помню какие-то отрывочные разговоры в очереди, что воруют детей на колбасу. Я боялся и крепко держал маму за руку. Мама часто уходила на борьбу с зажигалками. Немцы забрасывали ими город, в надежде, что деревянный город сгорит. А я сидел под столом и плакал...

Затем детская память сохранила эвакуацию из Архангельска в 1942 г. Плыли на барже. Много людей с мешками. Очень хотелось есть. Это щемящее чувство голода помню до сих пор.

Конечным пунктом нашего путешествия стало село Черевково. Сейчас-то я знаю, что это необыкновенно красивое село с музеями, старинными резными домами и народными промыслами. Тогда же — только большой бревенчатый дом, в котором нас поселили. Молодая хозяйка с сыном моего возраста. Отец на фронте. Там я впервые узнал, что такое порка вицей. В углу в сенях стояла кадка с водой и пучком прутьев. А на стене в холодных бревенчатых сенях висели связки лука. Он подмерз, был сладким и вкусным. Мы с хозяйским сыном тайком ели мерзлые сладкие луковичи и за это поплатились...

Помню еще поленицу ольховых дров у изгороди.

— Почему они такие красные? — спрашиваю у нашей хозяйки.

— Это кровь дерева.

— Кровь у дерева?

Помню, что хозяйка рассказала какую-то сказку или легенду, почему дерево плачет кровью. А на днях я вспомнил карельскую сказку «Ольховая чурка»². В сказке говорилось, что у вытесанного из ольхового чурбака доброго молодца, когда приходит беда, красный плат плачет кровью. Может быть, эту сказку и рассказывала мне наша хозяйка...

Рядом жила еврейская семья, тоже эвакуированные. Иногда пожилая еврейка приносила нам кусочек хлеба!

— Зачем? — спрашивала мама.

— Мы же евреи, должны друг другу помогать, а у вас двое детей...

— Да не еврейка я!

— Ну, зачем вы так... Нехорошо отказываться от своего народа...

Мама действительно была похожа на еврейку. Вскоре маму устроили работать учителем в школу. Сохранилась трудовая книжка, в которой есть приказ от 28 сентября 1942 г. о зачислении мамы на работу в Черевковскую среднюю школу преподавателем русского языка и литературы. Шла война, школы работали, люди страдали и помогали друг другу. Сейчас, когда я стал совсем старым, пишу эти строки, и слезы наворачиваются на глаза. Сколько пришлось перенести маме... Да только ли ей одной?!

— Мама, мамочка, ты святая, — вспоминает эвакуацию в военные годы мой друг-поэт Александр Валентик³.

Свидетельницей всех событий в (нашей) маминной жизни была эта небольшая берестяная шкатулка. Мама не позволяла ее трогать, но однажды, перед самым началом войны, она достала шкатулку. Я сидел рядом с мамой и с интересом всматривался в ее содержимое. Там было много интересных для меня вещей: какие-то стеклышки (мамино пенсэ), какие-то камушки, большой толстый красный карандаш (фирма «Кох-и-нор») и пачка фотографий, перевязанных красной ленточкой. Я помню, как мама долго-долго держала каждую фотографию, рассказывала и плакала... Прошло почти сто лет. Сейчас я держу их в руках. Пожелтевшие свидетельства ее молодости.

Вот прекрасная дореволюционная фотография (1912 г.) на паспарту: тетя Валя — Валентина Андреевна Потапова, сводная сестра мамы (рис. 4). Отец мамы Михаил Догадкин, известный в городе купец, судовладелец, разошелся с семьей и уехал в Питер. Это в какой-то мере спасло семью после революции.

Тете Вале я обязан жизнью. Какая-то странная болезнь поразила меня — отказала печень (мама называла ее «атрофия печени»). Меня положили в больницу, но все оказалось плохо. Медицина была бессильна, и меня выписали домой, по словам мамы, умирать. Мама недавно потеряла дочь Женечку

² Карельские сказки / пер. У. С. Конкка и др.; худ. Н. Брюханов. Петрозаводск, 1983.

³ Валентик А. Эвакуация // Навечерие. Петрозаводск, 2011. С. 18.

— scarлатина (рис. 5). Она в 1930-е гг. свирепствовала в стране. На очереди теперь был я. Тетя Валя взяла лечение на себя, она имела медицинское образование, но лечить стала по-народному, как рассказывала мама, она поила меня с маленькой ложечки коньяком. (Кстати, подобный рецепт я встретил в романе «Немой свидетель» Агаты Кристи: доктор Грейнджер велел регулярно давать больной желтухой мисс Аранделл мясной бульон, а перед этим обязательно ложку коньяку). Затем помню блюдечко с рыбьим жиром. Мама специально ездила в порт в Соломбалу покупать его на траулере. Там он продавался безо всяких примесей, чистый и вкусный. Мама крошила в блюдечко черный и белый хлеб — это были лебеди. Не знаю, что помогло, или не судьба была мне умереть тогда, но я выжил, стал постепенно поправляться, и меня снова взяли в больницу. Случай был уникальный. Врач, по словам мамы, описал его даже в каком-то медицинском журнале. Вот найти бы сейчас этот журнал! Пытался... Недавно в руки мне попала «Летопись города Архангельска» (Архангельск, 1990). На странице 120-й была информация об архангельском докторе Сергее Ивановиче Елизаровском. Во время моей болезни он работал в больнице и одновременно был доцентом архангельского мединститута (в 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию). Больные называли его профессором. Впоследствии это известный в стране ученый — доктор медицинских наук, профессор, автор 120 научных работ. Возможно, он и был моим доктором. Так вот и живу уже девятый десяток лет...

Во время войны, когда мы были в эвакуации, завидующий сосед написал донос на Валентину Андреевну: она, мол, дочь купца, отмечает флажками на карте города, оставленные нашими войсками. Враг, конечно! И потом, в доме было много серебра. Арестовали. В тюрьме, как она рассказывала, долго издевались: били, пинали сапогами, требовали признания, на кого работает, но в конце концов отпустили, а всю серебряную посуду, что не была припрятана, из дома выгребли. Соседушка постарался. «Гебисты», конечно, не ангелы. Но доносы играли роковую роль.

Тетя Каля — Калерия, тетя Клава — вторая родная сестра мамы (рис. 6). Я помню ее уже в Ардатове, в мордовском доме отца. Мы сидели с тетей Калей на теплой русской печке. Она болела. Я прислонился к ее теплому боку и дремал. Она рассказывала сказки на французском языке. Я не понимал, но мне нравился этот музыкальный непонятный язык. Подсознание сохранило ее голос, произношение, интонации. И это помогло мне при поступлении в аспирантуру. Дело в том, что в моем образовании был гигантский языковой провал: в послевоенные годы язык не изучали в ардаатовской школе, в педучилище, которое я закончил в 1956 г., и почему-то в Казанском педагогическом институте. А в аспирантуру надо было сдавать один из европейских языков. Я срочно нашел какой-то потрепанный самоучитель французского языка. Взял в библиотеке томик Руссо «Emile ou de l'Education»

(«Эмиль, или О воспитании») на русском и французском языках. И началось мое самообразование — по ночам, после уроков, воспитательских мероприятий, походов... Через полгода я сносно мог читать газету, но ни говорить, ни понимать французскую речь не мог. Экзамен я сдал с божьей помощью (а точнее, с помощью преподавателя-полиглотта пединститута Кошкина) на тройку, за что я ему безмерно благодарен. Но всю жизнь страдаю комплексом неполноценности.

Тетя Каля умерла в Ардатове в 1945 г. Я помню совсем маленький кусочек хлеба с икрой, который мама в те голодные годы как-то где-то сумела достать, выполняя последнюю просьбу умирающей сестры. Помню, как отец вез ее тело из больницы на больших санках, завернутое в белую простыню. Была зима... Я плакал, как холодно было, наверное, тете Кале.

Была в шкатулке еще одна фотография — брата мамы (рис. 7). О нем никогда не говорили в семье. Лишь во время скандалов отец вспоминал маме об участии его в белом движении. Он был офицер. Его расстреляли в 1919 г. Но фотография его нашла свое место в шкатулке мамы. Опасно, конечно, хранить фотографию врага народа. Я даже не знаю его имени.

Мама моя Ершова Евгения Михайловна (Догадкина) (1908—1978 гг.) была архангелогородка (рис. 8), из купеческого рода Догадкиных⁴. Я ничего не знаю из родословия своего деда Михаила Догадкина. Ибо родился в несчастном 1937 г. Знать, тем более гордиться тогда своим происхождением было опасно. От меня оно скрывалось. Аресты, расстрелы, как я сказал, не обошли стороной и нашу семью. Мама закончила гимназию в Архангельске, затем педагогический институт в Ярославле, филологический факультет (рис. 9). По отзывам учеников, она была прекрасным преподавателем (рис. 10). Иногда она рассказывала забавные истории из своей студенческой жизни. Мне запомнились шуточные диктанты, которыми потчевал в институте своих студентов молодой преподаватель филологии.

Уже будучи студентом, я сам пытался писать под ее диктовку эти замысловатые диктанты:

— На копейку чернил.

— А вот и нет, — смеялась мама: «На-ко, пей, кучер Нил!»

В этом году она встретила выпускника Казанского института сельского хозяйства и леса симпатичного парня из Мордовии Петра Ершова и они поженились.

Жили в Архангельске, в деревянном одноэтажном флигельке, который милостиво оставили власти семье. Там было много разных интересных для меня вещей. И среди них — эта шкатулка. Она стояла на старинном комод. И потом она сопровождала все передвижения мамы: Архангельск — Сахалин

⁴ См.: Шумилов Н. А. Архангельский родословец: генеалогический справочник. Архангельск, 2009. С. 167.

— Архангельск — Ардатов (Мордовия) — Петрозаводск. Сейчас, когда мне уже 85, когда давно уже нет родителей, я вдруг обратил на нее внимание. Поздно, поздно! Некому было рассказать ее историю. Лишь однажды, очень давно, мама как-то сказала, что это подарок ей после окончания гимназии. Но, может быть, в этом есть даже какой-то особый смысл: с возрастом я стал больше понимать и чувствовать... Что бы я тогда понимал — в «шемогодской резьбе», в берестяном промысле, в орнаментальной символике и вообще в событиях страны и семьи?

Но особо хочу рассказать о нескольких фотографиях из шкатулки 1933—1935 гг. Это «фотокоровские» снимки 9 × 12 см. В 1930—1940-е гг. «Фотокор» был хорошим кассетным фотоаппаратом. Но громоздкий, приходилось таскать с собой штатив. И кассеты заряжались стеклянными пластинками, что также доставляло много неудобств. Но все искупалось качеством изображения. Отец увлекался фотографией, и несколько его снимков 30-х гг. сохранились в шкатулке. Они отмечают особый период в жизни родителей: пребывание на Южном Сахалине. Романтика? Мама рассказывала, как уже в начале 30-х гг. в Архангельске по ночам стали разезжать «черные вороны» — машины НКВД, и люди исчезали. От греха подальше, памятуя о социальном положении, родители решили уехать на край света. Меня еще не было. Осели они в поселке Рыковское, Южный Сахалин. Дальше уже ехать было некуда... Кстати, мой доктор Сергей Иванович Елизаровский примерно в эти же годы работал там же на Сахалине в г. Охе.

Поначалу я думал, что это название связано с именем Алексея Ивановича Рыкова, известного революционера, позднее Председателя СНК СССР и РСФСР, избранного после В. И. Ленина. Действительно, его именем было названо множество улиц, предприятий, город (Енакиевск), поселки, самолеты и пароходы и даже в народе водку называли «Рыковка». Еще в народе ходила вот такая двусмысленная частушка:

*Эх, калина-калина,
Х... большой у Сталина,
Больше, чем у Рыкова,
И у Петра Великого.*

Мда... За такое творчество можно было в то время получить 10 лет лагерей. И это еще по-божески.

А поселок Рыковск был печально известен еще до революции — как место ссылки каторжан. Все это хорошо описано А. П. Чеховым в книге «Остров Сахалин». Добровольно приехавшие молодые супруги поначалу поселились в соседнем Александровском пункте в общежитии (рис. 11). Голые бревенчатые стены, железные кровати, под ними сумки, корзины, постели без простыней, но лица молодые, красивые, веселые... Главное, подальше от Всевидающего Ока. Утешало и то, что на этом краю света есть

музей «Истории каторги», здесь побывал А. П. Чехов, здесь родился известный полярник, спутник Роберта Скотта в экспедиции на Южный полюс — Дмитрий Семенович Гирев, здесь служили Ян Фабрициус и Алексей Маресьев, а сочные легенды о Соньке Золотой Ручке (Шейндля Сура Лейбовна Блювштейн, в девичестве Соломониак), умершей там, на каторге, застала еще мама... Одним словом, жить можно. Однако вскоре молодых учителей перевели из Александровска в село Рыковское (рис. 12). Еще более унылое место. Зимой снега заметали дома под самые крыши. На этот случай, как рассказывала мама, в домах делали выход на крышу, через который вылезали на свет Божий. Зато летом буйная растительность, лопухи такие, что под ними укрыться человеку можно было полностью.

А жизнь шла своим чередом, хоть и край света: проходили учительские конференции, под гармошку и барабанный бой чередой шли советские праздники, учителя веселились, как умели — устраивали пикники на природе и скучали, наверное, по дому (рис. 13—16).

Помню, показывая эти фотографии, мама напевала какую-то странную песенку, слова которой мне запомнились, ибо пророческими оказались:

*Синее море, красный пароход,
Сяду, поеду на Дальний Восток.
На Дальнем Востоке там пушки палят,
Солдатики убитые под кустиком лежат...
Мама будет плакать, слезы проливать,
А папа уедет на фронт воевать⁵.*

Так все и получилось. В Ардатове отца мобилизовали в первые дни войны...

Отец родом был из небольшого городка Ардатов (Орданьбуе — морд.) Мордовской республики, учился в Казанском институте сельского хозяйства и леса (рис. 17, 18). Позже в Казани и я закончил педагогический институт. Отец часто вспоминал профессора Мосолова, под руководством которого писал дипломную работу.

— Мы оба из мордвы, — с гордостью говорил он.

Это было не совсем так. Профессор Казанского института сельского хозяйства и леса, академик Василий Петрович Мосолов был мариец из села Мари-Турек. Но все равно — один финно-угорский этнос. Да и отец был мордвином наполовину. В Ардатове был его дом. В семье было много детей, и всем родители дали высшее образование. Я, к сожалению, не помню всю родню отца. Они жили в разных городах. Одна из сестер отца — тетя Женя была полевым нейрохирургом во время войны и награждена орденом Ленина. Ее боевой китель был увешен орденами и медалями. С ней у меня были дружеские отношения, тем более что она посылала мне как студенту каждый

⁵ Песня времен Русско-японской войны. Но пели ее в 1930-е и 1940-е гг.

месяц допаяк. До 1940 г. родители жили в Архангельске. А потом, в 1940 г., после крупного скандала, как я писал, отец уехал из Архангельска на родину. Он воевал до 1943 г. и вернулся израненный и контуженный. Тогда же семья воссоединилась. Но жизнь с больным человеком была большим испытанием и для матери, и для него, и для нас, детей.

Я помню теплушки с двухэтажными нарами, в которых мы добирались к отцу в Ардатов. Поезд бомбили. Все выскакивали из вагонов и скатывались с насыпи. Где-то рвались бомбы, крики, стоны, плачи. Я тоже плакал от страха. Мама потеряла мою маленькую сестренку Наташу, нашла, но мы едва не отстали от поезда. Это был долгий путь с частыми остановками. На станциях были санпропускники с вошебойками: белье прокаливали на камнях и горячее возвращали владельцам. Вообще тема вшей во время войны была очень актуальна. С ними боролись дома, в школе, на работе, стригли наголо, мазали какими-то вонючими мазями. Проверяли головы. А они все ползали и ползали...

Ардатов встретил нас голодной зимой 1943 г. Оладышки из мерзлой картошки были деликатесом. Много можно бы рассказать, как питались мы, пацаны, вне дома: ловили в реке раков, карасиков, жарили на палочке лягушек, сныть казалась нам сахарной травой, а еще ковыряли в отвесном берегу р. Алатырь синюю глину — она была жирной и вкусной и давала чувство сытости⁶.

Отец не мог работать, маму определили в Тургеневскую школу, за 4 километра от дома⁷. 8 километров каждый день! С тетрадами, книгами... Так прошел год. В 1944 г. (во время войны!) в Ардатове открывается педагогическое училище, и мама, наконец, получает нормальную работу. Здесь она спокойно трудится до ликвидации училища в 1956 г.

О шкатулке

На внутренней стороне крышки надпись шрифтом чернилами: «Привет от учеников IV класса» (рис. 19). Рядом, пером — дата: «1925 г. 14июня». 1925 год — маме было 17 лет. Впереди вся трудная, полная лишений, горя, стра-

⁶ Мария Ахметова, автор монографии «Конец света в отдельно взятой стране» (М., 2010) упоминает рассказ чукчей о Сладкой реке, по берегам которой находилась глина, «сладкая на вкус, жирная, можно там жить, питаться землей...» (С. 133).

⁷ Несмотря на все трудности жизни, мама проявила краеведческий интерес к истории села Тургенево. Да и отец, как местный и образованный житель помог воссоздать общую картину. Оказывается, наше соседнее села были помещьем прогрессивного помещика Ивана Петровича Тургенева, сыновья которого имели антикрепостническое мировоззрение. Один из них, Николай, был другом Пушкина — известный ученый-экономист, он задолго до отмены крепостного права освободил крестьян от барщины. После восстания декабристов был объявлен государственным преступником. Мама работала в тургеневской средней школе, построенной на месте усадьбы Николая Ивановича Тургенева.

даний жизнь... И все же мама была добрым, всепонимающим человеком. И талантливым учителем. Шкатулка из ее прошлого...

Березовый короб прямоугольной формы — $25 \times 11 \times 7$ см. Наклеен со всех сторон прорезными берестяными пластинами. Шкатулка, несомненно, является интереснейшим памятником северной резьбы по бересте. Очень жалею, что раньше не обратил на нее внимание.

Памятник шемогодскому промыслу. Несмотря на почти вековой возраст, сохранился отлично. О шемогодской резьбе в настоящее время написано много. Напомню, что центром производства был Великий Устюг и прилегающие к нему поселения (Курово-Наволоки, Шемогодское сельское поселение и еще 14 деревень) в составе Великоустюгского района Вологодской области, название которой происходит от реки Шемокса.

Основной орнаментальный мотив берестяной композиции — стебель «бегунок», от которого в разные стороны мягко расходятся более мелкие побеги, так называемые заветеньки (терминология Н. Федоровой-Дылевой⁸), увенчанные овальными листиками с тонкой просечкой — «пирожками». Есть нечто общее у этого памятника с вологодскими кружевами. Исследователи считают, что так же и с прорезными орнаментами по жести, резьбой по кости и дереву. Н. Федорова-Дылева считает, что орнаменталисты-женщины наследовали традиции вологодских кружевниц.

Крышка шкатулки — центральное, самое видное, важное место (рис. 20). Ее заполняет довольно сложный прорезной растительный орнамент по бересте. Основной сюжет — животворящее древо: две крупные ветви, исходящие из центральной точки верхней стороны прямоугольника, образуют как бы островерхий шатер, и затем, закругляясь, вихрясь, вместе с отходящими от них заветеньками, заполняют все пространство крышки. Декоративность, праздничность, красота... За счет светотеней создается впечатление объемности резного изображения. Сказочный цветущий сад! Парные широкие овальные листья с прорезными прожилками-«пирожками» на длинных черешках напоминают райских птиц с изящно изогнутыми шеями. Художник деликатно выявляет птичьи головки и ставит на них штрих-глазок. Птицы-листья органично вписываются в шатер-древо, создавая впечатление густой растительности, населенной веселой пернатой живностью. Внешние скаты шатра украшены изогнутыми побегами с широкими парными листьями. Внутри шатра побеги и листья образуют нечто похожее на орнитотериоморфный орнамент: сверху — летящая птица, ниже — птицы с широкими листьями-крыльями, соприкасаясь шеями, создают иллюзию грациозного танца. А по бокам — головки змей. Радует глаз это буйство жизни. И короткие заветеньки-отростки заканчиваются змеиными головками. Прямоуголь-

⁸ Федорова-Дылева Н. Великоустюжская художественная резьба на бересте // Советская этнография. 1946. №. 3. С.143—144.

ник с шатром окаймлен со всех сторон зубчатой неширокой каймой, за которой идет более широкая полоса с овальными листьями-кругляшами, заполненными мелкими «пирожками» (по классификации Н. Федоровой-Дылевой), напоминающими рябь на воде или стайки рыб. Вся берестяная картинка крышки справа и слева завершается стволиками берез.

Аналогичный орнамент покрывает стенки шкатулки (рис. 21 а — в). Он заполняет всю плоскость граней. В принципе это вариации орнамента с крышки шкатулки. Через все плоскости боковых поверхностей бежит главный волнистый побег — «бегунок» с отходящими от него короткими отростками (заветеньками) с овальными листочками. Резчик прорезает каждый листочек «пирожком», отчего весь орнамент обретает воздушность, легкость, ажурность... Так же, как и на крышке шкатулки, они создают иллюзию легкости, воздушности рисунка. Этот пышный растительный узор снова и снова рождает образы танцующих птиц. И трудно уже понять, что это — сказочный сад или птичий базар. Расправив крылья и распушив хвосты, сплетаясь шеями, они словно позируют, выставляя напоказ свою красоту. И мы любимся, восхищаемся искусством художника, открывающего нам красоту бересты, иссеченной умными руками мастера. Прошли десятилетия, и орнамент приобрел новое звучание в полутонах красок бересты и дерева.

Внизу идет полоса зубчатой геометрической резьбы.

Здесь нет как таковой симметрии: нет композиционного центра. Здесь волшебство! Здесь сказка, вскормленная традицией и фантазией мастера. Орнамент растекается вольно, как река, — плавные растительные побеги с ответвлениями вихрятся, кружатся, соприкасаются друг с другом, образуя сопряженные фигуры, волнующие воображение. Они здесь чувствуют себя вольно, свободно живя в этом берестяном пространстве.

Гибкие побеги сказочных птицерастений упруги, динамичны, декоративны. Торцевые стенки — словно фризы античных сцен. Все в них таинственно, архаично, объемно и празднично.

Есть и аналог нашему памятнику — берестяная шкатулка с выдвигаемым ящичком из Котласского краеведческого музея (рис. 22). Судя по орнаменту, технике резьбы, она изготовлена тем же мастером или из одной мастерской.

Рис.1. Я с няней Фаней. Архангельск. 1938 г.

Рис.2. Голубая тарелочка (норвежский фарфор). Теперь она в Медвежьегорском музее (МКМ-2075-11).

*Рис. 3. Мне три года.
Архангельск. Снимок сделан
незадолго до войны.*

*Рис. 4. Тетя Валя Потапова —
сестра мамы. Фотография 1912
г. (В Архангельске в это время
существовало Фотографическое
общество, созданное замечатель-
ным мастером фотодела А. А.
Поплавским. В это общество
входил и М. Т. Сорокин, в
фотоателье которого был сделан
снимок).*

*Рис. 5. Мама с дочкой
Женечкой.*

*Рис. 6. Тетя Каля — сестра
мамы. На обороте четким
каллиграфическим почерком:
«Милой моей птичке Жене! 27/II
28 г. г. Шенкурск».*

Рис. 7. Брат мамы. Фотография
8 августа 1915 г. Хабаровск.
Какое прекрасное, открытое
лицо! Так уничтожалась
интеллигенция...

Рис. 8. Мама — Ершова Евгения
Михайловна. 1929 г.

Рис. 9. Студентки ярославского пединститута, 1930 г. В первом ряду, в
центре — мама — Догадкина Евгения Михайловна. Красивая девушка...

Рис. 10. Выпуск 9-го класса средней школы г. Архангельска. За несколько дней до войны. Мама с преподавателями во втором ряду, в центре. 1941 г.

Рис. 11. Александровск, 1933г., общежитие для приехавших учителей. Мама — Ершова Е. М. — крайняя слева. Фото Ершова П. Ф. Фотография плохая, выцветшая, но все же дает представление о быте приехавших.

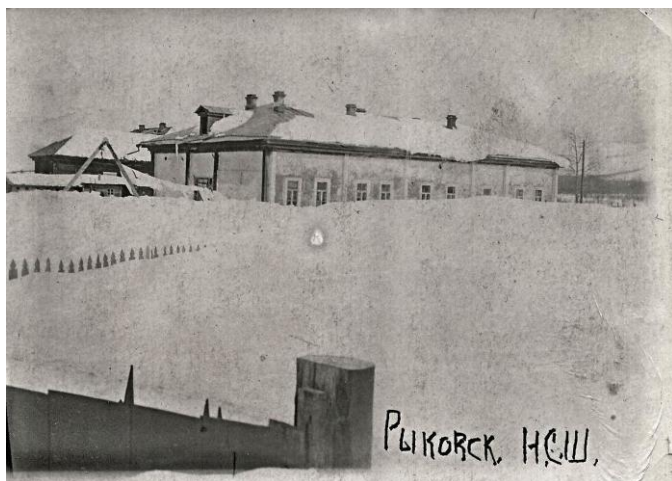

Рис. 12. Рыковская неполная средняя школа, 1933. Фото Ершова П. Ф.

Рис. 13. Учительская. Печка «голландка», общий учительский стол и обязательный колокольчик. Мама в центре. Фото Ершова П. Ф.

Рис. 14. Дружное учительское сообщество. Пикник с гитарой и балалайкой на реке Тым. Мама в центре, в белом, отец стоит справа в белом костюме. Фотография сделана 12 июня 1935 г. Фото Ершова П. Ф.

Рис. 15. Участники учительской конференции Рыковского куста, 1934 г. 12 апреля. Мама (единственная в очках) в круглой шапочке. Отец крайний слева. На обороте — фамилии всех участников конференции. Снег до самой крыши.

Рис. 16. Рыковск, 1935 г. Первомайский праздник. На трибуне — мама, Ершова Евгения Михайловна. Фото Ершова П. Ф.

Рис. 17. Ершов Петр Федорович, 1926 г. Студент Казанского института сельского хозяйства и леса.

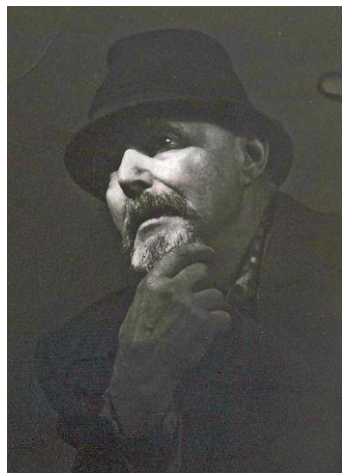

Рис. 18. Отец незадолго до смерти.

Рис. 19. Общий вид шкатулки.

Рис. 20. Орнамент на крышке шкатулки.

Рис. 21а, б, в. Орнамент на стенках шкатулки.

Рис. 22. Шкатулка-аналог (из фондов Котласского краеведческого музея)

В. А. Борисова

О технологии изготовления сетных орудий, бытовавших на территории Олонецкой губернии

Аннотация. Работа посвящена технологии изготовления сетных орудий лова рыбы, бытовавших на территории Олонецкой губернии в XIX—XX вв. В работе кратко описаны следующие процессы: способ вязания, кто занимался изготовлением, используемые материалы, инструмент, оснастка сетных орудий.

Настоящая работа ставит своей целью изучение изготовления рыболовных орудий населения Олонецкой губернии в XIX — начале XX в.

Тема рыболовства представляет интерес для этнографического исследования, поскольку в этом занятии отразилась специфика хозяйственной деятельности населения сельских районов Олонецкой губернии. О рыболовстве на внутренних водоемах Карелии писали путешественники¹ и исследователи, петрозаводские этнографы Р. Ф. Тароева, К. К. Логинов². Исторический очерк заонежского рыболовства представлен в статье И. В. Мельникова³.

Несмотря на то, что публикаций по данному вопросу немного, они дают полноценный материал для раскрытия темы рыболовного промысла на протяжении многих столетий.

Исследователей рыболовства чаще всего интересовало устройство орудий лова, их использование, процесс лова, сбыт рыбы, стоимость снарядов. Практически нет исследований по описанию технологии изготовления сетного полотна.

¹ *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989; *Пушкарев Н. Н.* Рыболовство на Онежском озере. СПб., 1900; *Майнов В. Н.* Поездка в Обонежье и Корелу, СПб., 1877; *Рыбников П. Н.* Заметка собирателя // Песни собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. Петрозаводск, 1989. С. 47—86.

² *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.; Л., 1965; *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 1993.

³ *Мельников И. В.* Рыболовный промысел в Заонежье (краткий исторический очерк) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 122—134.

Сетные рыболовные орудия крестьян Олонецкой губернии XIX—XX вв. были достаточно разнообразны. Это сети, мережи, невода, мерды. Они различались размерами, формой, конструкцией, материалом, но их объединяет одно — в основе ловушки — сеть.

Перейдем к рассмотрению технологии изготовления сетного полотна. И прежде всего остановимся на исследовании материала, из которого вязали сети.

В трудах по рыболовству авторы указывают, что сетные орудия изготовлялись из конопляной либо льняной пряжи. У Н. Н. Пушкарева читаем: «Ставные сети ялгубцев и кижан делаются в настоящее время из тонкой номерной льняной пряжи № 50, 60 и 70. Ценою по 40 руб. за пуд. Из пачки пряжи, т. е. 22 фунтов, выходит из № 50 — 35 сетей, а из № 70 — 40 и даже 45 сетей»⁴. П. Н. Рыбников в Памятной книжке Олонецкой губернии говорит об использовании пеньковой и льняной пряжи⁵.

Коноплю, лен и веревки для сетей жители чаще всего покупали в Санкт-Петербурге — так было дешевле.

По мнению автора, установленных сроков для изготовления снастей не было: вязали и в свободное от рыболовного промысла время, и на самом промысле. По наблюдениям К. К. Логинова, сезон изготовления рыбацких снастей и вязания сетного полотна начинался с Егория Зимнего (26 октября по ст. стилю), а заканчивался на Николу Зимнего (6 декабря по ст. стилю). Обрядовая сторона завершения работ включала угощение сетевязов, а хозяин сетевязные иглы и полочки привешивал к иконам на целый год⁶.

Памятуя о том, что крестьянская жизнь была полна трудностей и ежедневных забот о хлебе насущном, рыба становилась большим подспорьем в хозяйстве, а ее лов требовал наличия снастей. Так как снасти в процессе использования часто рвались, то и чинить рыболовные орудия было необходимо по мере их износа, не дожидаясь установленных сроков. Поэтому с большой вероятностью можно говорить о круглогодичном ремонте и изготовлении снастей.

В разных источниках сведения о том, кто занимался вязанием сетей, несколько различаются. По сведениям Н. Н. Пушкарева, на западном берегу Онежского озера (Рыбрека и Каскесручей) вязанием занимались исключительно подростки — мальчики и девочки, так как руки взрослых для подобной работы оказываются слишком грубыми⁷. По данным П. Н. Рыбникова, напротив, в Кижской волости изготовлением сетей занимались женщины и старики: «В старину, по рассказам его [Романова. — В. Б.], соберутся,

⁴ Пушкарев Н. Н. Указ. соч. С. 103.

⁵ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 г. Петрозаводск, 1866. С. 42.

⁶ Логинов К. К. О «трудовых праздниках» в Заонежье // Кижский вестник. № 4. Заонежье. Петрозаводск. 1994. С. 53—55.

⁷ Пушкарев Н. Н. Указ. соч. С. 83.

бывало, старики и бабы вязать сети, и тут сказители, а особенно Илья Елустафьевич, станут петь былины. Начнут они перед сумерками, а пропоют до глубокой ночи»⁸. На фотографиях часто можно увидеть женщин, занятых изготовлением снастей. Наличие разных данных позволяет сделать вывод о том, что строгих запретов на такие работы не было. Сети вязали все, кто владел этим ремеслом (рис. 1, 2).

Для того чтобы изготовить сетное полотно, помимо пряжи требовался определенный инструмент, а именно: сетевязка, полицы, челноки (рис. 3, 4). Все эти предметы крестьяне делали сами из дерева. Процесс вязания сетного полотна проходил следующим образом. Первый этап — это набор петель. Количество петель, необходимых для вязания полотна, высчитывалось математически, исходя из желаемых размеров сети. На небольшой отрезок шнура, связанного в кольцо, набирался первый ряд. На втором этапе последующие ряды вяжутся провязыванием петли в ячею предыдущего ряда. Узел, используемый в Заонежье, назывался двойным, это название и раскрывает главный принцип работы⁹. Узел завязывается в два приема. Первым приемом челноком дважды продевается в ячею предыдущего ряда (при вязании следующих рядов), далее он затягивается таким образом, чтобы оказался на ребре полицы. После чего завязывается второй узел поверх первого с помощью воздушной петли. Таким образом, полученный узел не смещается и не развязывается. Размер ячеи устанавливался шириной полицы (чем шире полица, тем крупнее ячея). Для наглядности прилагается схема узла (рис. 5).

На сеть или невод необходимо было изготовить большое количество веревок. Их вили на специальном станке. Веревку с нанизанными поплавками из бересты крепили к ячее верхнего ряда с помощью более тонкой веревки. При этом использовали мерную дощечку определенной длины, которая определялась в зависимости от размера ячеи, общего размера сети и в среднем составляла около 40 см. Дощечка для нижней тетивы имела большую длину, потому что верхний шнур натягивался по прямой при установке сети, а нижняя часть сети должна повторить рельеф дна, следовательно, ей требуется большая длина. Дощечкой отмеряли расстояние между узелками на тетиве. Узлами крепили сетное полотно, поплавок и тетиву между собой. Нижняя тетива фиксировалась аналогично верхней, но вместо поплавков крепили грузила. Ниже приведена схема насадки тетивы на сетное полотно (рис. 6).

Поплавки делались из природных материалов, по большей части это была березовая кора, ее резали на небольшие прямоугольники и опускали в кипяток. Береста скручивалась, получались полые трубочки, которые было

⁸ Рыбников П. Н. Заметка собирателя... С. 61.

⁹ Информация получена от жителя дер. Волкостров в ходе экспедиции в 2012 г.

удобно нанизывать на тетиву (рис. 7). В качестве поплавков применяли и деревянные дощечки овальной формы (рис. 8).

Грузила также делали с помощью бересты. Они различались по форме, размеру и весу. В разных районах бытовали разные грузила. В Пудожском грузилом служили небольшие камни, заключенные в берестяной «кошелек» сужающейся формы (рис. 9). Верхний край кошелек срезали полукругом и прошивали берестяной лентой. В Заонежье использовали грузила в виде колец с крестовинами (рис. 10). Это плоские камни в берестяной оплетке крестообразной формы. Оплетка натянута при помощи петель на тонкий черемуховый обруч. Также грузила можно было сделать из глины (рис. 11). Считалось, что глиняные грузила лучше, чем грузила-камни, так как легче по весу, издают меньше шума и не запутывают сеть.

Рыболовные снасти существовали разных размеров — от небольшой ивовой ловушки (мерды) до громадных сетей (например, неводов). Небольшие снасти мог сделать для нужд своей семьи один человек, пользуясь ветками и прутьями, либо изготовив пряжу для сетного полотна. Изготовление больших сетных снарядов требовало значительных денежных затрат, поэтому для вязания неводов объединялись в артели по 3–4 участника. Причем каждый вязал отдельную часть невода, которые затем сшивали¹⁰. Последующий улов делился на каждого, кто вносил свою долю.

Технология вязания, старинные навыки и умения забываются. В настоящее время рыбаки используют китайские покупные сети. Уходят старики, знавшие, как изготовить сетное полотно, где поставить снасти и наловить рыбы. В этой связи большое значение имеет непосредственное знакомство с крестьянскими рыболовными орудиями XIX — начала XX в., которые сегодня можно увидеть в качестве экспонатов в музеях.

Детальное описание орудий рыболовства, применяемых материалов, веревок, количества поплавков, веса грузил, размеров ячеи дают возможность пополнения знаний и сохранения исторических технологий, бытовавших в прошлом на территории Олонецкой губернии.

¹⁰ Бернштам Т. А. Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX — начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России: сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1972. Вып. XXVIII. С. 63—98. [Электронный ресурс]. URL: <http://histfishing.ru/biblio/rybprom/lajus-dl-lajus-yua-semgata-matushka.html> (дата обращения: 14.11.2022).

Рис. 1. Вязание сети. Русские. Начало XX в. Фото: Аким Курочкин (из открытых источников в сети интернет)

Рис. 2. Починка рыболовных сетей. Карелы. 1920-е гг. Фото: А .А. Беликов (из открытых источников в сети интернет).

Рис. 3. Сетевязка. Кизи, КП-4/19.

Рис. 4. Политы и челноки. Фото автора.

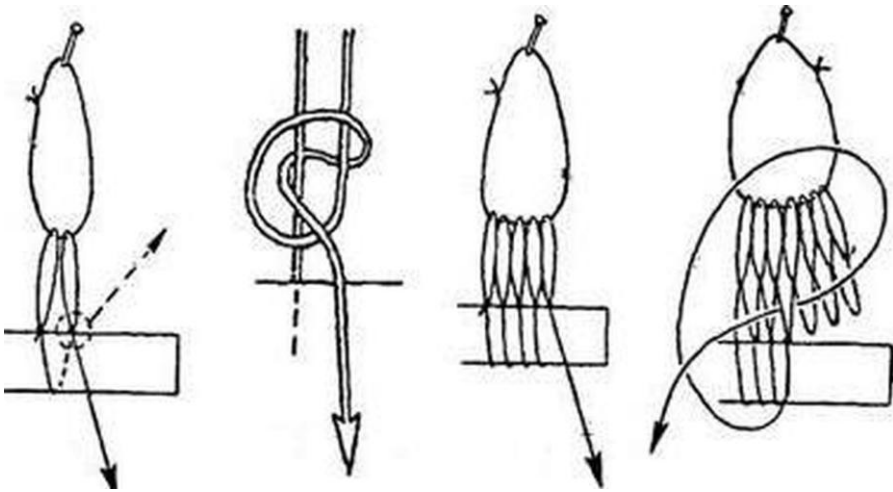

Рис. 5. Схема вязания сети. Рисунок из открытых источников в сети интернет.

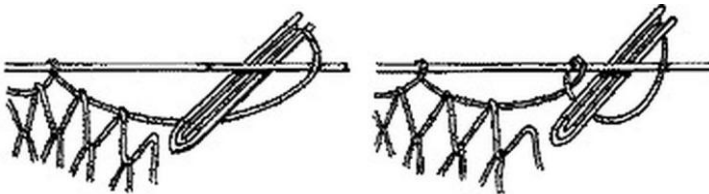

Рис. 6. Схема насадки сети на тятиву. Рисунок из открытых источников в сети интернет.

Рис. 7. Поплавок. Кижы, КП-261/106.

Рис. 8. Поплавок. Кижы, КП-6400.

Рис. 9. Грузило. Кижы, КП-201/78.

Рис. 10. Грузило. Кижы, КП-52/39.

Рис. 11. Грузило. Кизи, КП-221/63

Г. И. Фролова

Хроника ремонтно-реставрационных работ в церкви Покрова Богородицы на о. Кизи

Аннотация. В статье приводится обзор истории ремонтных и реставрационных работ, выполнявшихся на протяжении нескольких столетий (1693/4—2000 гг.) внутри зимней церкви Покрова Пресвятой Богородицы на о. Кизи. В качестве источников использованы церковные документы, схемы иконостасов, составленные по церковным описям 1826, 1865 гг., фотографии 1940—1950-х гг., отчеты о реставрационных работах 1950-х гг., записи, исследования и статьи специалистов по данной теме.

Зимняя церковь Спасо-Кижского погоста в плане — вытянутый прямоугольник, в котором последовательно с запада на восток расположены: сени, трапезная, кафоликон, пятигранный алтарь. Центральный объем образован «восьмериком на четверике». Он завершается восьмискатной крышей с девятью главками на маленьких, рубленых «в лапу», восьмериках. Сруб алтарной части перекрыт крышей в форме «бочки» с алтарной главкой, а сени и трапезная — безвоздевой двускатной кровлей. С запада к основному объему примыкает высокое, просторное, односходное крыльцо на столбах, с двускатной асимметричной крышей.

На протяжении своей истории церковь неоднократно перестраивалась и ремонтировалась, меняя внешний облик и внутреннее убранство. По Писцовой книге 1628/29 г. в древнем кижском храме Покрова Пресвятой Богородицы церковное имущество состояло из скромного трехрядного тяблового иконостаса, включавшего праздничный, деисусный и местный ряды, двух поставных восковых свечей и деревянных сосудов в алтаре¹.

В конце XVII в. (1693/94 г.) церковь сгорела от удара молнии. Но уже около 1695/96 г. она была отстроена вновь². Согласно архивным документам, храм начал функционировать с придела в трапезной, который был освящен

¹ Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI—XVII вв. как исторический источник по истории деревянного зодчества // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 71—72.

² Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694—1945 гг.) / авт.-сост. В. А. Гущина, Б. А. Гущин. Петрозаводск, 2013. С. 11.

во имя святителя Николая Чудотворца. Натурное обследование, выполненное архитектором А. Т. Яскеляйненем, позволило ему выдвинуть положение о трех строительных периодах церкви³. Первый период строительства «клетского» храма представлен на чертеже, выполненном А. Т. Яскеляйненем.

Никольский придел размещался в трапезной, а его алтарь располагался в юго-западном углу кафоликона, примыкал к южной стене — отсюда и наименование «южный» (рис. 1). Алтарь придела, расположенный в молитвенном помещении, по мнению специалиста, является для Карелии исключительным явлением⁴. Его реконструкция произведена А. Т. Яскеляйненем на основе хорошо сохранившихся врубок в стенах и на полу кафоликона и трапезной. Место Царских врат в иконостасе (в стене сохранился стояк) и престола (в полу в прямоугольных углублениях остатки от врезавшихся в пол 4 ножек престола), следы от клиросов легко прослеживаются по имеющимся остаткам Никольского придела в храме.

Придел занимал пространство в длину 1 сажень $2\frac{1}{4}$ аршина и в ширину 1 сажень $2\frac{1}{2}$ аршина. Между Никольским приделом и церковью Покрова Пресвятой Богородицы находилась капитальная стена длиной 4 сажени $1\frac{1}{2}$ аршина⁵. В трапезной размещалась довольно большая печь и два клироса. Перед левым клиросом находился стол для сбора денег. Священники сетовали, что для молящегося народа остается очень мало места в кафоликоне и алтарное помещение придела, расположенное в покровской части храма, тесное⁶.

Основываясь на результатах дендрохронологического анализа бревен Покровской церкви, А. Т. Яскеляйнен определил второй строительный период 1710—1720-ми гг., полагая, что строительство зимнего храма возобновилось после возведения летней Преображенской церкви. Третий строительный период по его данным — 1740-е гг., с полной переборкой церкви в 1750—1751 гг. Он основан на датировке бревен с 1740 по 1749 гг.⁷ Также это в значительной мере подтверждается церковным документом, в котором храм датируется 1756 г.⁸ Но этот год выявлен нами только в одном архивном деле, в остальных датировка церкви — 1764 г. Возможно, как и предполагает архитектор, было переосвящение храма в 1764 г., по каким-либо причинам, пока неизвестным.

Согласно церковным документам, 1764 г. был датировкой Покровской церкви до выявления архивного источника 1693/4 г.

³ Яскеляйнен А. Т. Новый взгляд на историю церкви Покрова Богородицы Кижского погоста // Народное зодчество. Межвузовский сб. Петрозаводск, 1999. С. 123—138.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же. С. 128—138.

⁶ НА МЗК, КП-3168, л. 6 (материалы Л. Петтерссона).

⁷ Яскеляйнен А. Т. Новый взгляд... С. 135—137.

⁸ НА РК. Ф. 25, оп. 15, д. 73/1568, л. 18.

Ремонтные работы на церкви и в ее интерьере производились регулярно и в дальнейшем. Так, например, в ведомости от 1802 г. записано: «Вторая особо состоящая церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы с теплым приделом во имя святителя Николая Чудотворца деревянная *новая*. Утварь и благолепие в ней посредственно»⁹. Опять новая? Спустя 20 лет, в 1822—1823 гг., «постройка чинена по предписанию духовного правления последовавшего... за № 126-м». «Поряд» включал перекрытие кровель придела и трапезной по потокам. Из внутренних работ указана починка церковной печи¹⁰. Здесь же отметим, что в 1875 г. крыши перекрыли новым тесом, причем перекрывали кровлю со скалой, в количестве 50 штук¹¹, затем вновь ремонтировали в 1892 г.¹²

Из описи 1865 г., а также из приходо-расходных книг известно, что в церкви произвели крупный ремонт, изменивший ее интерьер. Удалили Никольский придел «за теснотою»¹³, увеличив пространство трапезной и кафоликона. Произвели «переделку окон», употребив 50 листов стекла, стены церкви обили шпалерами и панелями, выполнили «кладку печи»¹⁴. Преобразования коснулись также иконостаса в собственно церковном помещении.

Новый иконостас был исполнен крестьянином дер. Клементьевской Сеногубского прихода резчиком Иваном Дмитриевым Грешниковым, который подрядился на «работу в Покровскую церковь иконостаса, ценою в 120 руб. сер.»¹⁵. Помимо иконостаса И. Д. Грешников выполнил обивку стен шпалерами и покраску стен снаружи¹⁶.

В описи 1865 г., составленной по окончании ремонта, иконы в верхних рядах иконостаса перечисляются стоящими в тяблах, Царские же ворота и сень резные позолоченные¹⁷. В предыдущих описях 1826/1827 и 1829/1830 гг. Царские ворота обозначены как «гладкие в середине коих образа Благовещения Пресвятыя Богородицы и четыре евангелиста... Подле них по обеим сторонам столбики гладкие на коих образ Спасителейъ и Богоматери со святители». Сень также «гладкая, на ней изображен Агнец Божий а по сторонам

⁹ НА РК. Ф. 25, оп. 15, д. 97/2079, л. 14.

¹⁰ НА РК. Ф. 699, оп. 1, д. ¼, л. 28 об., 35—36.

¹¹ НА РК. Ф. 25, оп. 20, д. 66/746, л. 25 об.

¹² Документы и материалы... 2013. С. 90, 97.

¹³ НА РК. Ф. 25, оп. 15, д. 73/1568, л. 18. В сведениях от 1863 г. о кижских церквях записано: «По числу прихожан избытка церковей равно как и недостатка в оных нет, кроме того, что Церковь Покровская и Предел в оной малы и для народа довольно тесны. Для устранения этого неудобства необходимо означенный Никольский придел упразднить и тогда церковь будет пространнее».

¹⁴ НА РК. Ф. 699, оп. 1, д. 1/5, л. 12—13 об.

¹⁵ Там же. Л. 12—14.

¹⁶ НА РК. Ф. 699, оп. 1, д. 2/8, л. 45.

¹⁷ Там же. Л. 5, между 5—6.

Тайная вечеря», и «все оное написано на красках»¹⁸. Описание этих Царских врат подобно содержанию Царских врат, установленных в Покровской церкви при музеефикации храма и восстановлении иконостаса в 1950-е гг. Аналогично в описях первой трети XVIII в. зафиксированы и Царские врата в Никольском приделе, но без навершия (сени) над ними¹⁹.

Благочинный округа на тот период священник Стефан Ржановский сообщал, что «в Покровской церкви и в пределе теплой трапезы иконостасы простые и не во многих местах столярной работы, крашенные и несколько позолоченные»²⁰.

Незадолго до капитального ремонта в Покровской церкви, а именно в 1861 г., было выполнено обследование храма. В отчете указывалось о необходимости удаления придела, констатировалось, что покровский алтарный престол «немного накренился, и что его верхняя доска треснула», церковные стены «следовало бы обить пилеными досками», окна «для этой церкви слишком малы и все требуют ремонта»²¹. Забегая вперед отметим, что в 1875 г. приход заключил договор с Савелием Васильевым Кочановым из дер. Великая Нива на выполнение большого объема внешних работ на церкви, из внутренних дел нужно было покрыть престол новыми пилеными досками²². В этом же году все намеченные работы были «произведены прочно и добросовестно»²³.

В период ремонтных работ, в 1865 г., православный иконописец крестьянин дер. Огорельши (бывший скит Выговского староверческого общежительства) Повенецкого уезда Василий Алексеев Потапов поновил часть икон, вошедших в иконостас. За поправку икон он получил 30 рублей серебром²⁴. Масляная живопись этого мастера хорошо видна на иконах из праздничного ряда (реставратором Н. Перцевым оставлены записи в местах утрат авторской живописи). После демонтажа придела иконы из него были установлены в иконостасе церкви. Те иконы, которые не вошли в него, были перемещены в алтарь. В церковных описях они перечислены как в иконостасе, так и в алтаре²⁵.

Сведения из церковных документов не позволяют полностью определиться с конструкцией иконостаса, выполненного мастером И. Грешниковым. Нельзя исключать, что в верхних рядах появились резные детали, но

¹⁸ НА РК. Ф. 25, оп. 15, д. 129/2449, л. 9 об. Этот же текст продублирован в описи 1831 г. (НА РК. Ф. 699, оп. 1, д. 1/5).

¹⁹ Там же. Л. 12 об.

²⁰ Документы и материалы... 2013. С. 34.

²¹ НА МЗК. Ф. 1, оп. 3, д. 2738, л. 20 (л. 14 ориг.) (Материалы из фонда Л. Петтерссона (Кижский погост). Сметы, счета с 1813 г., л. 6 (л. 5 ориг)).

²² Там же. Л. 16. (л. 11 ориг.).

²³ Документы и материалы... 2013. С. 90.

²⁴ НА РК. Ф. 699, оп. 1, д. 1/5, л. 12—13.

²⁵ НА РК. Ф. 699, оп. 1, д. 1/5.

иконы в рядах описаны по традиции «в тяблах». Создание И. Д. Грешниковым столярного иконостаса с элементами резьбы обошлось приходу в 120 руб. Это самая низкая цена из всех выявленных иконостасных работ в XIX столетии на территории Олонецкой губернии²⁶, в то время как средняя стоимость по тем временам была в пять раз выше²⁷. Это наводит на мысль, что иконостас позднее еще раз подвергался переделке. В церковной ведомости за 1884—1885 гг. есть запись о том, что в Покровской церкви иконостас от стены отошел, следовательно — «необходимо оный разобрать и исправить». Кроме того, «в той же церкви пол один и чрез оный проникает сильный холод, нужно настлать другой пол и сделать смазку», стены внутри церкви требуется обшить тесом и окрасить». Ремонт, согласно ходатайству местного причта и старосты, разрешено произвести с употреблением на это... суммы 300 руб. консисторией от 8 июля сего 1885 г.²⁸

В конце XIX столетия кижане вновь собирали средства на ремонтные работы покровского иконостаса (золочение ?)²⁹. Из материалов 1940-х гг. финского исследователя Л. Петтерссона известно, что в 1901—1902 гг. мастер-позолотчик Александр Степанов Ильин, ростовский мещанин Ярославской губернии, с артелью ремонтировал иконостас и реставрировал иконы «в чисто греческом стиле» в кижской Преображенской церкви³⁰. Это же имя выявлено на двух иконах из кижского зимнего храма Покрова Пресвятой Богородицы³¹. На обороте иконы «Спас в силах» читается карандашная полустершаяся надпись об отправке А. С. Ильину иконы. На этой же иконе сохранилась наклейка (накладная квитанция), которая содержит текст о том, что мастер отправил из Петербурга иконы в Кижы — в церковь Спаса³². Другая икона с частично сохранившейся наклейкой с тем же содержанием — «Иоанн Предтеча» из деисусного чина. Лик Иоанна на иконе написан в ином стиле. Исходя из имевшихся наклеек и изменения внешнего вида иконы «Иоанн Предтеча», можно сделать вывод о довольно длительных связях кижского причта с А. С. Ильиным, который, будучи ростовским мещанином, проживал, как выясняется из квитанций, в г. Петербурге на

²⁶ Фролова Г. И. Иконостасные мастера Обонежья XVIII — начала XX века // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 167—179.

²⁷ Там же. С. 186.

²⁸ Документы и материалы... 2013. С. 92. Цитата из материалов В. А. Рунова (НА РК б/н. л. 151).

²⁹ Там же. С. 94. В ведомости за 1888 г. указано пожертвование на позолоту иконостаса в Покровской церкви в июне — августе 130 руб., в октябре 45 руб. (НА РК. Ф. 25, оп. 20, д. 69/803).

³⁰ НА МЗК. Ф. 1, оп. 3, д. 2738, л. 8—13, 19—20.

³¹ Древняя живопись Карелии. Фонды музея «Кижы». Каталог / авт.-сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. С. 8. Текст на обороте иконы: «Накладная // в Кижы // в церковь // Спаса // икона в... // ковь Спаса // Причту и Старосте // Податель Алек // сандрь Ильинь // Пит...рбург // Кав... // улица д № 2—20 // И 76».

³² Текст «в Кижы в церковь Спаса» означает место доставки по главной церкви, т. е. адрес — Спасо-Кижский приход.

Кавалерградской улице, 20 и часть кижских икон поновлял в Петербурге. В церковной ведомости за 1906 г. записано, что иконы в покровском иконостасе и в храме исправлены в 1903 г. на средства прихожан, что соответствует обозначенным связям кижан с А. С. Ильиным, поновлявшим как преображенские, так и покровские иконы.

Из этого же документа известно, что в 1903 г. был завершен очередной ремонт в зимней церкви: «полы исправлены, стены и потолки оштукатурены» (до этого были «шпалеры». — Г. Ф.), «иконостас и прочие киоты в церкви исправлены», в алтаре устроена изразцовая печь, а в церкви сделаны две железные печи («голландки». — Г. Ф.), на что употреблено 718 руб. 49 коп., пожертвованных благотворителями³³. Если фрагмент документа от 8 июля 1885 г. об употреблении на ремонт суммы 300 руб. выделен консисторией и верно процитирован, то в сложении выходит так: $300 + 718, 49 = 1018$ руб. 49 коп. Это вполне серьезная сумма для выполнения указанных работ.

Источники конца XIX — начала XX в. позволяют считать, что иконостас был вновь изменен в начале XX в.

Этот вариант иконостаса запечатлен на фотографиях 1940—1950-х гг. Восточная часть кафоликона к тому времени претерпела значительные изменения. Иконостас в нижней части приобрел монументальный вид. Каждая икона местного ряда и алтарные врата были оформлены в рамы с каннелированными колоннами под мрамор и мощным золоченым архитравом. Во втором, праздничном ряду иконы разделялись пилястрами, в третьем — скромными планками. В навершии Царских врат появилось характерное для подобных форм иконостаса резное сияние, вокруг круглой иконки с благословляющим Саваофом. Такие иконостасные формы в XIX в. обычно делались по архитектурным проектам, утверждавшимся в Епархиальном управлении.

В эти же годы солея получила ограждение в виде преграды из точеных балясин. По всей вероятности, это ограждение было выполнено Егором Устиновым Трусовым из дер. Косельга, с которым был заключен договор на ремонтные работы в церковных зданиях погоста. По договору от 5 августа 1902 г. Е. Трусов должен был удалить кровлю с куполов Покровской церкви «и установить в ней /вокруг нее/ решетчатую ограду»³⁴. В этом отрывке

³³ Документы и материалы... 2013. С. 106. Заметим, что печи в храме регулярно ремонтировали и перекладывали.

³⁴ Там же. С. 105. Прочитируем текст договора, переписанный Л. Петтерссоном в переводе С. Кочнева:

«1902 5/8. Договор.

1. Егор /Устинов / Трусов/ из деревни Косельга Великогубского района обязуется удалить наружную кровлю с церкви Покров Богородицы, а именно с ее куполов, и установить в ней /вокруг нее/ решетчатую ограду. /В церкви/.

2. Отремонтировать два церковных дома для двоих чтецов псалмов. Отремонтировать 7 окон в доме Любошина, а также разобрать и поновить сарай и покрыть весь дом новой кровлей /кроме

заметна сложность прочтения, которая объясняется двойным переводом источника: первоначально Л. Петтерссоном с русского на финский, затем С. Кочневым обратно на русский язык. Отсюда осторожность перевода на русский язык С. Кочневым информации по исполнению «ограды» в церкви. В этом фрагменте текста можно подразумевать сооружение ограды вокруг церкви (?) или по периметру кровли восьмерика (?), но сумма, которая назначена за все работы (55 руб.), мала с учетом других дел. В эту цену в договоре, помимо двух церковных работ, включены строительные и ремонтные работы в двух домах прихода. Они включали разборку и поновление сарая, покрытие новой кровлей одного дома, ремонт 7 окон, строительство хлева и ремонт полов и кровли в другом доме³⁵. Естественно предположить, что преграда из балясин у солеи появилась в церкви по завершении работ с иконостасом. После выполнения всех работ в кафоликоне Покровской церкви открытым остался только амвон.

Ордерный иконостас с тремя рядами икон (местный, праздничный и деисусный) просуществовал всю первую половину XX столетия.

Во время Второй мировой войны Заонежье было оккупировано финскими войсками. Иконы из кижских церквей в 1943 г., наряду с другими иконами из заонежских храмов, были вывезены в Финляндию. Содержание покровского иконостаса в 1943 г. можно представить по схемам, составленным финским исследователем Л. Петтерссоном, который перед изъятием икон составлял схемы их расположения и ставил номера на тыльных сторонах икон.

В деисусном, верхнем ряду указаны следующие иконы³⁶:

Пророк Аввакум Вселенский собор	Василий Великий	Евангелист Марк	Евангелист Лука	Иоанн Златоуст	Архангел Михаил	Богоматерь	Пантократор	Иоанн Предтеча	Архангел Гавриил	?	Апостол Матфей	Григорий Богослов	?	Апостол Петр	Пророк Софония Неделя о самарянинах
------------------------------------	-----------------	-----------------	-----------------	----------------	-----------------	------------	-------------	----------------	------------------	---	----------------	-------------------	---	--------------	--

сений/, сделать перегородку /промежуточную стену/, построить хлев, сделать пол в избе и пол в сарае. В доме Нахвального он сделает новый пол и новый свес кровли с одной стороны и покроет вновь одну сторону дома. Вся эту работу он обязуется выполнить за 55 рублей» (НА МЗК. Ф. 1, оп. 3, д. 2738, л. 20 (л. 14 ориг.). Материалы из фонда Л. Петтерссона (Кижский погост). Сметы, счета с 1813 г.).

³⁵ Там же. Л. 20 (л. 14 ориг.).

³⁶ Здесь и далее ячейки без шифра обозначены мной вопросительным знаком. Если икона известна из других источников, она указана в схеме после вопросительного знака.

Во втором праздничном ряду указаны следующие иконы:

Рождество Богоматери	Введение во храм	Благовещение	Рождество Христово	Сошествие во ад	??	Навершие Царских врат	??	Крещение	Вход в Иерусалим	Воздвижение Креста	Успение	Сретение
----------------------	------------------	--------------	--------------------	-----------------	----	-----------------------	----	----------	------------------	--------------------	---------	----------

В нижнем ряду отмечены следующие иконы:

?	Новозаветная Троица	Лев. диакон. Дверь Стефан	? Богоматерь (на месте)	Створка Царских врат	Створка Царских врат	Вседержитель (на месте)	Прав. диакон. Дверь Евпл	Покров	Никола Чудотворец
---	---------------------	---------------------------	-------------------------	----------------------	----------------------	-------------------------	--------------------------	--------	-------------------

Таким образом, в 1943 г. верхние ряды трехъярусного иконостаса составили 12 деисусных и 10 праздничных икон. Они в купе с проческими иконами (указаны Л. Петтерссоном в алтаре) составляют единый иконостасный комплекс. Об этом будет сказано ниже. В местном ряду, согласно схеме и иллюстрации Л. Петтерссона, с правой стороны Царских врат были следующие иконы: «Вседержитель» (не отмечен), алтарная дверь «Архидиакон Евпл», «Покров», в завороте на южной стене «Никола Чудотворец», с левой стороны: «Богоматерь «Тихвинская»» (не отмечена), алтарная дверь «Архидиакон Стефан», «Новозаветная Троица», в завороте на северной стене «Филипп Московский — Зосима и Савватий Соловецкие» (не отмечен). Эти же иконы перечислены в церковных описях, первоначально в местном ряду Никольского придела, затем в покровском иконостасе.

В 1944 г. по мирному договору большинство икон возвратили в Советскую Карелию в г. Петрозаводск, а затем переправили на о. Кижы. По месту хранения за ними закрепилось название «кижской коллекции», среди них были и неопознанные на тот момент покровские иконы. Фотографии, выполненные финнами, позволяют представить иконостас до изъятия из него икон и после их вывоза в Финляндию (рис. 2, 3).

Сравнение двух фотографий (рис. 2, 3) показывает, что некоторые иконы оставались в храме. В Покровской церкви в праздничном ряду были оставлены две поздние иконы «Вознесение Господне» и «Троица Новозаветная». В местном ряду также оставлены иконы позднего письма, произведена замена икон «Николай Чудотворец с житием» и «Покров Богородицы» на не имеющие художественной ценности иконы. При этом в местном ряду на своем месте осталась икона Богоматери «Одигитрия (Тихвинская)». Она присут-

ствуется на обеих фотографиях. В опубликованных материалах Л. Петтерссона неоднократно указывается, что при отборе икон для вывоза в Финляндию не имеющие художественной ценности иконы оставались в храмах³⁷. Богородичная икона была под записью и под накладным убранством, возможно, поэтому не смогли определить ее значимость. Реставрация иконы позволила В. Г. Платонову атрибутировать ее как имеющую непосредственное родство с иконами из Никольского придела³⁸. Не менее интересна история второй, оставшейся в России, иконы «Спас Всемилостивый», которая почиталась кижскими жителями как чудотворная. Икона написана в последней трети XVI в. Местная легенда соотносит образ с конкретной кижской историей — избавлением от нашествия врагов в лице польско-литовских отрядов, бесчинствовавших в Заонежье. В силу значимости иконы с нее был сделан список в начале XIX в., который оформлен в серебряную под червонным золотом ризу 84 пробы весом 13 фунтов. По описям 1830 и 1867 гг. список с иконы XVI столетия был установлен в богато оформленном киоте на солее в Преображенской церкви³⁹. По документам XIX в. подлинная икона «Спас Всемилостивый» в серебряной ризе весом 7 фунтов находилась в Покровской церкви. В описях 1826 и 1830 гг. образ указан у клироса в Никольском приделе⁴⁰. В 1865 г., после удаления придела, его установили справа от Царских врат в покровском иконостасе⁴¹. С 1943 г. местонахождение иконы не прослеживается до 1970-х гг.

Согласно сведениям финского исследователя Л. Петтерссона, чудотворная икона была вывезена при финнах сторожем Н. Г. Маньшиным в церковь Великой Губе, где ее положили на аналой⁴². Между тем в Финляндию была вывезена копия, которая по возвращении в Карелию поступила в МИИ РК. На обороте иконы проставлен финский № 4/155, который является шифром преображенских икон. А подлинник был обнаружен на чердаке Покровской церкви в 1973 г. Надпись на обороте этой иконы, выполненная в 1943 г. финнами, также указывает на ее принадлежность зимнему кижскому храму. Шифр на иконе отсутствует, следовательно, она не вывозилась в Финляндию.

³⁷ Петтерссон Л. Церкви и часовни Заонежья. Неопубликованные материалы и полевые записи. Кижская волость. Петрозаводск, 2020. С. 41.

³⁸ Платонов В. Г. Вновь открытая икона «Богоматерь Тихвинская» из Покровской церкви Кижского погоста в собрании Музея изобразительных искусств Республики Карелия // Кижский вестник. Петрозаводск, 2016. Вып. 16. С. 237—248.

³⁹ НА РК. Ф. 25, оп. 12, д. 32/2, л. 11.

⁴⁰ НА РК. Ф. 25, оп. 15, д. 129/2449, л. 14 об., 28а; Ф. 699, оп. 1, д. 1/5. Согласно описям 1826 и 1830 гг., образ стоял у клироса в Никольском приделе Покровской церкви.

⁴¹ НА РК. Ф. 25, оп. 12, д. 32/2, л. 9.

⁴² Петтерссон Л. Церкви и часовни Заонежья... С. 36, 38. На с. 36 есть запись о том, что икона вывезена в окладе. На с. 38: «...В марте 1943 г. Никита Маньшин перевез икону в церковь в Великой Губе, где она в настоящее время (15.6.43) и находится. На аналое, рядом с клиросом».

Вероятно Н. Г. Маньшину удалось спасти ценный образ, подменив подлинник на список.

С 1943 по 1952 г. церковь была закрыта. В 1950-е гг. она реставрировалась по проекту архитектора А. В. Ополовникова. Интерьер претерпел значительные изменения. Сегодня в зимнем храме Покрова Пресвятой Богородицы четырехрядный тябловый иконостас. Он реконструирован архитектором в 50-е гг. XX столетия на основе схемы иконостаса, разработанной в 1948 г. реставратором В. Г. Брюсовой (Светличной)⁴³. Первоначально предполагалась реконструкция трехрядного тяблового иконостаса (по аналогии с имевшимся в церкви на тот период трехъярусным ордерным иконостасом). Но, так как в «кижской коллекции» был выявлен комплекс икон, состоящий из праздничных, деисусных и пророческих икон, то восстановили четырехрядный тябловый иконостас⁴⁴.

Долгое время исследователи пытались выяснить принадлежность икон конкретному храму, считая, что они происходили из иконостаса большего размера⁴⁵. В дальнейшем выяснилось, что Божьим промыслом и стараниями

⁴³ *Светличная В. Г.* Список произведений живописи Древней Карелии, составленный Светличной В. Г. в 1948 г., и схемы иконостасов Преображенской и Покровской церквей. М., 1948 (Машинописный текст, хранился в научной библиотеке музея «Кижи» под шифром НРФ-34).

⁴⁴ Научный архив музея «Кижи». Ф. 1, оп. 3, д. 2372 (*Ополовников А. В.* Отчет о реставрации памятников деревянного зодчества — Преображенской и Покровской церквей и колокольни на Кижском погосте. М.; Петрозаводск, 1957).

⁴⁵ *Брюсова В. Г.* По Олонейской земле. М., 1957. С. 28—37; *Смирнова Э. С.* По берегам Онежского озера. Л., 1969. С. 45; Древняя живопись Карелии... С. 7. Все исследователи исходили из одной посылки: большого количества сохранившихся левосторонних икон. При этом никто не обратил внимание на состав святых и размещение их изображений в соответствии с канонем в деисусном и пророческом рядах иконостаса. В этом комплексе в деисусном ряду три евангелиста — Марк, Иоанн и Лука — изображены в предстоянии, направленном вправо, т. е. иконы с их изображением левосторонние в данном ряду. Икона с изображением евангелиста Матфея — правосторонняя. Также левосторонними исполнены иконы святителей: Иоанна Златоустого, Григория Богослова, Василия Великого. Хотя традиционно и евангелисты, и святители размещаются парами. Например: Иоанн Златоуст и Василий Великий, напротив Григорий Богослов и святитель Николай Мирликийский. Это означает смещение всего иконостаса влево. В пророческом ряду за иконой Богоматери «Знамение» (центральной иконой ряда!) всего лишь две правосторонних иконы, в то же время, как и в деисусном ряду, основные изображения пророков написаны для левой стороны. Такое размещение соответствует расположению иконостаса в приделе, где алтарь и соответственно ему иконостас имеют смещение в какую-либо боковую сторону. В нашем случае это означает расположение алтаря в юго-восточной части храма. Как указывалось выше, следы престола сохранились в кафоликоне Покровской церкви, в трапезной — следы от клиросов и остаток стены. Известно, что центральная вертикальная ось иконостаса, которая включает Царские врата, икону Спасителя, образ Богоматери, расположена перпендикулярно престолу. Если выстраиваем напротив престола поярусно Царские врата, иконы «Спас в силах» и «Богоматерь «Знамение», то все имеющиеся иконы, включая праздничный ряд, полностью размещаются вдоль восточной стены трапезной кижской зимней церкви. Это, в свою очередь, согласуется с наличием в Покровской церкви с 1695 по 1865 гг. придела во имя Николая Чудотворца в трапезной церкви. Таким образом, дело не в количестве сохранившихся икон, а в

В. Г. Брюсовой иконостас был составлен из икон (за исключением нескольких), находившихся в церкви на протяжении всей известной нам истории храма. В 1980-е гг. финский исследователь Л. Петтерссон, принимавший непосредственное участие в вывозе заонежских икон в Финляндию в годы Второй мировой войны, подарил музею «Кижь» копию своего архива. Перед вывозом икон из храмов Л. Петтерссон ставил на них цифровые метки. Первая цифра означала шифр храма (у Покровской церкви это — 3), вторая, поставленная через дробь, означала место иконы, которое заносилось на схему расположения икон в храме. Из материалов архива выяснилось, что иконы происходят из кижской церкви Покрова Богородицы. По схеме Л. Петтерссона в первой половине XX в. большая часть икон была в иконостасе, остальные в алтаре⁴⁶. Прочитанная позднее дата и надпись на оборотах пророческих икон подтвердила их принадлежность данному храму, иконы изначально были написаны для придельского иконостаса не позднее 1697 г. На оборотах икон сохранились надписи: «южна» — у образа Богоматери «Знамение», «ю<ж>наго» — на иконах «Пророк Самуил» и «Пророк Захария», свидетельствующие о принадлежности икон южному приделу. Кроме того, на иконе «Пророк Соломон» в одну строку расположена надпись (рис. 4): «ю<ж>наго» («ж» — выносная) и дата «се го<д>» («се» — под титлой, «д» — выносная), «се год» в цифровом обозначении читается как «205» и соответствует году 7205, т. е. в переводе на современное летоисчисление — 1697 г.

Эта дата и слово «южнаго» на трех иконах позволяют утверждать, что в том году иконы уже стояли в южном приделе, которым в Покровской церкви являлся Никольский. Стилистически иконы пророческого, десусного и праздничного рядов составляют единый иконостасный комплекс. Совокупность всех этих данных позволила определить принадлежность икон не только Покровской церкви, но и то, что они первоначально входили в состав иконостаса Никольского придела этой церкви, и уточнить время их появления в храме⁴⁷. Схема размещения трех верхних рядов иконостаса Никольского придела приводится на рис. 5.

В проект восстановления иконостаса в Покровской церкви, составленный В. Г. Брюсовой в 1948 г., вошла большая часть икон из Никольского придела (рис. 6). Местный ряд, по предложенному В. Г. Брюсовой проекту, включал четыре иконы, двое алтарных врат и Царские врата. Предлагались те иконы, которые были в последнем иконостасе: «Отечество», «Тихвинская Богоматерь», «Покров» и «Вседержитель», который в схеме обозначен как «Спас (на

направлении изображенных на них святых к центральному образу. То, что эти иконы были в придельском иконостасе, подтверждается и надписями на иконах пророческого ряда.

⁴⁶ Музей-заповедник «Кижь», КП-3171/245 (материалы Л. Петтерссона).

⁴⁷ Фролова Г. И. Из истории внутреннего убранства кижской Покровской церкви. Никольский иконостас // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 173—183.

месте)», т. е. в иконостасе, а также алтарные врата с изображением архидьяконов Стефана и Евпла. Царские врата предлагалось разместить в двух рядах: местном и праздничном.

Деисусный и пророческий ряды по схеме В. Г. Брюсовой были с пустотами, в деисусном чине не хватало двух икон, в пророческом — трех⁴⁸, в праздничном ряду также не хватало трех икон нужной тематики. Две из них — «Сретение» и «Сошествие во ад» — позднее были выявлены в МИИ РК. Третья икона — «Рождество Христово» — обнаружена в 2006 г. в собрании патриарха Алексия в период экспонирования кижской коллекции в храме Христа Спасителя в г. Москве.

На рисунке, выполненном в 1988 г. с «Проекта восстановления иконостаса Покровской церкви в Кижях», полностью повторена форма иконостаса, размещение икон, их нумерация и краткие наименования икон. На схеме Л. Петтерссона, составленной перед изъятием икон из иконостаса, местный ряд включал те же иконы, что и предложенные в проекте В. Г. Брюсовой⁴⁹.

Однако реконструированный иконостас отличается от схемы иконостаса, предлагавшейся В. Г. Брюсовой. Он восстановлен с целым рядом нарушений, часть из которых со временем удалось устранить. Вместо планировавшихся по схеме икон «Покров» и «Отечество» (икон из иконостаса данного храма) в местном ряду установили иконы «Единородный Сыне», образ Богородицы «Всех скорбящих Радость», поскольку они соответствовали общей высоте Царских врат и алтарных дверей. По документам, они размещались на боковых стенах кафоликона. Храмовая икона «Покров» была передана в Музей изобразительных искусств РК, а икона «Отечество» — в Челябинский музей⁵⁰. Пустоты в верхних рядах были заполнены иконами подходящего размера с грубыми нарушениями в их размещении. Но в такой реконструкции были и некоторые плюсы. Иконы остались в кижской церкви. Так как местный ряд был приведен к единой высоте, то в пророческий ряд были добавлены три левосторонних иконы: «Иона», «Даниил», «Иезекииль» и в деисусный чин «Василий Великий», а также «Апостол Павел» из другого чина. В результате такого расположения икон в пророческом ряду три, в деисусном один образ отвернулись от центра, а в деисусном чине было две иконы с изображением апостола Павла в правой части ряда.

⁴⁸ В 1999 г. пустые места заполнены иконами — вновь написанными зеркальными копиями с имеющихся «свободных» икон комплекса.

⁴⁹ Музей-заповедник «Кижы», КП-3171/245 (материалы Л. Петтерссона).

⁵⁰ Большая часть неиспользованных в кижских храмах икон поступила в МИИ РК. Икона «Отечество» опубликована в каталоге: Спасти и сохранить: Выставка икон и картин, реставр. худож.-реставратором Челяб. обл. картин. галереи В. П. Кочевым. Челябинск, 1995. С. 18—21.

В 1973 г. в местном ряду справа от Царских врат взамен иконы «Вседержитель» установили образ «Спас Всемиловитый» третьей четверти XVI в., с которым связана легендарная история прихода⁵¹.

Воссоздание Спасо-Кижского прихода в 1993 г. и возобновление в церкви служб в 1997 г. потребовало корректировки в размещении Царских врат и написания копийных икон: двух для деисусного чина и трех в пророческий ряд. В процессе исследовательских работ было установлено ошибочное наименование одной иконы из пророческого ряда как «Пророк Самуил». Ошибка произошла из-за не сохранившейся надписи на иконе. Атрибут на фоне иконы принадлежит пророку Аарону. Изучение церковных документов, исследование икон сотрудниками музея, восстановление прихода с возобновлением служб позволило приблизить восточную часть кафоликона к историческому облику.

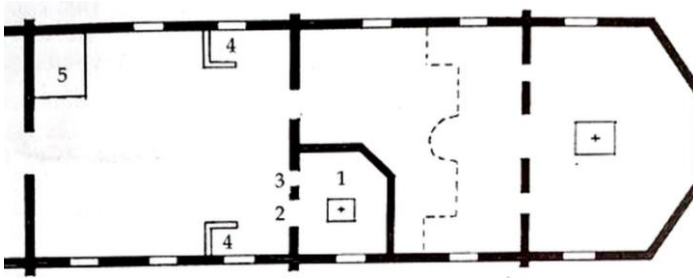
К сожалению, не удалось полностью восстановить исторически достоверный облик местного ряда. В иконостасе по-прежнему нет икон, которые были в нем по церковным документам: храмовой иконы «Покров» XVI в., образа Николая Чудотворца с житием XVI в., иконы «Отечество» первой четверти XVIII столетия.

Реставрация алтарной двери «Архидиакон Евпл» оказалась очередным открытием в истории храма. Согласно церковным описям, в главном иконостасе зимней церкви долгое время были одни алтарные врата — южные. После удаления в 1865 г. Никольского придела и последовавшей реконструкции иконостаса была установлена вторая алтарная дверь — северная с изображением архидиакона Евпла. В процессе реставрации выяснилось, что для северной двери была использована икона больших размеров с изображением великомученика Георгия (рис. 7, 8).

Икона была обрезана до нужных размеров и переписана поверх образа Георгия Стратотерпца. Хорошая сохранность изображения святого Георгия позволила реставраторам вернуть первоначальный облик иконе. Из-за отсутствия южной пономарской двери проемы пономарских врат оформили тканевыми завесами, а икона заняла место на выставке в помещении трапезной.

В исторических материалах XIX в. о зимней кижской церкви прослеживается определенная закономерность: ремонтные работы в ней начинались по завершении работ на легком кижском храме. Реставрация церкви Преображения Господня на данном этапе закончена. В планах музея — реставрация церкви Покрова Пресвятой Богородицы, которая позволит с большей полнотой воссоздать интерьер зимнего храма.

⁵¹ НА РК. Ф. 2, оп. 50, д. 12/43, л. 8.

. План Никольского придела Покровской церкви: 1 — алтарь; 2 — царские врата, 3 — пономарская дверь; 4 — клиросы; 5 — печь.

Рис. 1. План Никольского придела Покровской церкви (1 — алтарь, 2 — Царские врата, 3 — пономарская дверь, 4 — клиросы, 5 — печь).

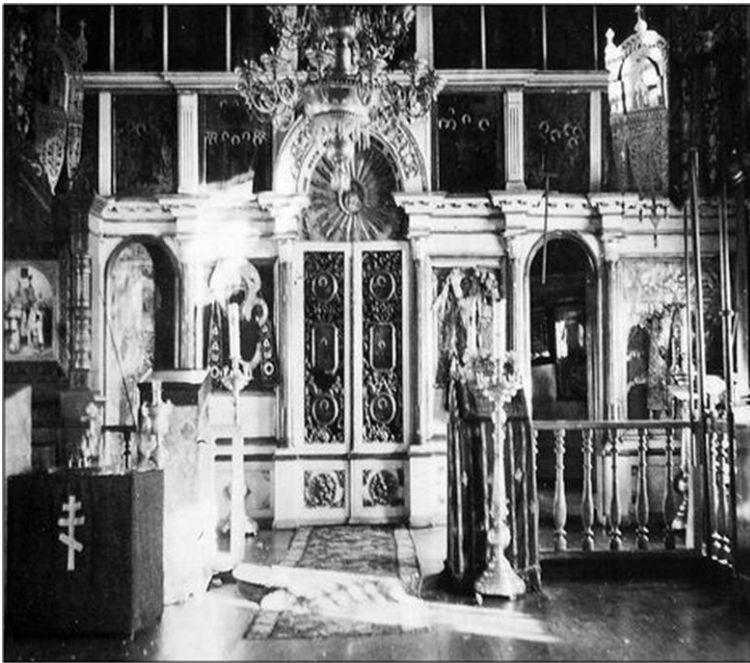

Рис. 2. Фото иконостаса Покровской церкви из архива Ларса Петтерссона.

Рис. 3. Фото иконостаса Покровской церкви из архива Ларса Петтерссона.

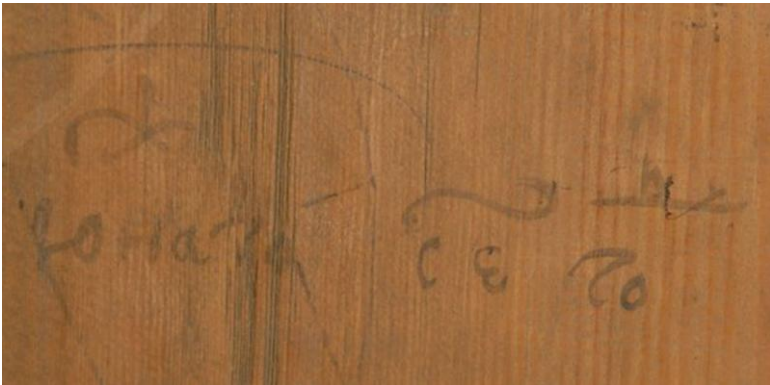

Рис. 4. Надпись на обороте иконы «Пророк Соломон».

Рис. 5. Схема размещения икон в иконостасе Никольского придела.

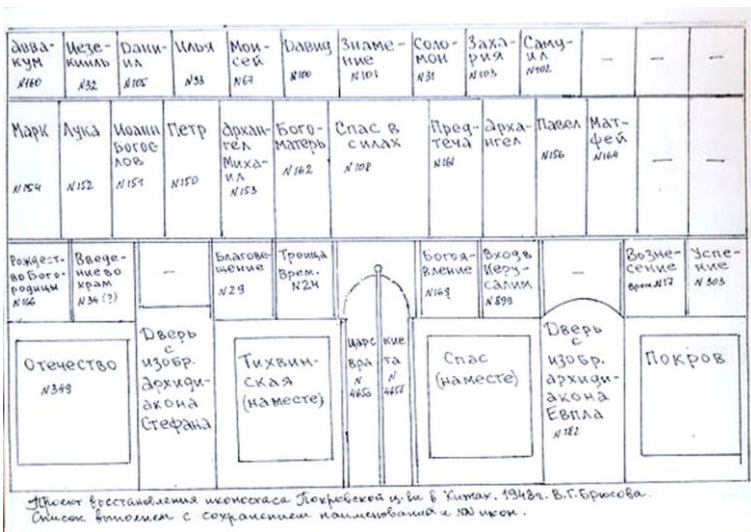

Рис. 6. Проект восстановления иконостаса Покровской церкви В. Г. Брюсовой (1948 г.).

Рис. 7. Алтарная дверь «Архидиакон Евпл» в процессе удаления записей.

Рис. 8. Алтарная дверь после полного удаления записей.

В. Г. Платонов

Учет церковных древностей в Олонецкой губернии по архивным материалам второй половины XIX в.

Аннотация: В статье дается обзор некоторых архивных источников, содержащих сведения о чудотворных, явленных и местнотимых иконах, хранившихся в церквях Олонецкой (отчасти и Архангельской) губерний во второй половине XIX в. Из числа привлекаемых источников наиболее ценные сведения содержат метрики церквей, которые составлялись членами церковного причта, владеющими наиболее полной информацией об иконах и других древностях.

История открытия и изучения истории древней иконописи Карелии, начавшаяся в середине — второй половине XX в., имела некий подготовительный этап собирания сведений о «древностях» Олонецкой губернии во второй половине XIX в. Интересно проследить, как возникало и трансформировалось в среде духовенства и чиновников губернии представление о ценности произведений древнерусской культуры, на какие памятники обращали внимание в первую очередь. Во второй половине XIX в. в России уже широко использовалось понятие «древность», в том числе и по отношению к произведениям иконописи допетровской эпохи. Отчасти это отразилось и в материалах по Олонецкой губернии.

Целью настоящей статьи является обзор упоминаний в некоторых архивных источниках чудотворных, явленных и местнотимых икон, а также почтившихся за их древность произведений иконописи, хранившихся в церквях Олонецкой губернии во второй половине XIX в. Из числа архивных источников мы просмотрели следующие документы: «О собрании сведений о древних церквях и часовнях» 1872 г. (НАРК. Ф. 2, оп. 50, ед. хр. 12/43); «Дело по отношению Императорского Московского археологического общества о высылке в оное к октябрю 1889 г. на предстоящую выставку древностей, хранящихся в церквях и монастырях Олонецкой епархии» 1889 г. (НАРК. Ф. 25, оп. 1, ед. хр. 69/30); метрики церквей по Олонецкой (и отчасти по Архангельской) епархиям (Архив Института истории материальной культуры РАН. Разряд III. Метрики церквей).

Составлявшиеся в разные годы и для разных целей, эти документы большей частью не совпадают по перечню и количеству выявленных икон и, как показывают данные XX в., далеко не полностью отражают реальную кар-

тину. Составители изученных документов, основываясь на местной традиции почитания тех или иных памятников иконописи и на преданиях старины, в основном выделяли местночтимые, явленные и чудотворные иконы. Уже сама принадлежность иконы к одной из этих групп считалась как бы залогом ее исторической ценности. Вопросы о художественной ценности, времени создания, принадлежности к той или иной школе в то время даже не ставились. Наиболее обширный материал дают метрики церквей, составлявшиеся членами клира этих церквей, хорошо знавших особенности их убранства и даже стремившихся воспроизвести детали иконографии, имевшиеся надписи исторического характера на иконах и на храмоздательных крестах. К числу несомненных признаков старины относили темный, закоптелый вид икон, полный аскезы «греческий» (а не италянизированный в духе живописи Возрождения) тип изображения фигур и ликов, наличие греческого слова «оагиос» (святой) перед именами персонажей.

Первым из изученных документов является сводка ответов на распоряжение губернатора ко всем уездным исправникам Олонецкой губернии прислать сведения о древних церквях и часовнях (и находящихся в них старинных предметах). Для каких целей собирались эти сведения, в источнике не указано. В архивном деле содержится информация по семи уездам Олонецкой губернии. Указываются данные по деревянным и каменным храмам, построенным до конца XVIII в. Для полноты картины упоминаются также старинные предметы (богослужебные сосуды, детали убранства), находившиеся в культовых постройках. Из числа икон обычно указываются храмовые, чудотворные и местночтимые иконы.

В церкви Преображения Господня Кижского погоста упоминается образ Спасителя старинного письма, «почитаемый за чудотворный, который прежде находился в древней церкви Преображения Господня и разоренной во время нашествия литовцев на Кижы»¹. Далее излагается известное сказание о трехкратном возвращении леса, заготовленного на строительство новой церкви, от места у прежней церкви на новое, расположенное за две версты: «Когда же в третий раз найден был на горе в можжевельнике образ Спасителя, то положили тут строить и храм, где находится он и доньне». Отмечается, что на образе «показывают с левой стороны знак, как говорят, произошедший от литовской пули во время сражения с крестьянами»². Кроме этой иконы другие произведения не указываются, хотя в иконостасе Преображенской церкви, как стало известно уже в XX в., имелись такие старинные памятники, как иконы «Преображение» и «Покров», не говоря о древних иконах в соседней Покровской церкви. На эти произведения впервые указал И. Э. Грабарь в 1926 г. В Покровской церкви он отметил «чинок в алтаре

¹ НА РК. Ф. 2, оп. 50, ед. хр. 12/43, л. 8.

² Там же.

нач(ала) XV в., апостольский чин XV в., также Покров Богородицы (храмовая) нач(ала) XV в. и Никола в интерьере на южной стене у правого клироса. Все сильно переписаны³. Относительно храмовой иконы «Преображение» Преображенской церкви И. Э. Грабарь замечает, что хотя на ней живопись XVIII в. («под которой ничего нет»), она написана на более древней доске с односторонней шпонкой («быть может, XV в.»)⁴.

Церковь великомученицы Варвары в селении Яндомозеро была построена, «по сказанию старожилов»⁵, по случаю явления иконы св. Варвары, поставленной затем в местном ряду иконостаса. Поэтому датировка иконы в данном источнике увязывается с датой постройки храма, указанной на храмовом кресте (1650 г.), который хранился в церкви. Икона св. Варвары была украшена серебряною ризой с позолоченными венчиками⁶. Сегодня нам известно, что в Варваринской церкви находились многие произведения древнерусского искусства. Среди них выделяются поясной образ св. Николая XVI в., икона «Св. Никита, с житием» с вкладной надписью второй половины XVII в. (надпись плохо сохранилась), несколько более поздние иконы деисусного чина и двухрядные иконы с изображением праздников и поясных пророков (все в собрании МИИ РК).

Шелтозерско-Бережская церковь Преображения Господня построена, согласно надписи об освящении жертвенника, в 1776 г. В церкви находился образ великомученика Георгия, вынесенный крестьянами из более ранней сгоревшей церкви и «чтимый местными и окрестными жителями»⁷.

В Машезерской приходской Ильинской церкви хранился чудотворный образ пророка Илии, который «будто бы приплыл на камне вместе с образом св. Николая Чудотворца вверх по течению реки Лососинки и остановился в 100 сажнях от нынешней плотины, где камень и теперь находится, а над ним поставлен крест. Образ же Пророка Илии найден был на острове озера Маш, а Николая в деревне Лососинской, где теперь стоит в часовне между густыми елями, имеющей четырехугольный вид, с крышею на два ската»⁸. Икона Про-

³ Из записной книжки И. Э. Грабаря об иконостасе Преображенской и Покровской церквей // Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694—1945 гг.). Петрозаводск, 2013. С. 113. «Чинок» (возможно, это «оплечный деисус») находился не в алтаре, а на паперти над входом в храм. Другого небольшого чина в Покровской церкви не было. Под «апостольским» деисусом, скорее всего, имелся в виду развернутый чин со святителями (Иоанн Новгородский), мучениками (Георгий). Эти иконы с несколько изменившимися после реставрации датировками находятся в собрании МИИ РК.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ НА РК. Ф. 2, оп. 50, ед. хр. 12/43, л. 9.

⁶ Храмовая икона не сохранилась. В описи церкви 1872 г. на месте храмового образа (вторая справа икона от Царских врат) стояла икона «Св. Варвара и св. Екатерина, с чудесами». См.: Главная опись церкви святых великомученицы Варвары Олонецкой епархии Петрозаводского уезда Яндомозерского погоста (НА РК. Ф. 25, оп. 12, ед. хр. 36/175, л. 8 об.).

⁷ НА РК. Ф. 2, оп. 50, ед. хр. 12/43, л. 11 об.

⁸ Там же.

рока Илии сохранилась до нашего времени (находилась в частном собрании в Москве, позднее похищена). Это произведение северной иконописи датируется в литературе XV в.⁹

В часовне дер. Ерши хранился «замечательный образ Владимирской Божией Матери, почитаемый в народе чудотворным и посещаемый ежегодно многими богомольцами»¹⁰. Судьба этой иконы неизвестна, в отличие от местнотимого образа Богоматери «Одигитрия Смоленская», из часовни дер. Кинерма: «Документов об этой иконе никаких нет, но предание сохраняется в местности, что при пожаре часовни, давно бывшего (времени определить не могут), означенный образ один остался и найден был на поле около полуверсты от деревни, самый образ обыкновенный»¹¹.

В каменной церкви св. Троицы Андомского прихода при реке Андоме на Пудоожском почтовом тракте «местными жителями уважается... древняя живописная икона Святителя и чудотворца Николая, находящаяся на столпе, на ней риза медная, а по бокам живописные изображения чудес... Словесное народное предание говорит вот что: в древности будто бы горели здесь две церкви и истреблено все имущество оных, но эта одна икона осталась по особенное чудодейственной силе уцелевшею...»¹². В Троицкой часовне Куржинской пустыни Вытегорского уезда «особенно уважается не только прихожанами, но и сторонними» икона Живоначальной Троицы, на поклонение которой богомольцы приходят за сто и более верст¹³.

Кроме названных икон в некоторых храмах губернии хранились и другие старинные предметы, из числа которых укажем на деревянный потир и лубочные венцы в Фоймогубской Успенской церкви, целый ряд предметов в Марциальноводской Петровской церкви (пять подсвечников работы Петра I, деревянная дарохранительница, полотняные ризы и пояс с кистями работы царицы Прасковьи Феодоровны, шитые изделия в Соломенской церкви Сретения (риза работы царицы Прасковьи Феодоровны, полотняные с выбойчатым оплечьем и шелковый пояс с кистями работы царевны Софии Алексеевны (возможно, повторение сведений из Марциальноводской церкви?)¹⁴.

Любопытно сравнить указанный перечень древностей в церквях и часовнях Олонецкой губернии с данными «Дела по отношению Императорского

⁹ Смрнова Э. С. Живопись Обонежья XIV—XVI веков. М., 1966. С. 49, 50, табл. 53.

¹⁰ НА РК. Ф. 2. оп. 50, ед. хр. 12/43, л. 13.

¹¹ Там же. Л. 20. Икона, датируемая в настоящее время началом XVI в., хранится в собрании МИИ РК. Об этом произведении имеются и другие свидетельства и варианты сказания. См.: Платонов В. Г. Икона «Богоматерь Одигитрия» XV в. из собрания Музея изобразительных искусств Республики Карелия. История и атрибуция «Богоматери Одигитрии» из деревни Кинерма // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник за 1996 г. М., 1998. С. 245—249.

¹² Там же. Л. 24 об., 25.

¹³ Там же. Л. 25 об., 26.

¹⁴ Там же. Л. 9 об., 13 об.

Археологического Общества о высылке в оное к октябрю 1889 г. на предстоящую выставку древностей, хранящихся в церквях и монастырях Олонецкой епархии»¹⁵. Выставка по случаю VIII Всероссийского археологического съезда проведена Московским археологическим обществом в 1890 г. в залах Исторического музея. Выставка имела большой общественный резонанс. На ней были представлены «древности» из частных собраний, а также из Тверского, Рязанского и Московского исторических музеев¹⁶. К этому времени в России широко использовалось в научной литературе, разного рода изданиях понятие «церковные древности», однако оно с трудом приживалось в среде губернских и епархиальных чиновников. Это подтверждают ответы епархиальных властей.

В перечне предметов, которые Археологическое общество просило выслать на выставку, на первом месте указаны памятники иконописания¹⁷. Любопытно, что реакция на просьбу нередко была обескураживающе отрицательной. Так, архимандрит Александро-Свирского монастыря ответил, что «за недостатком времени и лиц, пригодных для труда по сему предмету, обитель Александро-Свирская не может принять участие в указанной выставке присылкою предметов»¹⁸. Многие церкви епархии ответили, что в их собраниях нет древних вещей. Можно предположить, что отрицательное отношение к подаче сведений о древностях могло быть отчасти продиктовано тем обстоятельством, что среди древностей, особенно происходящих из частных коллекций, в большом количестве оказывались иконы старообрядческих мастеров, якобы противных духу православия.

Правда, такая реакция была не повсеместной. Например, служители Марциальноводской церкви представили обширный список предметов из 13 номеров, представляющих интерес для выставки. Среди них нет произведений иконописи, но включены серебряные литургические предметы, оловянный дискос, брачные венцы из жести, произведения шитья¹⁹. С приведенным в предыдущем источнике перечнем древностей этой церкви совпадают только ризы и пояс с кистями, что отражает разницу в подходе к отбору «древностей» между представителями светских и духовных властей. Примерно такие же вещи были отобраны в Канакшанской Троицкой церкви Каргопольского уезда и в Пиркинской Христорождественской церкви Лодейнопольского уезда²⁰.

¹⁵ НА РК. Ф. 25, оп. 1, ед. хр. 69 / 30.

¹⁶ *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 206.

¹⁷ НА РК. Ф. 25, оп. 1, ед. хр. 69/30. л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ Там же. Л. 8.

²⁰ Там же. Л. 12, 14.

Наиболее полное представление о древностях, хранящихся в церквях Олонецкой епархии, дают метрики церквей, составившиеся в конце XIX в. непосредственно членами церковного причта. В структуре метрики, после сведений об истории церкви и местности, описания общего облика и составных частей храма, иконостаса, особо выделен раздел «Иконописание» (здесь даются описания стенных росписей и икон, данные о «поновлении икон», сведения о мастерах — на листах 10, 11 каждой метрики).

В Георгиевской церкви Юковского прихода Лодейнопольского уезда Олонецкой епархии, построенной «в первой четверти XVI столетия», находится иконостас в три яруса: «Все иконы в иконостасе простого старинного письма в греческом стиле». В составе иконостаса выделены три древние иконы: поясной образ великомученика Георгия с крестом и свитком в руках; икона Иоанна Крестителя с чашей; икона великомученика Георгия в рост, с житием, с крестом и воинским знаменем.²¹

В храме Воскресения Господня Важинского прихода (1630 г.) был установлен иконостас из пяти рядов. В этой церкви хранилась местночтимая икона Казанской Богоматери²².

В с. Кондуши Олонецкого уезда, в церкви Архистратига Михаила (основана в 1613 г.), был установлен четырехъярусный иконостас. Среди икон находилась явленная икона св. Николая Чудотворца, «найденная, по преданию, крестьянином в земле около того места, где жил помещик Андрей Завалишин, а ныне преподобный Адриан Андрусовский, мощи которого почитают ныне в Андрусовой пустыни под спудом. Икона сия местночтимая, в серебряной ризе с надписью „Сия серебряная риза сооружена от семейства Петровых за спасение от холеры в 1849 году октября 2 дня“»²³.

В Преображенской церкви Кижского погоста упоминаются находящийся в алтаре деревянный крест с надписью об освящении храма в 1714 г., четырехрядный резной иконостас с резными же Царскими воротами: «За правым клиросом находится икона Всемилостивого Спаса местночтимая, которая по народному преданию была прострелена пулею во время нашествия литовцев, каковой знак виден и теперь в правой руке»²⁴.

В церкви Рождества Пресвятой Богородицы с теплым приделом св. Варвары с. Кузаранда Петрозаводского уезда сохранились некоторые древние акты, связанные с постройкой храма: грамота 1721 г. на постройку церкви (сгоревшей в 1761 г.) и грамота 1765 г. на постройку «ныне существующей церкви». Иконостас в главном храме четырехъярусный, а в теплом приделе трехъярусный. Особенно почитаются местными людьми иконы Тихвинской

²¹ Архив ИИМК. Разряд III. Метрики церквей. № 4205. Деисусный чин из Юковичей конца XV в. ныне хранится в собрании ГРМ.

²² Там же. Метрика № 4206.

²³ Там же. Метрика № 4207.

²⁴ Там же. Метрика № 4217.

Богоматери и св. Варвары. Икону Богоматери «Тихвинская» местное предание считает явленной, так как она была найдена неким старожилом по фамилии Жарких за городом Тихвином. Согласно другой легенде, икона Богоматери явилась братьям Григорию, Ивану и Алексею Ивановым (диакону и клирику церкви) лет двести тому назад и велела носить ее по домам для защиты людей и скота. Икона св. Варвары почитается как чудотворная. Из икон старого письма отмечены «Деисус», «Св. Георгий» (которая могла быть храмовой иконой самого первого в Кузаранде храма во имя св. Георгия), «Св. Николай Чудотворец», «Спас Нерукотворный». На последней иконе имелась летописная запись о создании иконы в 7184 г. (1675) по обещанию своему Еустафьевым. Кроме того, на этой иконе была криптограмма с зашифрованным простой литореей именем иконописца Мокейко Пантелеева, что является большой редкостью для иконописи Обонежья²⁵. Кроме икон в храме отмечен резной золоченый запрестольный крест с датой 7161 (1653 г.).

В древней церкви св. Варвары дер. Яндомозеро Петрозаводского уезда хранился храмоздательный крест с датой освящения 10 января 7158 (1650 г.). Из икон особо отмечена в алтаре против жертвенника в позолоченном киоте старинная икона св. Варвары в серебряной ризе с надписью о вложении в 1703 г. данной иконы в Яндомозерскую церковь монахом Соловецкого монастыря Иларионом. Кроме того, в иконостасе стоит икона св. Варвары и св. Екатерины со страданиями и чудесами — «самая древнейшая» в храме²⁶.

Богоявленская церковь в с. Челмужи Повенецкого уезда была освящена, согласно дате на имеющемся в церкви семиконечном храмоздательном кресте, в июне 7113 г. (1605 г.). По народному преданию, до постройки церкви в Челмужах была часовня. Возможно, к ней относится надпись с датой «лета 7085 (1577) месяца января» на еще одном хранимом здесь кресте. Особо отмечена составителем метрики резная икона размером 4 × 3 вершка (18,8 × 13,35 см), на которой в два яруса изображены: сверху Успение Богоматери с поясными фигурами св. Николая и св. Варвары по бокам, внизу трехглавая церковь на горе, преподобный Иоанн («без облачения, с главою Адама» (?), а по сторонам представлены в рост преподобные Антоний и Феодосий Печерские²⁷.

В церкви Вознесения и Пророка Ильи с. Типиницы Петрозаводского уезда отмечены как местночтимые иконы «Вознесение», «Пророк Илья» и «Богоявление». Особо указана икона св. Параскевы Пятницы, на которой зафиксиро-

²⁵ Там же. Метрика № 4218. Подробнее об этой и других иконах с тайнописью см.: Платонов В. Г., Сергеев С. П. Икона «Огненное восхождение пророка Ильи, с житием» 1647 г. с криптограммой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1983 г. Л., 1985. С. 304—312.

²⁶ Там же. Метрика № 4222.

²⁷ Там же. Метрика № 4224.

рована вкладная надпись с датой 7168 г. (1660) и именем вкладчика Ивана Стахиева, священноиерея Типиницкой церкви, с его братьями²⁸.

В заключение для полноты картины приведем сведения об иконах из метрик некоторых храмов западной части Архангельской епархии, ныне входящей в состав территории Республики Карелия и Мурманской области.

В Никольской церкви с. Ковда Кемского уезда как древние выделены иконы Божией Матери, Спасителя и Николая Чудотворца²⁹.

В церкви Богоявления Господня и Живоначальной Троицы с. Ньюча Кемского уезда среди нескольких икон старого письма выделена как местночтимая икона «Св. Николай Чудотворец» в серебряной ризе под золотом³⁰.

В с. Шуерецкое Кемского уезда стоят три храма — святых Николая (1753 г.), Климента, папы Римского (1787 г.), и Параскевы Пятницы (1666 г.). В Никольской и Параскевинской церквях имеются местночтимые иконы св. Николая Чудотворца и св. Параскевы Пятницы. Последняя особенно интересна: «...Резная из дерева во весь рост, в деревянном киоте, на голове венец серебряный позолоченный, в виде короны. Над главою с обеих сторон два ангела резных из дерева, поддерживающих венец. В правой руке Параскевы — восьмиконечный крест, в левой деревянный свиток с написанием Символа веры. Цата и поручи на руках бусовые с жемчужинами»³¹.

В Успенском соборе г. Кеми (с приделами Св. Николая Чудотворца и пресподобных Зосимы и Савватия Соловецких), освященном в 1717 г., особо отмечены Царские врата Никольского придела. Они «обращают на себя внимание знатоков и по мнению их считаются довольно древними: резьба мелкая, гладкая, двери небольшого размера, а верх у них полукругом»³². Из других икон отмечены коственная икона Троицы, рама к иконам Спаса, Богоматери и Иоанна Предтечи³³.

Анализ архивных источников второй половины XIX в. свидетельствует, что в категорию «церковные древности» включали в основном произведения иконописи с богатой «биографией» (неважно, легендарной или исторически обоснованной). В определенной степени такое представление было оправданным, так как чудотворные и явленные иконы чаще всего в самом деле были древними артефактами. Однако при этом чрезвычайно сужался круг выявляемых памятников. Не принимались во внимание произведения,

²⁸ Иконы хранятся в собраниях ГРМ и МИИ РК.

²⁹ Метрика № 25. В этом перечне, вероятно, указаны сохранившиеся до нашего времени памятники: храмовая икона «Св. Николай, с житием» XVI в. (ныне в ГРМ), иконы рубежа XVI—XVII вв. «Богоматерь «Одигитрия Смоленская» и «Спас в силах» (ныне в МИИ РК).

³⁰ Там же. Метрика № 145.

³¹ Там же. Метрика № 119.

³² Там же. Метрика № 141.

³³ В XX в. выяснилось, что в Успенском соборе г. Кеми находились многие древние иконы (XV—XVI в., например, храмовое «Успение» (ныне в ГРМ), Деисусный чин Зосимо-Савватиевского придела (на временном хранении в МИИ РК)).

лишенные «истории», а распознавать в иконе древность составители этих документов пока еще не умели. Первые опыты реставрации древнерусских памятников не получили широкой известности. Не могло помочь и обращение к нарождающейся в тот период науке о древнерусском искусстве. Ученые второй половины XIX в. занимались преимущественно вопросами истории памятников, развития иконографии, оставляя в стороне проблемы художественного порядка. За идеал художественного совершенства принимались памятники античного искусства и эпохи Возрождения, что мешало правильно оценить произведения византийского и древнерусского искусства с их «неправильным» рисунком, ненатуральными пропорциями фигур и искаженной перспективой. Прежде, чем утвердится правильное восприятие «русских древностей», должны были произойти реставрационные открытия древнерусской иконописи, что будет иметь место только в начале XX в.

И. А. Антропова, А. Г. Носкова

История и иконописное убранство церкви Святителя Николая в Согиницах (Согинский погост)

Аннотация. Работа посвящена церкви Николая Чудотворца Согинского погоста (1695 г.). Исследование вводит в научный оборот новые архивные материалы. Уточняется датировка памятника. Освещается история как погоста, так и самого храма, особенно в XIX и первой половине XX в. Впервые реконструируется иконописное убранство церкви и выявляются его особенности.

Деревянная Никольская церковь в деревне Согиницы¹, расположенная на берегу реки Важинки (приток Свири), хорошо известна специалистам и любителям древнерусского зодчества и как архитектурный объект является одной из самых изученных церквей Присвирья² (рис. 1). При этом почти все опубликованные о ней сведения основаны на натурных наблюдениях архитекторов-реставраторов и их трактовке следов разновременных ремонтов, без подтверждения письменными источниками. Также никогда не становился предметом отдельного исследования внутренний облик храма, а его художественные памятники упоминались крайне редко³. Это тем более удивительно,

¹ Подпорожский район Ленинградской обл.

² *Шайжин Н. С.* Сведения о церквях Олонецкой епархии, построенных ранее XIX в. // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников имп. МАО. М., 1914. Т. 5. С. 91; ИИАК. Пг., 1915. Вып. 57. С. 145; *Красовский М. В.* Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 236—237; *Забелло С. Я., Иванов В. Н., Максимов П. Н.* Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 124—125; *Андреева Л. А., Коляда М. И., Кондратьева Е. В.* По Ленинградской области. Л., 1978. С. 77—80; *Ополовников А. В.* Русское деревянное зодчество: Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986. С. 77—86; *Гоголицын Ю. М., Гоголицына Т. М.* Памятники архитектуры Ленинградской области. Л., 1987. С. 209—213; *Ходаковский Е. В., Носкова А. Г.* «Межозерская школа» и «прионежская традиция»: к вопросу о региональной специфике деревянной архитектуры Русского Севера // Искусство Древней Руси и стран византийского мира. СПб.; М., 2007. С. 145—156; *Носкова А. Г., Котышева И. А., Ермолина А. Н.* «Круглые от пошвы» храмы Онежско-Ладожского Межозерья XVII в. // Деревянное зодчество. Вып. IV. Новые материалы и открытия. М.; СПб., 2015. С. 125—130.

³ *Смирнова Э. С.* Живопись Обонежья XIV—XVI вв. Л., 1969. С. 42—43, 135; *Шалина И. А.* Группа икон «Чудо Георгия о змие» и иконографическое своеобразие новгородского искусства XVI в. // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2014. Вып. 24. С. 13.

если учесть, что церковь Святителя Николая остается одной из немногих точно датированных и сохранившихся до наших дней деревянных культовых построек Олонецкого перешейка. Отсутствие полноценного исследования истории и бытования как самой церкви, так и ее иконописного убранства заставили нас еще раз обратиться к памятнику. В процессе изучения были обнаружены архивные материалы, освещающие историю погоста и храма. Обращение к иконописному наследию церкви позволило не только реконструировать ее интерьер, но и расширить представления о вкусах, потребностях и возможностях прихожан, являвшихся непосредственными заказчиками строительства храма и его украшения.

Сведения о раннем периоде существования Согинского погоста скупы и основаны на данных, приводимых в писцовых и переписных книгах разных лет. Впервые поселение упоминается в писцовой книге Заонежской половины Обонежской пятины Великого Новгорода 1563 г.: «В Важенском же погосте царева великого князя волостка в Согиничах Заволоцкого»⁴. Тот факт, что Согиничи принадлежали древнему Воскресенскому Важинскому погосту — опорному пункту новгородцев для управления территорией Присвирья и торговли на ней, — следует подчеркнуть особо, поскольку это будет важным моментом в истории Никольского храма. Согласно сохранившимся документам, на протяжении всего времени существования погоста церковь находилась в прямом административном подчинении Воскресенскому храму, получив самостоятельность лишь на несколько десятилетий в середине XIX в.

Если в приведенной выше краткой записи не указывается никакой церковной постройки, то из писцовой книги 1616—1619 гг. мы узнаем, что в 7109 (1600/1601) г. на погосте была поставлена церковь во имя Николая Чудотворца, причем на месте часовни⁵, которая должна была быть построена еще в XVI столетии. О существовании в начале XVII в. в Согиничах церкви говорит и вкладная постраничная запись на Евангелии-апракос, хранящемся в Российской Государственной библиотеке⁶. В следующий раз храм на погос-

⁴ Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 93.

⁵ Жукон А. Ю. Погосты, волости и приходы Карелии (по материалам переписей Заонежских погостов конца XV — середины XVIII в.). С. 13. [Электронный ресурс]. URL: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/rgnf_zhukov/pogosty_i_volosti_karelii.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

⁶ ОР РГБ. Ф. 212, д. 41 (Евангелие-апракос. Перв. пол. XVI — нач. XVII в.). Составная рукопись относится к двум периодам: началу XVI столетия (л. 1—150 об.) и к рубежу XVI—XVII вв. (л. 151—218). Внизу текста на первых страницах имеется вкладная запись: «В лето ЗРАИ [7111=1602] // декабря в С (6) день // положила сию // книгу евангелие // в дом иже во святых // отца нашего // Николы архиепископа // Мирликийский чудотворц[ев] // в Согиничи // раба божия Варвара // Вавилина дочь // Стефанова жена // Михайлова сына // Терентева ис Согинич // на память своим родителей // и своей души грешной // а положена сия книга к Николе // чудотворцу не в от[ъ]емку в веки // веком а хто сию книгу вынесет // из храма от Николы чудотворца // ино судит ему Бог и не буди на нем // божия милость и великого чудотворца // Николы. А

те фиксируется в 1646 г.⁷ Отметим, что в предшествующей переписи 1628—1631 гг. Н. Панина и С. Копылова часть с описанием Важинского погоста не сохранилась. С сокращениями она была опубликована в Олонецких губернских ведомостях в 1849 г.⁸ Однако по этому краткому конспекту, в котором Согиницы не упоминаются, делать однозначный вывод о том, что храма тогда здесь не было, нельзя.

Среди редких ранних документов интересно выявленное Е. Д. Суслоевой дело о выборе старосты погоста в Важинах, относящееся к 1675 г.⁹ Из документа следует, что 1 сентября подьячий Олонецкой приказной избы Лазарь Михачев приехал в Важинский погост для выбора старосты всем миром из «самых добрых животом пожиточных и душею прямых и не воров и не бражников и не миропродавцев» сроком на год¹⁰. Принимал участие в выборах и «Никольской поп Согинской волости Георгий Автономов» и подписался «вместо прихожан своих»¹¹. Это дело в какой-то мере компенсирует отсутствие сведений о Согиницах из не сохранившейся части переписной книги 1678 г.¹² и позволяет предполагать, что Никольский храм существовал на погосте на протяжении всего XVII в., вплоть до его замены нынешним.

Дошедшая до наших дней деревянная шатровая однопрестольная церковь Святого Николая почти во всех источниках XIX—XX вв., а также в литературе датируется 1696 г.¹³ Нам удалось уточнить время его возведения и освящения. В «Церковно-историческом и статистическом описании погоста», составленном в 1851 г., сообщается: «Древность церкви Согинского погоста

потписал сию книгу святое евангелие // Нолпигто Питикип лып // итотпит шдсашу шочю арип». Конец записи — тайнопись и расшифровывается следующим образом: «Посничко Никитин сын иконник... амин».

⁷ Суслова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века / Е. Д. Суслова; науч. ред. И. А. Чернякова. Электрон. дан. Петрозаводск, 2013. С. 231. [Электронный ресурс]. URL: http://carelica.petsu.ru/mediateka/pdf/SUSLOVA_1.pdf (дата обращения: 05.05.2023); Жуков А. Ю. Погосты, волости и приходы Карелии... С. 13—18.

⁸ ОГВ. Петрозаводск, 1849. № 5—6. 10 февраля. Часть неофициальная. С. 6.

⁹ Суслова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века... С. 104.

¹⁰ НА СПБ ИИ РАН. Ф. 98. К. 7. Д. 103 (Дело о выборе старост Воскресенского Важенского погоста на 1675/76 г.). Л. 5—6 об.

¹¹ Там же. Л. 6 об.

¹² Суслова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века... С. 83, 231.

¹³ НАРК. Ф. 25, оп. 11, д. 12/87 (Клировые ведомости церквей города Олонца и Олонецкого уезда, города Лодейного Поля и Лодейнопольского уезда за 1825 г.). Л. 46 об.; НАРК. Ф. 25, оп. 20, д. 17/149 (Ведомости о церквях Олонецкого уезда. 1826—1827 гг.). Л. 3 об., 5 об.; НАРК. Ф. 300, оп. 1, д. 1/3а (Ведомости за 1846 г. и другие годы). Л. 144; НАРК. Ф. 25, оп. 20, д. 20/187 (Ведомости о церкви Святителя и Чудотворца Николая Согинского прихода Олонецкого уезда за 1868, 1897, 1899—1900, 1902—1904 гг.). Л. 1—36; Шайжин Н. С. Сведения о церквях Олонецкой епархии, построенных ранее XIX в. С. 91; Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. С. 81—86. Только Д. В. Милеев в подписи к своим чертежам 1906 г. датирует храм 1698 г. См.: НИМ РАХ. А 4264 и А 4265.

видна из креста, на котором находится следующая надпись: „Освятися сей храм иже во святых отца нашего Николая Чудотворца при Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанне Алексеевиче Петре Алексеевиче всея великия, малыя и белыя России самодержцев, при митрополите Ефимии Великаго Нова града и Великих Лук. А освятил сей храм Александра монастыря Свирского Еромонах Корнилий со диаконом того же монастыря Константином, лета ЗСД [7204] году месяца Сентеврия на память мученицы Софии 3I [17] день“¹⁴. В церковных документах при переводе даты 7204 г. от сотворения мира из одной системы летоисчисления в другую закралась ошибка: не был учтен указанный в надписи месяц сентябрь — поэтому правильной датой постройки церкви будет не 1696, а 1695 г. от Рождества Христова. В дальнейшем неверно посчитанная дата не перепроверялась.

Обследовавший храм в 1936 г. Ф. А. Каликин еще застал этот крест на месте, сообщая в своем отчете: «Церковь... постр[оена в] 1695 г. Год постройки мною взят с летописной записи на деревянном кресте, в которой говорится, что... освящена бысть церковь Св. Николы в лето 7204, т. е. 1696. Значит она срублена в 1695 г.»¹⁵. Как видим, исследователь также неточно перевел дату, хотя справедливо отметил, что строился храм в 1695 г. Дальнейшая судьба этого креста нам не известна, но в числе наиболее ценных предметов, вывезенных Ф. А. Каликиным из церкви и переданных им в Областной музейный фонд, его не было.

Вновь возведенный храм впервые отмечен в переписной книге начала XVIII столетия (1707). В ней упоминается священник Климант Юрьев и пономарь Иван Автономов, возможно, приходившийся сыном или внуком упомянутому ранее Георгию Автономову¹⁶. Допустимо предположение, что строительство этой церкви могло происходить при их непосредственном участии. Еще в двух переписях священно-церковнослужителей 1722—1723 и 1749 гг. в Согинской выставке все так же значится один храм Николая Чудотворца¹⁷.

Никольская церковь в 1973—1976 гг. была отреставрирована по проекту М. И. Коляды и И. А. Мачерет с возвращением ей по возможности близкого к первоначальному облика (рис. 2). Памятник представляет собой столпообразный шатровый храм с ярусным основным объемом, состоящим из двух восьмериков, разделенных фронтонным поясом. С востока и запада к восьме-

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 450, д. 699 (Сведения о приходах Олонецкого, Лодейнопольского и Повенецкого уездов (церковно-исторические и статистические сведения об отдельных церквях). 2-я пол. XIX в.). Л. 13 об.

¹⁵ НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Ед. хр. 487—14 (Сведения по существующим архитектурно-художественным памятникам Пашского, Подпорожского и Вознесенского районов, обследованных в 1935 и 1936 гг.). Л. 4 об.

¹⁶ *Суслова Е. Д.* Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий. Петрозаводск, 2013. С. 131.

¹⁷ *Жуков А. Ю.* Погосты, волости и приходы Карелии... С. 19—20.

рику примыкают почти равные по величине крытые двускатно небольшие прирубы алтаря и притвора. В последний ведет двувсходное крыльцо, переходом соединенное с шатровой колокольной типа «шестерик на четверике» (рис. 3). М. И. Коляда уверенно полагал, что колокольная эта была построена раньше церкви¹⁸, а значит, осталась от храма-предшественника. Внешний облик храма, без сомнения, был ориентирован на главную Воскресенскую церковь Важинского погоста 1630 г. постройки, которая в это время являлась однопрестольным храмом с ярусным десятигранным центральным столпом, завершенным шатром¹⁹. Прямым же аналогом Согинской церкви, с некоторыми отличиями в деталях, был построенный в 1691 г. храм Преображения в Пидьме²⁰ в 35 км от Согиниц (сгорел весной 1942 г.). Все три церкви относятся к местной архитектурной традиции, существовавшей в XVII в. на территории между Ладожским и Онежским озерами²¹.

Согинский храм строился как холодный²², т. е. не предназначался для служения зимой. Внутри самой церкви достаточно просторно (около 10 м в ширину, столько же в длину) (рис. 4). Помещение перекрыто балочным потолком с заполнением «в косяк» (высота 5 м) и опиранием продольных балок на матицу (главную потолочную балку). Ее в свою очередь поддерживают два стройных резных столба, отличающиеся изящными кронштейнами, со стилизованными головами коньков на концах²³.

Сведений о ремонтах и иных работах, связанных с церковью Святого Николая, за XVIII в. найти не удалось, хотя сложно представить, что храм, построенный в 1695 г., простоял без изменений более ста лет. Самые ранние данные относятся к началу 1820-х гг., когда согинскому дьячку была выдана

¹⁸ Андреева Л. А., Коляда М. И., Кондратьева Е. В. По Ленинградской области. С. 78.

¹⁹ Носкова А. Г. Георгиевская церковь в Юковичах и Воскресенская в Важинах: неизвестные страницы истории известных памятников // *Деревянное зодчество: Новые материалы и открытия*. Вып. 6. СПб., 2018. С. 55—56.

²⁰ В публикации начала XX в., а затем и последующие, Преображенская церковь, вероятно, по ошибке, попала с датировкой 1696 г. Все более ранние источники указывают, что она была построена в 1691 г. См.: НАРК. Ф. 25, оп. 11, д. 12/87 (Клировые ведомости церковей города Олонца и Олонецкого уезда, города Лудейного Поля и Лудейнопольского уезда за 1825 г.). Л. 58 об; НАРК. Ф. 27, оп. 2, д. 4/57 (О древних церквах в городе Олонце и в уезде. 1840 г.). Л. 123; НАРК. Ф. 25, оп. 12, д. 35/2 (Главная опись имущества церковей Пидемского прихода Олонецкого уезда. 1871 г.). Л. 3 об.; Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова / под ред. и с примеч. Владимира Мордвинова. Ч. 1. Журнал о походах в Соловки и на Валаам острова (в 1744, 1752, 1764, 1777 и 1784 годах). СПб., 1888. С. 91.

²¹ Носкова А. Г., Котышева И. А., Ермолина А. Н. «Круглые от пошвы» храмы Онежско-Ладожского Межозерья XVII в. С. 116—135; Носкова А. Г. Георгиевская церковь в Юковичах и Воскресенская в Важинах... С. 64.

²² НАРК. Ф. 25, оп. 20, д. 17/146 (Ведомости о церквах Олонецкого уезда за 1823 год). Л. 7 об.

²³ Подобные резные столбы с «руками-кронштейнами» встречаются еще в нескольких храмах Обонежья и Присвирья: церкви Св. пророка Илии в Шеменичах (1675), Успения Богородицы в Озерах (1689), Рождества Богородицы в Гимреке (1693), Успения Богородицы в Кондопоге (1774).

«сборная книга» для сбора средств на ремонт церкви²⁴. Последовавший за этим большой ремонт велся с перерывами на протяжении 1820-х — первой половины 1830-х гг. Судить о нем мы можем по записям в приходо-расходной книге, в которой перечислены выплаты за выполненные в разные годы работы²⁵. В 1822 г. производились оплаты «гвоздя для работы мастера» и «пильщикам для церкви за распиловку тесу»²⁶. Тогда же был установлен новый резной иконостас²⁷. В 1828—1830 гг. крупные суммы выдавались по заключенному договору подрядчикам братьям Гавриле и Ивану Козьминым²⁸, два десятилетия назад ремонтировавшим Богоявленский храм и колокольню на Важинском погосте и строившим там бревенчатую ограду²⁹. Судя по новой закупке трех пудов гвоздей, можно полагать, что такие объемы требовались для обшивки церкви. Кроме того, были куплены 100 бревен и «в церковь окна решетки», заплачено за работы на колокольне, привоз колокола и «сделание креста на колокольне» из закупленного железа³⁰. В 1831 г. был получен и освящен новый антиминс³¹. И в следующие три года еще продолжались выплаты как братьям Козьминым, так и другим мастерам за работы по ограде и воротам погоста и предметам интерьера храма, и было «куплено в церковь окна три окольные»³². Таким образом, можно полагать, что именно в этот период храм претерпел основные изменения первоначального облика: получил обшивку, новые окна, новый каркасный иконостас с золоченой резьбой, существенно была поновлена колокольня. Скорее всего, тогда же его двувсходное крыльцо и переход в колокольню заменила небольшая паперть.

Новый этап строительных и ремонтных работ на погосте приходится на третью четверть XIX в. В 1859 г. священником и причтом составляется рапорт Благодичному, в котором храм называется «ветхим... от чего затруд-

²⁴ ГАНО. Ф. 480, оп. 5, д. 633 (Дело о выдаче книги дьячку Согинского прихода Олонецкого уезда Григорьеву В. для сбора денег на ремонт церкви. 1821—1822 гг.).

²⁵ НАРК. Ф. 700, оп. 1, д. 1/1 (Книга для записи прихода и расхода церковных сумм Согинского прихода Олонецкого уезда за 1812—1845 гг.). Этот и другие документы были впервые привлечены как материалы по строительной истории Согинской церкви Г. Г. Яковлевой при проведении историко-архивных исследований в рамках подготовки проекта реставрации интерьеров памятника в 1995 г. Однако опубликованы эти документы так и не были. См.: НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Ед. хр. 8—27 (Никольская церковь 1696 года с. Согиницы Подпорожского района Ленинградской области. НПД по реставрации. Р. II. Историко-архивные и библиографические изыскания. Т. 2, кн. 1. Архивные выписки и историческая иконография. ПИРФ «Традиция». 1995 г.).

²⁶ Там же. Л. 54.

²⁷ Там же. Л. 55.

²⁸ Там же. Л. 129, 130, 131, 134 об., 134а об.

²⁹ Носкова А. Г. Георгиевская церковь в Юковичах и Воскресенская в Важинах... С. 57—59.

³⁰ НАРК. Ф. 700, оп. 1, д. 1/1 (Книга для записи прихода и расхода церковных сумм Согинского прихода Олонецкого уезда за 1812—1845 гг.). Л. 129, 129 об., 130 об., 133 об.

³¹ Там же. Л. 141.

³² Там же. 145 об., 146, 146 об., 150, 153, 153 об., 157 об., 159, 160.

няется ... время отправления Богослужения, и особенно Божественной Литургии, а равно и охлаждается усердие православных притекать в Храм Божий...»³³. Вместо ремонта Никольской церкви причт просит построить новую церковь, на которую «испрашивается разрешение и собирается капитал, усердие прихожан заготовлен на месте и камень для фундамента»³⁴. Отметим, что к этому времени проект на строительство рядом с летним Никольским новым небольшим зимнего храма (а заодно и исправление колокольни) уже был утвержден³⁵. Церковь эта возводилась с 1861 г.³⁶ и была освящена во имя св. пророка Илии в 1864 г.³⁷ По окончании всех отделочных работ после освящения храма был создан Комитет по исправлению Никольской церкви³⁸, в результате работы которого в 1874—1875 гг. были исправлены обветшавшие к тому времени крыши и полы³⁹. Запись в приходо-расходной книге за 1876 г. уточняет, что расчет с крестьянином Феодосием Алексеевичем Ковровым был произведен «за поправку внутренности, потолков и полов» церкви⁴⁰.

В конце XIX в. церковь снова чинили: в 1893 г. она была выкрашена «как внутри так и совне»⁴¹, а в 1895 г. «распирившиеся стены скреплены железными болтами»⁴². Важные изменения, связанные уже не с самой церковью, а с ее внутренним убранством, произошли в 1897 г., когда иконостас был «возобновлен, выкрашен и позолочен»⁴³. За несколько лет до этого церковная ведомость фиксирует его плачевное состояние: «...Только иконостас и иконы обветшали и требуют исправления»⁴⁴. Визуальный осмотр сохранившихся памятников показал, что вместе с конструкцией иконостаса «исправлению»

³³ НАРК. Ф. 715. оп. 1, д. 1/1 (Сведения о состоянии церквей и причтов 6-го благочиннического округа Олонецкого и Лодейнопольского уездов Олонецкой епархии. 1859 г.). Л. 8.

³⁴ Там же.

³⁵ НАРК. Ф. 3, оп. 4, д. 12/47 (Дело об утверждении проектов и смет на постройку церкви и исправление колокольни в Согинском приходе Олонецкого уезда. 1857—1858 гг.). Л. 1—3.

³⁶ НАРК. Ф. 25, оп. 15, д. 66/1430 (Дело по рапортам благочинных и священников о состоянии дел в приходах Олонецкой епархии. 1861 г.). Л. 11 об.

³⁷ *Ходаковский Е. В.* Деревянная церковная архитектура Русского Севера XIX — начала XX века. Летопись храмостроительства. С. 174.

³⁸ НАРК. Ф. 700, оп. 1, д. 1/2 (Книга для записи прихода и расхода церковных сумм Олонецкого уезда Согинской Николаевской церкви. 1856—1877 гг.).

³⁹ НАРК. Ф. 25, оп. 12, д. 38а/156 (Ведомости о церквях 3-го благочиннического округа Олонецкого и Лодейнопольского уездов. 1874 г.). Л. 13; Там же. Оп. 20, д. 21/197 (Ведомости о церквях Олонецкого, Лодейнопольского уездов за 1878 г.). Л. 13.

⁴⁰ НАРК. Ф. 700, оп. 1, д. 1/2 (Книга для записи прихода и расхода церковных сумм Олонецкого уезда Согинской Николаевской церкви. 1856—1877 гг.). Л. 142 об.

⁴¹ НАРК. Ф. 25, оп. 20, д. 20/187 (Ведомости о церкви Святителя и Чудотворца Николая Согинского прихода Олонецкого уезда за 1868, 1897, 1899—1900, 1902—1904 гг.). Л. 3.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ НАРК. Ф. 25, оп. 20, д. 22/205 (Ведомость о церкви Святителя и Чудотворца Николая Согинского прихода Олонецкого уезда за 1890 год). Л. 1.

подверглись лишь иконы местного ряда. Иконы верхних рядов так и оставались под сильно потемневшим покровным лаком.

Летом 1900 г. был произведен ремонт церковной крыши на сумму, собранную сборщиком крестьянином Согинского прихода Андреем Репниковым в количестве 275 рублей⁴⁵. Скорее всего, тогда была разобрана верхушка шатра, и устроено сильно искажившее его силуэт несуразное завершение металлическим «кумпалом». По сведениям, полученным от местных жителей, в 1926 г. полностью перебран ярус звона и шатер колокольни, причем были утрачены ее резные столбы⁴⁶, зафиксированные на чертежах и фотографиях Д. В. Милеева 1906 г.⁴⁷

Церковь Согинского погоста была закрыта для богослужений в 1935 г.⁴⁸, а уже в следующем сотрудник Областного музейного фонда Ф. А. Каликин вывез наиболее древние иконы в Ленинград⁴⁹. В 1937 г. они поступили в Русский музей⁵⁰. Оставшиеся в храме части деисусного и пророческого рядов были перемещены в Важинскую Воскресенскую церковь только после войны, откуда позднее переданы в Государственный Эрмитаж⁵¹. Таким образом, на сегодняшний день известно около шестидесяти икон, происходящих из церкви: тридцать из них хранятся в Русском музее, остальные в Государственном Эрмитаже.

Иконописное убранство Никольской церкви никогда не исследовалось. Между тем мы имеем редкую возможность не только познакомиться с художественными особенностями отдельных памятников, но и найти каждой сохранившейся иконе место в интерьере храма. Резной иконостас церкви Святого Николая не сохранился, неизвестно также, когда именно он был

⁴⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 20/187. Л. 17.

⁴⁶ Андреева Л. А., Коляда М. И., Кондратьева Е. В. Ук. соч. С. 79.

⁴⁷ ИИАК. Пг., 1915. Вып. 57. С. 146—147; *Елишин Д. Д., Мелюх Е. А., Ходаковский Е. В.* Дмитрий Васильевич Милеев (1878—1914): Архитектурная археология и реставрация в России в начале XX века. СПб., 2015. С. 131—132.

⁴⁸ Земля Невская Православная. Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Краткий церковно-исторический справочник. СПб., 2000. С. 168. Известно, что в 1951 г. здание церкви было передано колхозу под склад. См.: НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Инв. № 487—4 (Подпорожский район Ленинградской области. Инвентаризация и разработка предложений по сохранению и использованию памятников истории и культуры. Р. II. Историко-архитектурные исследования, инвентаризация памятников и натурное обследование района. Т. II Кн. II. Натурное обследование Курповского сельсовета (северная часть). 1979 г.). Л. 29.

⁴⁹ Ф. А. Каликин побывал в Согинском погосте в сентябре 1936 г. В акте обследования от 1 сентября он зафиксировал и рекомендовал к постановке на государственную охрану и учет как сам Никольский храм, так и 36 «ценных вещевых памятников внутри церкви XV—XVIII веков». См.: НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Ед. хр. 487—14. Л. 2.

⁵⁰ Акт поступления в ГРМ: № 1477 от 25.06.1937. Всего по этому акту поступило пятьдесят икон из церкви дер. Шеменичи, с. Манихино, дер. Пирозеро, быв. Введено-Оятского монастыря.

⁵¹ *Косцова А. С.* Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа. Л., 1982. С. 15.

разобран. Побывавшая в Согиницах в 1946 г. экспедиция К. В. Лавриновича и М. Е. Успенской зафиксировала, что золоченый с витыми колонками иконостас «утратил свои царские и боковые северные двери», а также некоторые резные орнаментальные детали⁵². На обмерных чертежах, выполненных А. В. Ополовниковым в 1958 г., конструкций иконостаса не показано⁵³. Сотрудники Русского музея, посетившие Согиницы во время экспедиционного обследования в 1962 г., также отметили, что «икон и иконостаса в церкви не было»⁵⁴. Таким образом, предположительно, храмовый иконостас был демонтирован в 1950-х гг., возможно, после того, как последние иконы были вывезены в Важины.

Поскольку никаких сведений о раннем периоде существования церкви не сохранилось, можно только предполагать, каким было ее внутреннее убранство на момент строительства в конце XVII столетия. Архивные документы⁵⁵, подтвержденные материальными данными (сохранились характерные пазы), свидетельствуют, что первый иконостас церкви был тябловым⁵⁶. Размеры, конфигурация и расположение гнезд для крепления указывают на четырехъярусную конструкцию, относившуюся к первоначальному иконостасу и занимавшую три стены (восточную и примыкающие к ней юго-восточную и северо-восточную). Подобное размещение икон в интерьере, когда иконостас следует за конструктивными особенностями основного объема храма и располагается на нескольких гранях, было достаточно распространено на территории всего Русского Севера⁵⁷. Ширина одной грани Согинской церкви составляла около 4 м⁵⁸, таким образом, ширина всего иконостаса была около 12 м.

⁵² ГНИМА. Арх. 3099/63 (Лавринович К. В., Успенская М. Е., под руководством Забелло С. Я. Научный отчет о работе по изучению и фиксации памятников деревянного зодчества Карело-Ленинградской экспедиции Академии архитектуры СССР. 1946 г.).

⁵³ Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. С. 81; НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Инв. № 8—25 (Бывш. Никольская ц-вь в с. Согинцы Подпорожского р-на Ленинградской обл. Фасад северный. Продольный разрез. Обмер. М 1:50. (Ватман, картон, тушь). Канд. арх. Ополовников А. В. 1958 г.); ФФ НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Инв. № 8—29.

⁵⁴ ГРМ. Архив ОДРИ. Отчет экспедиции в Ленобласть в 1962 г. С. 4.

⁵⁵ НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Ед. хр. 487—14. Л. 5; ГНИМА. Арх. 3099/63, 3099/64 (Лавринович К. В., Успенская М. Е., под руководством Забелло С. Я. Научный отчет о работе по изучению и фиксации памятников деревянного зодчества Карело-Ленинградской экспедиции Академии архитектуры СССР. 1946 г.).

⁵⁶ Карело-Ленинградская экспедиция в наличнике двери кладовой опознала фрагмент древнего расписного тябла, зарисовав его растительный орнамент, выполненный «с большим мастерством». См.: ГНИМА. Арх. 1290/45 (Успенская М. Е. Фрагмент древнего тябла иконостаса. Зарисовка к отчету по Карело-Ленинградской экспедиции).

⁵⁷ Примером могут служить иконостасы церковей святого Николая в с. Зачачье Архангельской обл. (1687 г.), Покровской в селе Анхимово (1708 г.), Преображенской в Кижях (1714 г.) и др.

⁵⁸ При натурных исследованиях, проведенных в сентябре 2021 г., выяснилось, что ширина восточной стены — 4,64 м, северо-восточной — 3,9 м, юго-восточной — 3,96 м.

Первоначальный тябловый иконостас был заменен на каркасный при большом ремонте в Никольском храме в 1820-х гг.⁵⁹ (рис. 5, 6). Работу по созданию нового иконостаса поручили олонецкому мещанину Якову Пиртусову в 1821 г., которого почти в течение года приход церкви кормил «хлебом и харчами» на сумму 165 рублей⁶⁰. Согласно приходо-расходной книге, 1 июня 1822 г. ему было выплачено 800 рублей «за работу резного иконостаса» и еще 55 рублей за «вырезку райских дверей и золочение оных» в ноябре 1823 г.⁶¹ Сохранившиеся фотографии дают возможность предположить, что внешний вид резного золоченого убранства иконостаса был ориентирован на главный иконостас Воскресенской церкви в Важинах, поставленный мастером Петром Филипповым в 1817 г.⁶² Следует отдельно подчеркнуть, что данных о написании икон для нового иконостаса у нас нет, и это может свидетельствовать о том, что туда были перемещены иконы, прежде находившиеся в тябловом иконостасе.

Хранящаяся в Национальном архиве Республики Карелии церковная опись 1872 г. дает возможность с максимальной полнотой реконструировать не только иконостас, но и весь утраченный интерьер Никольского храма, а указание размеров всех перечисленных образов делает ее важнейшим источником для определения местонахождения в храме практически всех известных икон⁶³.

В центре небольшого алтаря находился престол с антиминсом, освященным 4 апреля 1831 г. епископом Олонецким и Петрозаводским Игнатием. За ним стояла традиционная пара выносных двусторонних икон («Богоматерь „Знамение“ — Вседержитель и св. Николай», не сохранилась) и креста. Запрестольный деревянный четырехконечный крест с изображением на одной стороне деисуса, а на другой Распятия с орудиями страстей в цен-

⁵⁹ Ширина иконостаса в начале XX в. составляла 17 аршин, высота — 7 аршин. Скорее всего, эти размеры не изменились с момента его поставления в 1821—1823 гг. См.: РГИА. Ф. 799, оп. 33, д. 1098 (Страховые документы на церковное имущество Олонецкого уезда и епархии, 1910 г.). Л. 97.

⁶⁰ НАРК. Ф. 700, оп. 1, д. 1/1 (Книга для записи прихода и расхода церковных сумм Согинского прихода Олонецкого уезда за 1812—1845 гг.). Л. 55.

⁶¹ НАРК. Там же. Л. 55, 118 об. На финской фотографии, сделанной в 1942 г., хорошо виден характер резьбы Царских врат, которые, очевидно, были ориентированы на Царские врата главного иконостаса Воскресенской Важинской церкви, но не являлись точной их копией (Копия фотографии размещена на сайте финского военного фотоархива [Электронный ресурс]. URL: www.sa-kuva.fi (дата обращения: 05.05.2023).

⁶² Две редкие фотографии начала и середины прошлого века с изображением иконостаса являются ценным источником для реконструкции внутреннего убранства Никольской церкви: ОФ НА ИИМК РАН. Нег. II 83990 (Согинский пог. Столб. Фото Д. В. Милеева. 1906 г.); ФФ НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Инв. № 8—6.

⁶³ НАРК. Ф. 25, оп. 12, д. 36/49 (Главная опись имущества церковей Согинского прихода Олонецкого уезда: во имя Святителя Николая Чудотворца, во имя Святого пророка Илии. Не ранее 1889 г.).

тральном круге и апостолами Петром, Павлом и Иоанном Богословом на концах боковых ветвей хранится ныне в ГРМ⁶⁴. На стенах алтаря располагалось несколько икон. Одна из них уверенно идентифицируется с иконой Русского музея — это образ «Спаса Нерукотворного», стоявший на горнем месте⁶⁵. По сторонам его находились иконы: «Богоявление» (справа) и «Николай Чудотворец» (слева, обе не сохранились). Над жертвенником располагалась икона «Успение». Размер, указанный в описи, отличается от размера хранящейся в фонде ГРМ иконы, поэтому можно только предполагать, что образ из Русского музея был алтарным⁶⁶. На правой стене находились иконы «Беседа Христа с Самарянкой» и «Илья пророк» (обе не сохранились).

Художественная доминанта интерьера — храмовый иконостас — вмещал в себя наибольшее количество икон (82). Из описи не очевидно, однако благодаря фотографии Д. В. Милеева становится понятно, что как первый тябловый, так и второй каркасный иконостас занимал три грани восьмерика, закрывая не только алтарь, но и примыкающие к нему стены. О характере его конструкций в описи сказано следующее: «Весь нижний ярус икон в резном позолоченном иконостасе... Иконы верхних ярусов в карнизах вызолоченных с резными столбиками»⁶⁷.

Иконостас Согинского храма был четырехъярусным и состоял из местного, праздничного, деисусного и смешенного ярусов; в последнем помещались иконы праотцев и пророков. Примечательно, что его структура не имела регулярного характера. Иконы трех верхних рядов не находились строго одна под другой, как это было, например, в иконостасе Преображенской церкви Кижского погоста, а, располагаясь в зависимости от ширины образа, создавали ритмически нестройную систему⁶⁸. Отметим, что верхний ярус доходил практически до самого потолка.

В местном ряду все образа находились в отдельных рамах «простой работы», лишь некоторые особо чтимые иконы были выделены позолоченными резными колонками. Так, судя по описанию, самой почитаемой в Никольском храме был житийный образ святителя Николая «на кипарисной доске» (не сохранился). Эта икона единственная имела серебряный оклад и была богато украшена: «Образ Святителя и Чудотворца Николая в чудесах на кипарисной доске вышиною 1 аршин в ширину 12 вершков [71,1 × 53,3 см],

⁶⁴ Там же. Л. 1 об. № 3—3; ГРМ, ДРЖ 1545. Размер: 148,4 × 68,3 × 3,3. Дерево, темпера.

⁶⁵ Там же. Л. 1 об. № 5—5. Размер, указанный в описи («в высоту 1 аршин и 1 вершок в ширину 13 вершков»), соответствует размеру иконы из собрания ГРМ, ДРЖ 1510. Размер: 75,5 × 57,5 × 2,0. Дерево, темпера. Частично раскрыта в реставрационной мастерской ГРМ А. Н. Захаровым в 1970 г.

⁶⁶ Размер, указанный в описи, — «в высоту 15 вершков, в ширину 12 вершков» — 66,6 × 53,3 см: НАРК. Там же. Л. 1 об.; ГРМ, ДРЖ 1482. Размер: 59,5 × 54 см. Дерево, темпера. Икона не реставрировалась.

⁶⁷ НАРК. Там же. Л. 8 об.

⁶⁸ Таким же нерегулярным был и пятиярусный иконостас Важинской Воскресенской церкви.

на нем риза серебряная непробная, с серебряными позолоченными тремя венчиками, двумя звездами и Евангелием, весу 6 фунтов 12 золотников, в киоте красного дерева»⁶⁹.

Согласно описи, в центре нижнего ряда стояли резные золоченные Царские врата с изображением Богоматери, архангела Гавриила и четырех евангелистов, над ними — резная вызолоченная сень и «резной же голубь»⁷⁰. Уточнение, что на вратах «все сии иконы круглые», не позволяет связать их с поступившими в Русский музей из Согинской церкви Царскими вратами⁷¹, поскольку они не соответствуют описанию. К тому же, фотография середины прошлого века подтверждает наличие в иконостасе поздних резных врат. Однако мы все же склонны полагать, что хранящиеся в музее произведения связаны с Никольским храмом и, возможно, стояли в первом тябловом иконостасе. Визуальный осмотр памятников показал, что сохранившиеся Царские врата и сень от них выполнены в той же мастерской, что и выносной запрестольный крест (ГРМ, ДРЖ 1545), а также житийный образ Николая Чудотворца (ГРМ, ДРЖ 1746) (рис. 7). На это указывает характер резного гравированного орнамента, украшавшего поля икон. Столбики врат стилистически близки к иконам деисусного чина (ГРМ, ДРЖ 1360—1368, 1451, 1768). В какой момент живописные Царские врата были заменены на резные золоченые, пока неизвестно. Вероятнее всего, изменения произошли при установке нового иконостаса в 1820-х гг. Однако, остается невыясненным, где на протяжении столетия находились первоначальные (?) врата, поскольку опись 1872 г. их никак не фиксирует. Вопрос остается открытым до появления новых данных.

Помимо двух обязательных врат (Царские и северные пономарские) в местном ряду иконостаса находилось 10 икон. Традиционно по правую сторону Царских врат располагался образ «Христос Вседержитель», «на нем венец и цата медные». Совпадение размера и наличие гвоздевых отверстий от цаты и венца дают нам основание уверенно связать с описанием икону из Русского музея⁷², как и следующий за ним храмовый образ святителя Николая «в чудесах» с медными венцом и цатой⁷³. За ним стояла икона «Воскресение Христово»⁷⁴, которая находилась уже на северо-восточной грани. Замыкали ряд упомянутая ранее житийная икона Николая «на кипарисовой доске»

⁶⁹ НАРК. Там же. Л. 7—7 об.

⁷⁰ Там же. Л. 7. № 22—1.

⁷¹ ГРМ, ДРЖ 1997, 2180, 1547 а, б.

⁷² НАРК. Там же. № 23—2; ГРМ, ДРЖ 1773. Размеры: 96 × 67 × 2,5. Дерево, темпера. Икона под поздней масляной записью.

⁷³ Там же. № 24—3; ГРМ, ДРЖ 1746. Размеры: 102 × 82 × 2,5. Дерево, темпера. Пробное раскрытие сделано в ГРМ С. Ф. Коненковым в 1954 г.

⁷⁴ Там же. № 25—4; ГРМ, ДРЖ 1829. Размеры: 132 × 110 × 3,5. Дерево, темпера. Пробное раскрытие в ГРМ Н. Е. Давыдова в 1937 г. и И. П. Ярославцева в 1970 г.

и большая икона «Огненное восхождение пророка Илии» (обе не сохранились).

Слева от Царских врат располагался образ Богоматери «Смоленская» (не сохранился), за которым следовали северные (пономарские) двери с изображением «Благоразумный разбойник»⁷⁵. За ними, по-видимому, уже на юго-восточной грани, находились четыре иконы: «Пророк Илия»⁷⁶, «Святитель Николай»⁷⁷, «Чудо Георгия о змие»⁷⁸ (рис. 8) и «Богоматерь «Тихвинская»⁷⁹. Идентичность размеров, указанных в описи, и размеров сохранившихся икон дает нам возможность соотнести их с иконами из собрания Русского музея.

Следует отметить, что все известные иконы нижнего ряда имеют характерную масляную запись, сделанную одномоментно и, вероятно, художниками одной мастерской (или даже одним мастером). Как уже было упомянуто, единственное документальное свидетельство о ремонте иконостаса относится к 1897 г. Вероятнее всего, именно тогда местные иконы, в отличие от верхних рядов, были переписаны в соответствии с художественными представлениями своего времени.

Согласно описи во втором ряду стояло «двунадесятых праздников Богородичных и Иоанна Предтечи, разного размера, всех двенадцать, писаны красками»⁸⁰. Обращает на себя внимание небольшое количество икон. При несложном подсчете получается, что общая длина ряда, даже с учетом ширины дополнительных членений между иконами, составляла около 6 м, что гораздо меньше заявленных 12 м. С одной стороны, допустимо предположить, что иконостас Никольской церкви на тот момент имел разную длину ярусов. Подобная неравномерная организация рядов не являлась большой редкостью и встречается, например, в церкви Воскресения Важинского погоста. Однако, учитывая фотографии, мы полагаем, что либо при составлении описи не были учтены другие иконы (например, не входившие в число

⁷⁵ Там же. Л. 7 об. № 29—8; ГРМ, ДРЖ 1742. Размер: 162 × 56 × 3. Дерево, темпера. Икона под сплошной записью XIX в.

⁷⁶ НАРК. Там же. № 30м9; ГРМ, ДРЖ 1346. Размер: 102 × 80 × 3,5. Дерево, темпера. Икона под записью XIX в. Пробное раскрытие — Н. Е. Давыдов в 1937 г., частичное раскрытие — Т. Д. Чижова в 1969 г.

⁷⁷ НАРК. Там же. № 31—10; ГРМ, ДРЖ 1309. Размер: 99,6 × 81,7 × 3,4. Дерево, темпера. Икона под записью XIX века. Пробное раскрытие Н. П. Ярославцева в 1969 г.

⁷⁸ НАРК. Там же. № 32—11; ГРМ, ДРЖ 1347. Размеры: 101,6 × 80,5 × 3,7. Дерево, темпера. Икона под записью XIX в. Два пробных раскрытия были сделаны Н. Е. Давыдовым в 1937 г., частично раскрыта в 1969—70 г. И. В. Ярыгиной. Сейчас икона находится в реставрационной мастерской на полном раскрытии, реставратор И. А. Ратников.

⁷⁹ НАРК. Там же. Л. 8 об. № 33—12; ГРМ, ДРЖ 1719. Размер: 136 × 108. Дерево, темпера. Икона под записью XIX века, не реставрировалась.

⁸⁰ НАРК. Там же. Л. 8 об. № 34—12.

двунадесятых праздников)⁸¹, либо во время ремонта в 1897 г. праздничный ряд был значительно увеличен.

Отсутствие в описи названий икон затрудняют их идентификацию, имеющиеся фотографии также не позволяют определить иконы всего чина. Уточнение о «разном размере» дает возможность предположить, что этот ряд был составным и разновременным. Вполне вероятно, что здесь находились иконы «Сошествие во ад, с Козьмой и Дамианом»⁸², «Успение» и «Огненное восхождение пророка Илии»⁸³, хранящиеся ныне в Русском музее. Обратим внимание, что указанные иконы имеют одинаковую высоту и разную ширину, что соответствует замечанию в описи. Ранее нами высказывалось предположение, что сохранившаяся икона «Успение» располагалась над жертвенником. Однако в качестве рабочей версии можно допустить, что икона во время составления описи могла находиться в алтаре, а при ремонте конца XIX в., в связи с изменением в праздничном ряду, была перемещена в иконостас и подтесана под общую высоту.

В центре следующего, третьего яруса располагалась икона «Отечество», по сторонам которой стояли «образа: Пресвятой Богородицы, Иоанна Предтечи, Архангеловы, Пророков, Апостолов и иных святых, всех двадцать восемь, в высоту каждый 1 аршин 7 вершков, в ширину 8 вершков»⁸⁴ (рис. 9, 10, 11). Всего из этого чина сохранилось 26 икон, 11 из них хранятся в Русском музее⁸⁵, и еще 15 — в собрании Государственного Эрмитажа⁸⁶. Обращает внимание развернутость чина, его состав, а также тот факт, что в центре находился не традиционный для деисуса образ Вседержителя или «Спас в силах», а «Отечество». При визуальном осмотре икон становится ясно, что деисусный чин состоял из двух разновременных комплексов. К более древ-

⁸¹ Это наиболее вероятное объяснение основано на наличии в ряду икон, не входящих в число двунадесятых праздников, таких как «Не рыдай Мене, Мати» и «Жены-мироносицы у гроба Господня», хорошо заметных на фотографиях.

⁸² ГРМ, ДРЖ 1573. Размеры: 60,7 × 40,7 × 3,2. Дерево, темпера. Икона сильно утрачена. Изображение раскрыто Н. Е. Давыдовым и Я. В. Сосиным в 1937 г. Предположительно, первоначально икона не входила в состав праздничного ряда, поскольку имеет поясные изображения святых Козьмы и Дамиана на верхнем поле, указывающих на заказной характер образа. Подобные иконы, как правило, находились в местном ряду или других частях храма. Однако в конце XIX столетия она вполне могла стоять в иконостасе среди других праздничных икон.

⁸³ ГРМ, ДРЖ 1431. Размер: 61,1 × 48,8 × 3,0. Дерево, темпера. Две пробные расчистки 1960-х гг. (точные сведения отсутствуют).

⁸⁴ НАРК. Там же. Л. 8 об. Позволим себе усомниться, что в деисусном ряду стояли иконы пророков, тем более что они называются после архангелов. Возможно, ошибка связана с тем, что иконы имели потемневшую олифу, а это делало невозможным распознавание имен предстоящих. На то, что живопись потемнела, указывает и фотография начала XX в.

⁸⁵ ГРМ, ДРЖ 1360 «Апостол Павел»; ДРЖ 1361 «Апостол Петр»; ДРЖ 1362 «Симеон Столпник»; ДРЖ 1363 «Архангел Михаил»; ДРЖ 1364 «Иоанн Предтеча»; ДРЖ 1365 «Архангел Гавриил»; ДРЖ 1366 «Богоматерь»; ДРЖ 1367 «Даниил Столпник»; ДРЖ 1368 «Князь Глеб»; ДРЖ 1451 «Князь Борис»; ДРЖ 1768 «Отечество».

⁸⁶ Косцова А. С. Древнерусская живопись... С. 15.

нему (первая половина XVII в.) относились центральные иконы «Отечество», «Богоматерь» и «Иоанн Предтеча», образы архангелов Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла, князей Бориса и Глеба, а также столпников Даниила и Симеона (все — в Русском музее). Ранее деисусный чин датировался концом XVI в.⁸⁷ Вопрос атрибуции требует уточнения, но уже сейчас очевидно его стилистическое сходство с иконами, происходящими из Воскресенского Важинского погоста, датирующимися второй четвертью — серединой XVII столетия⁸⁸. Возможно предположение, что ранние чиновые иконы были созданы для предшествующей Никольской церкви и перенесены в иконостас новопостроенного (1695) храма, где чин был дополнен специально написанными образами⁸⁹.

Традиционно икона «Отечество» являлась центральным образом праотеческого ряда. Помещение ее в центр деисуса достаточно редко, но возможно для XVII столетия. Причины, по которым в деревянном храме небольшого северного погоста появляется подобная икона, нуждаются в отдельном рассмотрении, однако отметим, что центральным образом деисусного чина Воскресенской церкви Важин также была икона «Отечество»⁹⁰. Вероятно, заказчики икон — прихожане Никольского храма — и в этом ориентировались на главную церковь Важинского погоста.

Последний ярус представлял собой смешанный ряд, в котором с двух сторон от центрального образа Богоматери «Знамение» располагались иконы пророков и праотцев. Согласно описи, в нем стояло 32 иконы. Состав чина и порядок следования невозможно реконструировать, не имея дополнительных данных⁹¹. Верхний ярус был самым небольшим в высоту — 75 см.

Несколько икон, хранящиеся ныне в Русском музее, находились «в прочих местах храма». Так, у правого клироса стоял образ «Троицы, шести праздников и избранными святыми»⁹². Над входом в паперть зафиксирована икона «с четырьмя святителями, но поверхности разобрать трудно»⁹³. Скорее всего, речь шла об изображении «Избранные святые: апостол Петр, апостол

⁸⁷ Смирнова Э. С. Живопись Обонежья. С. 129.

⁸⁸ ГЭ, инв. № ЭРИ 493, ЭРИ 442.

⁸⁹ Интересна характеристика Ф. А. Каликина поздних чиновых икон: «...Эта эпоха местных художников конца XVII века, простоватое и ремесленное мастерство без всякой претензии на искусство» (НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Ед. хр. 487—14. Л. 5).

⁹⁰ Иконостас Воскресенской Важинской церкви сохранился и по сей день находится на своем историческом месте. По мнению реставраторов ГРМ, посещавших Важины в 1960-х гг., иконы относятся к XVII в.

⁹¹ Около 15 икон чина поступило в Государственный Эрмитаж. См.: Памятники русской старины. Итоги работы экспедиций по сбору произведений древнерусского и народного искусства. Каталог выставки. СПб., 1993. С. 11, 42. Кат. 35.

⁹² НАРК. Там же. Л. 13. № 51—1; ГРМ, ДРЖ 1865. Размер: 105,8 × 33,7 × 3,3 см. Дерево, темпера.

⁹³ НАРК. Там же. Л. 13 об. № 62—12.

Павел, преподобный Дий, святой Трифон»⁹⁴ (рис. 12). Единственной иконой, местонахождение которой остается пока не совсем ясным, является поясной образ «Николай Чудотворец»⁹⁵. В описи икона с таким названием упоминается трижды: в алтаре по левую сторону иконы «Спас Нерукотворный», за левым столбом и над входом в церковь над дверями. Совпадение одного размера и наличие на иконе следов от басменного венца могут свидетельствовать о том, что икона из Русского музея в конце XIX столетия находилась за левым столбом храма⁹⁶.

Визуальный осмотр сохранившихся икон Никольской церкви Согинского погоста из собрания Русского музея, куда поступили ранние памятники, дает возможность сделать некоторые предположения относительно места и времени их создания. Основной комплекс этих икон относится к середине XVI—XVII в., ко времени постройки часовни, а затем первого храма в Согиницах. Художественные особенности большинства икон свидетельствуют либо о явном новгородском происхождении («Чудо Георгия о змие» (ГРМ, ДРЖ 1347), «Св. Николай» (ГРМ, ДРЖ 1247), «Св. Николай» (ГРМ, ДРЖ 1309), «Спас Нерукотворный» (ГРМ, ДРЖ 1510), деисусный чин (ГРМ, ДРЖ 1360—1368)), либо об ориентации на новгородскую живопись местных или иных северных иконописцев («Сошествие во ад», ГРМ, ДРЖ 1829; «Успение» ГРМ, ДРЖ 1482).

Изучение памятников иконописи Согинского погоста только начато, однако уже сейчас понятно, что продолжение работы позволит расширить представление о средневековой художественной культуре, существовавшей на территории Онежско-Ладожского межозерья.

⁹⁴ ГРМ, ДРЖ 1433. Размер: 60 × 42,5 × 2,8. Дерево, темпера. Реставрирована в ГРМ Н. В. Перцевым в 1964 г. (пробное раскрытие) и Ю. Г. Бобровым в 1968—1969 гг. (полное раскрытие).

⁹⁵ ГРМ, ДРЖ 1247. Размер: 77,2 × 53,0 × 2,7 см. Частичное раскрытие И. В. Ярыгиной в 1969 г.

⁹⁶ НАРК. Там же. Л. 13. № 54—4: «За левым столбом образ Святителя и чудотворца Николая на нем венец басмяный, вышиною 1 аршин 1 вершок, шириною 9 вершков [75,5 × 40,4]».

**Рис. 1. Церковь Свт. Николая Чудотворца в дер. Согиницы. 1695 г.
Фото И. А. Антроповой, 2020 г.**

**Рис. 2. Церковь Свт. Николая Чудотворца. Фото В. Коренькова, 1980 г.
НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.**

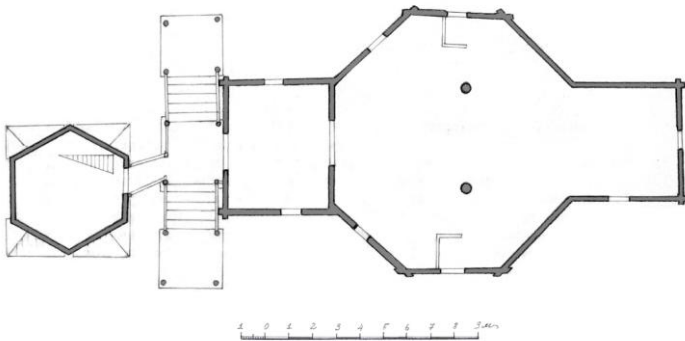
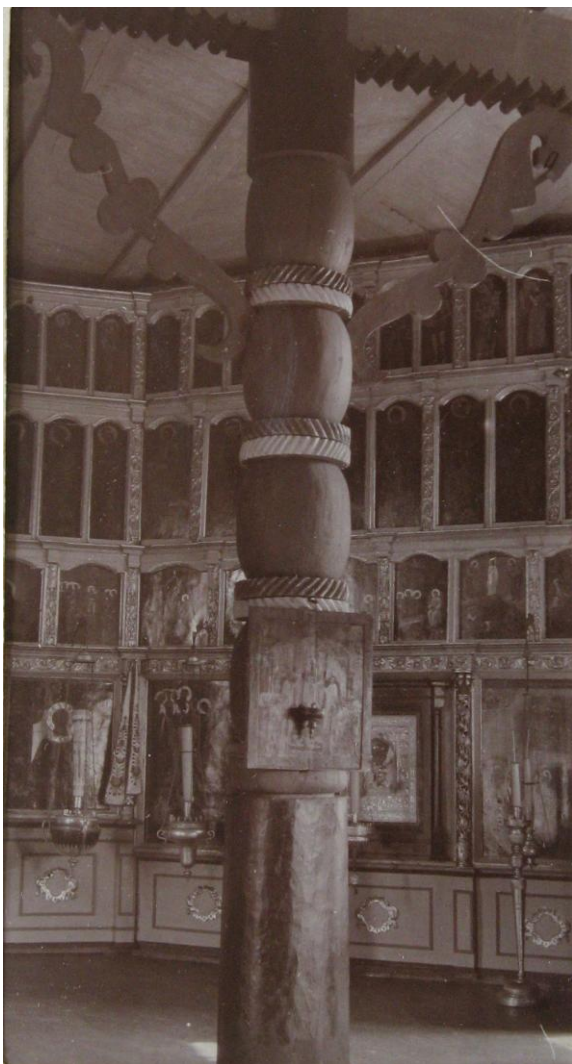

Рис. 3. План церкви. Рис. З.А. Тодоровой по материалам М. И. Коляды.

**Рис. 4. Интерьер основного объема церкви.
Фото И. А. Антроповой, 2021 г.**

*Рис. 5. Столб и фрагмент иконостаса. Фото Д. В. Милеева, 1906 г.
ОФ НА ИИМК РАН.*

Рис. 6. Фрагмент иконостаса. Фото сер. XX в. ФФ НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.

Рис. 7. Клеймо иконы «Свт. Николай, в житии». XVI в. ГРМ, ДРЖ 1746.

Рис. 8. Икона «Чудо Георгия о змие» из местного ряда церкви. Середина XVI в. ГРМ, ДРЖ 1347.

*Рис. 9. Икона «Богоматерь, из деисусного чина». Ок. середины XVII в.
ГРМ, ДРЖ 1366.*

Рис. 10. Икона «Архангел Гавриил, из деисусного чина».
Ок. середины XVII в. ГРМ, ДРЖ 1365.

Рис. 11. Икона «Архангел Гавриил, из деисусного чина». Фрагмент.

Рис. 12. Икона «Избранные святые: апостол Петр, апостол Павел, преп. Дий, св. Трифон». Конец XVI в. ГРМ, ДРЖ 1433

Г. И. Фролова

Внутреннее убранство церкви Святителя Николая Чудотворца дер. Вегорукса (первая половина XVIII в. — 1887 г.)

Аннотация: В статье представлен обзор иконописного убранства Никольской церкви в дер. Вегорукса. Обозначены иконографические особенности центральной иконы «неба» «Новозаветная Троица», соотнесение ее композиционного построения с другими иконами. Отмечена стилистика и специфика икон вегорукского «неба».

История церкви Святителя Николая Чудотворца в дер. Вегорукса прослеживается с первой половины XVIII в. Первоначально это была клетская часовня. Во второй половине XVIII в. к ней пристроили колокольню¹, а в 1887 г. к молитвенному помещению с восточной стороны прирубили алтарь, и часовня была преобразована в церковь.

На восточной стене, по данным архитектора Г. А. Кутьковой, сохранились гнезда для тябел первоначального трехрядного иконостаса и первоначального расположения «неба», которое на один венец было ниже последующего².

Основу интерьера кафоликона составлял трехъярусный ордерный золоченый иконостас с Царскими вратами, расположенными в глубине за счет широких боковых откосов (рис. 1, 2).

Перед Царскими вратами была устроена двухступенчатая солея. На клиросах размещалось по две хоругви и иконы в киотах. Трехъярусный иконостас по содержанию был четырехрядным: верхний ряд состоял из сдвоенных (двухчастных) изображений праздников и пророков. Иконостас имел продолжение на северной и южной стенах.

¹ НАРК. Ф. 126, оп. 1, д. 3/40, л. 29 об. 1865 г. («...При деревне Вегоруксы во имя святителя и Чудотворца Николая деревянная с таковою же колокольнею, твердая, построена издавна неизвестно кем»).

² Кутькова Г. А. Новые материалы по обследованию и реконструкции Никольской церкви в селе Вегоруксы // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 135.

На восточной стене в местном ряду было по две иконы и по одной иконе на откосах Царских врат. На фотографиях 1959 г. (рис. 1, 2) видно, что три иконы в окладах. Две из них определяются. На левом боковом откосе портала перед Царскими вратами находится образ Богоматери «Тихвинская», справа — храмовая икона с ростовым изображением Святителю Николая, по содержанию — либо «Николай Можайский с житием», либо «Николай Зарайский с житием». На третьей окладной иконе ростовая фигура святого с житием. Она расположена между образом Богоматери и иконой святого в рост, с развернутым вверх свитком, в длинном до пояса гиматии (или в мантии — достоверно определить по фотографии невозможно). Иконостас имел продолжение на боковых стенах.

На северной стене читается икона «Успение Богоматери», за ней расположена еще одна, более узкая по сравнению с предыдущей, икона. Она перекрыта своеобразными конструкциями. Иконы местного ряда располагались на высоких панелях, украшенных повторяющимся орнаментом с Голгофским крестом в центре. Панели под каждой иконой ограничивались резными консолями. Резные золоченые Царские врата с сенью занимали по высоте два яруса. В них было шесть круглых иконок, включающих сюжет «Благовещение» и изображения четырех евангелистов. Средний ряд состоял из деисусных икон, центр его занимала глубокая арка портала. Слева размещалось пять икон и три в завороте. Икона Вседержителя (оплечный вариант) — в центре верхнего (третьего) яруса. Этот ряд включал двухчастные иконы: сверху — победренные изображения пророков с хартиями в руках, внизу — праздничные композиции. Такого типа иконы имели широкое распространение в храмах Заонежья и в целом Обонежья³. Резная рама иконостаса со сложным антаблементом, колонками со сквозной резьбой виноградной лозы, двойными завитками на капителях, формой консолей напоминает декор иконостаса церкви Преображения Господня на о. Кижы. Углубленное относительно линии иконостаса размещение Царских врат — необычное явление для столярных рамных иконостасов заонежских деревянных храмов. Принимая во внимание позднюю установку Царских врат (1887 г.), можно предположить, что это своеобразная реплика более ранних форм врат с заглубленным арочным порталом.

Местонахождение иконостасных икон в настоящее время неизвестно.

Завершалось храмовое убранство потолочной живописью, где Творцу (иконография «Троица Новозаветная») предстоял ангельский чин (рис. 3). Иконы и тьябла «неба» вывезены в фонды музея «Кижы» в связи с их аварийным состоянием и попыткой хищения (две иконы были изъяты из церкви неизвестными лицами и обнаружены в сених заброшенного дома).

³ Например: в храмах дер. Типиницы, Яндомозеро, Онежаны, Тукса, Кондопога, Водлозеро и др.

Потолочная живопись состоит из медальона, 16 клиньев и 4 парусов. На медальоне изображена Троица Новозаветная.

Стилистически иконы «неба» напоминают иконы из иконостаса Троицкого собора Сыпанова монастыря, исполненные в 1679—1680-х гг.⁴ Композиционно вегорукский медальон «неба» «Троица Новозаветная» (рис. 4) и центральная икона «Троица Новозаветная» праотеческого ряда из Троицкого собора (рис. 5) однотипны. Эта иконография получила широкое распространение со второй половины XVII в. Примером для неё, по всей видимости, послужил образ 1666 г. работы Симона Ушакова (рис. 6). На рубеже XVII—XVIII вв. и особенно в XVIII столетии она получает распространение в заонежских храмах на «небесах» (часовни Спаса Нерукотворного в дер. Вигово, Петра и Павла на Волкострове и Николы Чудотворца в дер. Вегорукса, церкви Преображения Господня на о. Кижь)⁵, приобретая местные черты. Кижская икона-медальон (рис. 7) композиционно очень близка образу С. Ушакова.

Медальон вегорукского «неба» также очень близок указанным иконам, отличаясь в мелких деталях, например в прямоличности фигуры Саваофа. В этом плане он сближается с сыпановской иконой. Положение фигур у этих икон прямоличное, между ними — сфера с восьмиконечным крестом и образом Святого Духа. Они восседают на шестикрыльцах. Но есть и отличия. Крест на вегорукской иконе с атрибутами распятия. На иконостасной иконе нет престолов, которые в типичном для Заонежья виде — колес с крыльшками и глазами — изображены в ногах Спасителя и Саваофа.

Удлиненная форма сыпановской иконы предопределила сближение фигур, в то время как вегорукский медальон позволил разместить фигуры Христа и Саваофа просторно. В результате вегорукская композиция выглядит изящней. Легкость и изящество композиции усилены светло-нежным одеянием Саваофа. Он в белом хитоне с отделкой оплечья жемчугом и камнями, белом гиматии с голубыми складками. Его одежды украшены нежными травяными узорами, исполненными серебром. Есть сходство в колористическом решении, например — необычный цвет фона — розово-кирпичный, близки по форме и цвету завитки облаков. В обеих Троицах поза Саваофа и форма складок одеяния подобны. Здесь же отметим сходство в изображении одежд. В формировании гиматия вокруг плечей с покрытием одной руки прослеживается связь с подобными изображениями на иконах из иконостаса и «неба» кижской Преображенской церкви и на иконах из волжских регионов.

⁴ Костромская икона XIII—XIX веков / авт.-сост. Н. И. Комашко, С. С. Каткова. М., 2004. Кат. 112, 113. Ил. 172—182.

⁵ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. Иконы из собрания музея-заповедника «Кижь». Петрозаводск, 2008.

Композиция сыпановской иконы и вегорукского медальона в свою очередь аналогична кижскому преображенскому центральному изображению «неба».

Но фигуры Саваофа и Христа на кижской иконе слегка развернуты друг к другу, а на двух других они восседают прямолично. Различия в небольших деталях: кисть левой руки Саваофа на сыпановском образе и кижском медальоне в одинаковом благословляющем жесте, а кисть правой руки покоится на сфере. На вегорукском изображении в руке Бога Отца свернутый свиток, правой рукой он благословляет сферу.

Сопоставление личного письма на гранях «неба» и иконах праотеческого ряда сыпановского иконостаса также свидетельствует об их значительном сходстве. Особенно близко письмо лика праотца Вениамина⁶ из праотеческого ряда сыпановского иконостаса и лика Спаса в силах, костромского происхождения⁷, с живописными приемами письма ликов вегорукских ангелов, например — на раскрытой грани «Ангел» с хорошей сохранностью лика (КП-401/12). Белильные блики в виде тонкой штриховки здесь заменены мазками-высветлениями над бровями и на скулах, придающими ликам характерный объем и типаж.

Стилистическая близость костромским иконам, композиционная — кижскому медальону «неба» и поновления на гранях позволяют датировать «небо» первой половиной XVIII в. — временем строительства часовни.

Вокруг медальона на вегорукском «небе» изображены архангелы Михаил и Гавриил, ангел-хранитель и ангелы; на парусах — евангелисты и их символы.

Служение ангелов представлено, включая архангелов Михаила и Гавриила, разнообразно. Их позы со слегка склоненными головами как бы внемяют указаниям, они созерцают происходящее в церкви. Подтверждением тому служит текст на зеркале в правой руке архангела Михаила: «ВОНМЕМ БОГА ВСЕХ». Атрибуты в руках нескольких ангелов содержат страстную тему. Так, ангел держит атрибуты распятия: копьё и трость, другой — большой восьмиконечный крест. Архангел Михаил изображен в воинских одеждах с копьём. Есть ангел с маленьким красным восьмиконечным крестиком (рис. 8), изображение которого можно соотнести с темой мученичества, а образ ангела-хранителя с мечом в ножнах — с темой заступничества.

Своеобразно также включение в надписи литургических текстов в руках ангелов, например — воззвание: «Вонмем Бога всех» на иконе «Архангел Михаил»; «Хвалим, Тя благословим Тя, кланяемся, славослов...» на грани «Ангел»; «Свят, свят, свят Господь Саваоф» — на иконе «Архангел Гавриил».

⁶ Костромская икона XIII—XIX веков... Кат. 112. Ил. 180.

⁷ Там же. Кат. 113. Ил. 181—182.

Тесная связь ангелов с атрибутами в их руках с центральной композицией «Новозаветная Троица» прослеживается в ее иконографии на слова пророка Давида: «...Седи одесную Меня, доколе положу врагов твоих в подножие ног Твоих». Христос возносится на престол Саваофа после распятия и воскресения. Саваоф в данной иконографии восседает на силах небесных: херувимах, серафимах, престолах. Замоквое кольцо, в котором находится медальон, также обрамлено херувимами. Верх граней опять же включает серафимов и херувимов — верхнюю ступень иерархии небесных сил. Такое троекратно повторяемое изображение ассоциируется с наименованием Саваофа как Господа Сил, Господа Воинств в переводе с еврейского. По всей вероятности, такое содержание означает определенную программу вегорукского «неба», которая значительно отличается от других заонежских «небес» с изображением ангельского служения.

Одежды ангелов этого комплекса разнообразны (хитоны, туники, гиматии, далматики, воинские доспехи), отличаются богатством цветового решения и украшения. Например, архангел Гавриил изображен в красно-коричневом далматике, богато украшенном по оплечью, переду, поясу, поручам и подолу драгоценными камнями и жемчугом и зеленом гиматии. На иконе «Ангел-Хранитель» иконописец вначале нанес на плащ рисунок узора, затем поверх проработал складки красным цветом (сурик ?) разной плотности. Завершают письмо одежд лессировочные слои желтого колера на гиматии и серо-зеленого — на хитоне. Рисунок узора и «нежность» его исполнения напоминает травяные рисунки на одеждах и тканях икон из кижской Преображенской церкви. В оформлении материй туник, кольчуг, портов, сапожек много барочных узоров (рис. 8). Крылья ангелов светлые, с черневой штриховкой.

В живописном плане иконы значительно отличаются от других заонежских небесных комплексов, прежде всего колористической гаммой, в которой доминирует насыщенный цвет синего звездного неба. На этом фоне очень эффектно смотрятся светлые крылья ангелов, барочный орнамент кольчуги архангела Михаила, светлые пастельные тона одеяния ангела-хранителя. Не традиционно решены на гранях облака, на которых парят ангелы. Облака двух видов, они, подобно позему, занимают нижние части икон. Простейший набор из завитков на одних иконах чередуется на других набором из многослойных облачков, завершающихся трехлистниками. Их «пышность» строится послойным высветлением коричневого пигмента белилами, а необычность — в завершении белильными трехлистниками. Синие облака-завитки на парусах очень близки и по форме, и по цвету облакам в розово-оранжевом (опять же) сегменте с изображением Богородицы «Знамение» на иконе «Апостол Андрей Первозванный и святой князь Андрей Боголюбский» из Успен-

ского собора г. Владимира. Икона датируется серединой XVII в.⁸, что опять же подкрепляет вероятность исполнения вегорукских «небес» волжскими мастерами.

Эффектны на гранях этого «неба» изображения херувимов и серафимов (рис. 9, 10). Их фигуры крупные, выражение лиц необычное для заонежских икон «неба», особенно у серафимов.

В ореоле общего синего цвета фона и более темного оттенка крыльев лики серафимов, в основе письма которых темный оливковый санкирь, выглядят строгими, сосредоточено отстраненными, готовыми к служению. Направленный вверх, к Троице, взгляд и устремленное вверх крыло (как бы указующее) у некоторых шестикрыльцев усиливают эффект важности этих образов, их преисполненности своей ролью. Изображение Новозаветной Троицы в медальоне, напротив, отличается легкостью подачи, некоторой воздушностью, которая решается иконописцем светлым розово-кирпичным фоном рая, отсутствием трона (Саваоф и Христос восседают на парящих небесных силах) и одеждами Бога Отца, белым с серебряным травным узором, оттененным голубыми складками. Синий цвет хитона Христа, темно-синяя сфера со звездами и синий ромб восьмиконечной звезды у Святого Духа объединяют живопись медальона с письмом граней, образуя удивительно яркий и насыщенный по цвету образ космического пространства, наполненного ангельскими небесными силами.

Необычна также для Заонежья иконография и живописная трактовка парусов. Паруса этой потолочной росписи сочетают символические изображения евангелистов с их человеческим обликом. Евангелисты изображены поколенно, сидящими, в руках держат свитки, рядом с ними расположены их символы с закрытыми Евангелиями. Нехарактерный для «небес» светлый фон розово-кирпичного оттенка на парусах контрастирует с насыщенным синим фоном граней. В то же время переключка близких светлых цветовых пятен, гармонично расположенных по всему темно-синему «небу» (светлые крылья ангелов, отдельные одежды ангелов, нимбы, фон в медальоне и парусах), придают торжественную нарядность всей композиции. Цветовое разнообразие и богатство узоров на одеждах некоторых ангелов резко контрастируют с простым орнаментом на тьяблах, состоящим из повторяющихся листьев-завитков. На одном из тьябел наблюдаем необычное включение: оплечное изображение Христа-Еммануила в светлом медальоне.

В трапезной церкви вдоль восточной стены над дугообразным входом в кафоликон находились иконы небольшого размера. На фотографии 1943 г. запечатлено 14 икон (рис. 11). Можно определить образ Вседержителя, располагавшийся почти по центру; слева от него, вероятно, Богородица —

⁸ Иконы Владимира и Суздаля / М. А. Быкова, Е. В. Гладышева, А. А. Горматюк и др. М., 2008. С. 406, ил. 83.

оплечный деисусный вариант, крайняя справа Богоматерь «Знамение», пред-последняя слева — «Благовещение».

Экспедицией ГРМ в храме были выявлены древние иконы, которые поступили в ГРМ и МИИ РК: «Апостол Петр», кон. XIV—XV в. (ГРМ, инв. 2898)⁹, «Никола Чудотворец», XV в. (МИИ РК)¹⁰, складень «Илья Пророк, Никола, Иоанн Предтеча, Богоматерь «Знамение», втор. пол. — кон. XV в. (ГРМ, инв. 2901)¹¹, «Богоматерь «Знамение» (ГРМ, инв. 2900), кон. XV — нач. XVI в.¹²

Рис. 1. Общий вид иконостаса церкви Николая Чудотворца в дер. Вегорукса (из отчета Э. С. Смирновой, 1959 г. НМРК, НВФ-13422).

⁹ Датировка по: Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV—XVI веков. М., 1967. С. 27; Овчинников А. Н. Символика христианского искусства. М., 1999. С. 359.

¹⁰ Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV—XVI веков... С. 51.

¹¹ Смирнова Э., Лаурин В., Гордиенко Э. Живопись Великого Новгорода. М., 1982. С. 295.

¹² Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV—XVI веков... С. 52.

Рис. 2. Фрагмент иконостаса церкви Николая Чудотворца в дер. Вегорукса (из отчета Э. С. Смирновой, 1959 г. НМРК, НВФ-13422).

Рис. 3. Фрагмент «неба» церкви Николая Чудотворца в дер. Вегорукса (из отчета Э. С. Смирновой, 1959 г. НМРК, НВФ-13422).

Рис. 4. Медальон «Троица Новозаветная» Никольской церкви дер. Вегорукса (Кижы, КП-401/1).

Рис. 5. Икона «Троица Новозаветная (Сопрестоліе)» Троицкого собора Сыпанова монастыря.

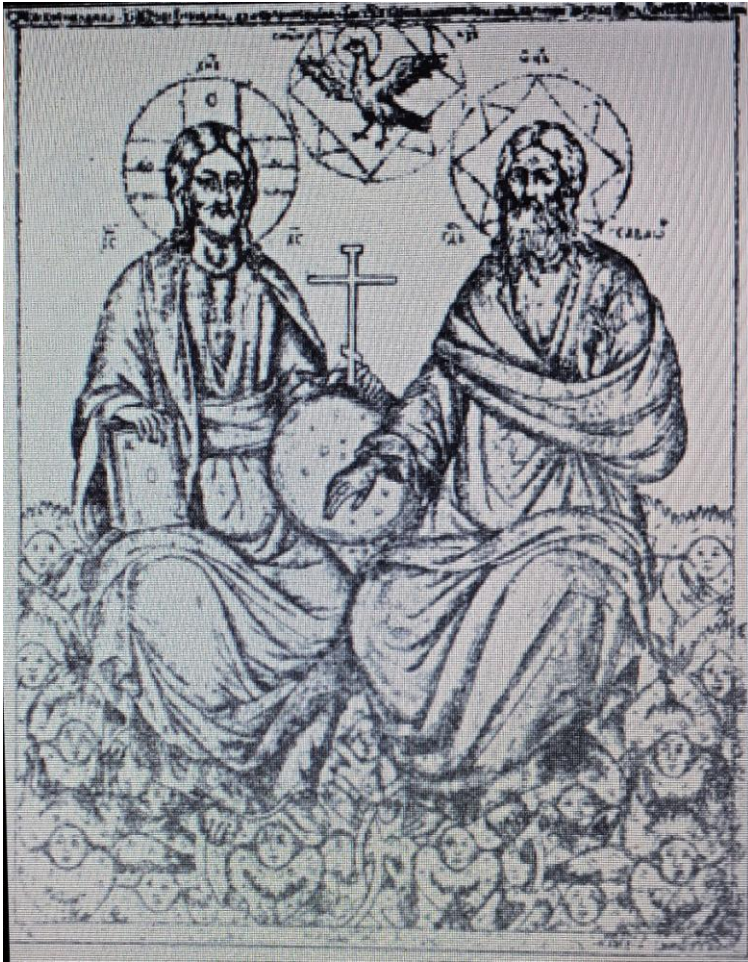

Рис. 6. «Святая Троица». Симон Ушаков, 1666 г. (по Д. А. Ровинскому).

Рис. 7. «Троица Новозаветная» из Преображенской церкви на о. Кизи.

Рис. 8. Фрагмент грани «Ангел» (Кизи, КП-401/12).

Рис. 9. Херувим. Фрагмент иконы «Ангел-Хранитель» (Кизи, КП-401/18).

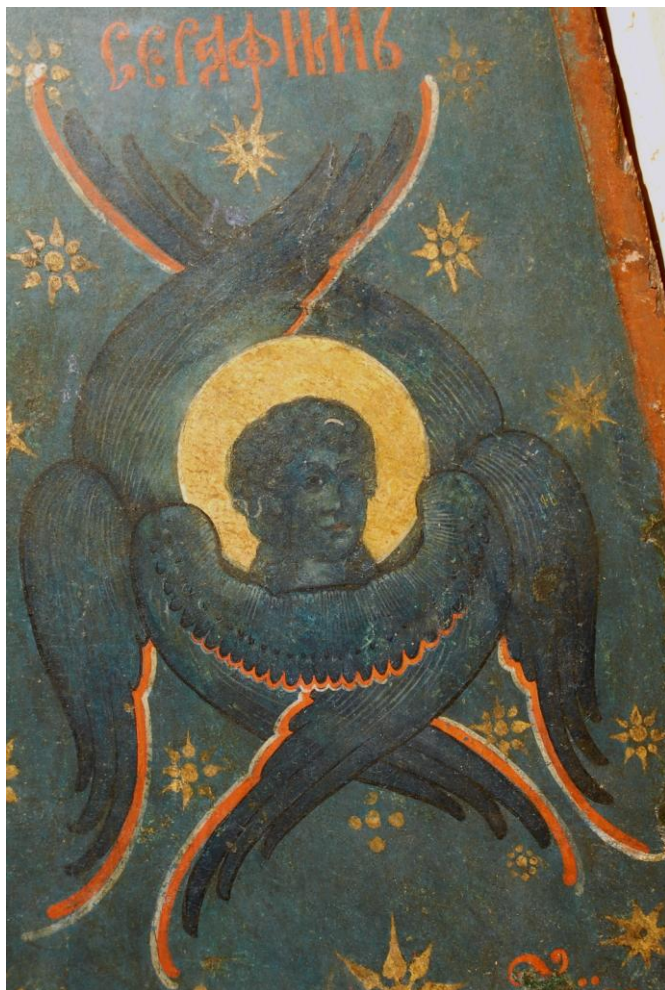

Рис. 10. Серафим. Фрагмент иконы «Архангел Божий» (Кизи, КП-401/14).

Рис. 11. Фрагмент интерьера церкви Николая Чудотворца в дер. Вегорукса (из материалов Л. Петтерссона, 1944 г. Кизи, НВФ-13867/87).

ИЗУЧЕНИЕ ФОНДОВОГО СОБРАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Л. В. Трифонова

Обзор крестьянской керамической посуды из Заонежья, Пудожья, промыслового Поморья и Южной Карелии в фондах музея «Кижь»¹

Аннотация. Обзор включает сведения о хранящихся в фондах музея «Кижь» предметах крестьянской керамической посуды: горшках, мисках, роговатиках, кринках, квашнях, сковородах, кисельницах и других.

Общие сведения о крестьянской посуде из керамики Олонецкой губернии

По своему функциональному назначению крестьянская повседневная керамическая посуда подразделяется на горшки для варки каш и щей, миски для топления молока и подачи пищи на стол, масленки для растапливания масла, роговатика для взбивания масла, глиняные сковородки для приготовления рыбы, квашни для жидкого овсяного теста, кисельницы — формы для киселя.

Наиболее распространенным в крестьянском быту сосудом для приготовления пищи был **горшок**. Слово горшок происходит от славянского слова «гъгн» (горн, горнец)². Первые глиняные горшки люди начали изготавливать в каменном веке. В горшках варили пищу в русской печи. Форма и материал горшка полностью соответствовали особенностям приготовления пищи в русской печи³. Малая теплопроводность керамики способствовала медленному, почти без кипения приготовлению блюда. Толстое днище горшка приводило к тому, что нагрев происходил по стенкам, а относительно узкая горловина уменьшала испарение и контакт с воздухом. Горшки редко украшались. Ведь почти всю свою жизнь они проводили в печи. Помимо печных горшков были горшки молочные, предназначенные для скисания молока.

¹ В статье анализируется состав коллекции с 1960-х до 2017 г. Обзор касается только повседневной крестьянской посуды из керамики. Технология изготовления крестьянской посуды автором не затрагивается.

² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 2007. Т. 1. С. 445.

³ Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2004. С. 160.

Треснувшие или расколотые горшки крестьяне оплетали берестой. Перед оплетением горшка берестой его черепки склеивали мучным или крахмальным клеем. Полоски бересты распаривали в воде, затем как можно сильнее натягивали берестяные ленты. Когда ленты высыхали, береста сжималась и настолько прочно стягивала черепки, что в горшок можно было наливать воду. Но чаще всего в таких горшках хранили сыпучие продукты⁴.

Миска⁵ — глубокая посуда для еды или топления молока. Название происходит от общеславянского «миса». Слово пришло на Русь через германские языки из народной латыни, где слово *mensa*, означавшее одновременно стол, кушанье, блюдо, являлось однокоренным с глаголом *metior* — измерять. По-видимому, когда-то миска служила мерой объёма, своеобразным измерительным прибором⁶. Подобное толкование этого слова дано и в «Новом толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой⁷. Появился этот сосуд в конце каменного века. Во II—I тысячелетиях до н. э. он уже встречался во многих археологических культурах. Различия между значениями слов «чашка» и «миска» чисто формальные. Чашка имеет более округлую форму, название происходит от слова «чаша», изначально обозначавшего сосуд, вырезанный из дерева. В этимологическом онлайн-словаре Н. М. Шанского указывается, что слово «чаша» произошло от славянского «кесати» — тесать, резать⁸.

Роговатик представляет собой горшок с носиком для сливания пахты во время взбивания масла. Для приготовления масла в роговатик наливалась сметана (или сливки), которая взбивалась мутовкой. Сбившееся в комок масло вытаскивалось, промывалось, пахта сливалась на пойло скоту.

Кринка — древний тип русской посуды, глиняный сосуд для хранения и подачи на стол молока. Имеет высокое, довольно широкое горло, плавно переходящее в округлое тулово. Форма горла, его диаметр и высота рассчитаны на обхват рукой. Молоко в таком сосуде дольше сохраняло свою свежесть, а при прокисании давало толстый слой сметаны, которую было удобно

⁴ Чернова М. Почему вологжане пеленали горшки [Электронный ресурс]. URL: https://vtchk.ru/articles/The%20thing/pochemu_vologzhane_pelenali_gorshki/ (дата обращения: 12.09.2022).

⁵ Кроме миски существовала такая разновидность, как чашка, имевшая, как правило, полусферическую форму и небольшой поддон. Понятия эти часто путаются. Миски называются чашками и наоборот.

⁶ Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D0%BC/%D0%BC%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 12.09.2022).

⁷ В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой дается следующее толкование слову «миска»: 1. Предмет домашней утвари в виде широкой и глубокой чашки. 2. Количество чего-то, вмещающееся в такой сосуд. (См.: Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2015. Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinedic.net/efremova/page/word45577.php> (дата обращения: 12.09.2022).

⁸ Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М.

снимать ложкой. По свидетельствам археологов, была известна еще в X—XIII вв.⁹

Масленка — небольшого размера круглая емкость с ручкой и сливом. Предназначалась для растапливания масла. Топленным маслом смазывали выпечку, его добавляли в готовые блюда (например, в горячий ржаной или овсяный кисель).

Квашня — глиняный сосуд конусовидной формы для затворения хлеба и жидкого овсяного теста. Овсяные блины были любимым блюдом во многих регионах Олонецкой губернии. Характерная черта этого сосуда в Пудожском районе — ряд волнистых линий, расположенных в верхней части сосуда чуть ниже венчика.

Сковорода — глиняный сосуд овальной формы с низкими бортами. Иногда торцы могли быть слегка заострены. Предназначалась для тушения и жарки рыбы. Неслучайно в Пудожье такая сковородка получила название «жарёжка», в Поморье — «латка»¹⁰. Латка — это древнее название глиняной сковороды продолговатой формы с крышкой, под которой продукт не жарился, а парился в собственном соку. Латки широко бытовали на Руси в XV—XVII вв. В крестьянском хозяйстве использовались вплоть до середины XX в. В современных северных говорах слово сохранилось до сих пор. Им обозначают посуду, в которой жарят рыбу. По форме латки могли быть круглыми или овальными¹¹.

Кисельница — глиняная миска овальной или круглой формы для киселя. В крестьянском быту чаще встречались кисельницы с бортами ложчатой разделки. Кисель готовили из овсяной муки с добавлением меда. Тесто вливали в кисельницу и ставили в печь. Когда кисель остывал, его переворачивали на тарелку. Ели кисель с молоком, поэтому на тарелке каждый кусок киселя возвышался над молочной заливкой, как остров с крутыми берегами. По-видимому, именно это блюдо послужило поводом для рождения известного сказочного образа «молочных рек с кисельными берегами». Кисель всегда завершал праздничную крестьянскую трапезу. Он подавался в конце после всех блюд как намек гостям на то, что праздник окончен¹². В Нижегородской губернии он даже имел в народе название «выгонщик»¹³. Подтверждение этому в местной традиции мы находим в ОГВ — в материале «Праздники у карел», опубликованном в № 86 за 1894 г. У пражинских (ведлозерских)

⁹ Русская изба... С. 221.

¹⁰ Русская изба... С. 237.

¹¹ Латка: общие сведения [Электронный ресурс]. URL: <https://svetorusie.livejournal.com/489746.html> (дата обращения: 12.09.2022).

¹² Грачева М. П. Смысл и значение орнамента кисельниц из коллекции Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Культурологический журнал. 2021/4 (46). С. 3. [Электронный ресурс]. URL: http://cr-journal.ru/files/file/12_2021_15_49_49_1638708589.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

¹³ Там же. С. 3.

карел в конце праздничного обеда «подавали овсяный кисель с молоком или в случае поста с репным суслом реже с разведенной водой патокой»¹⁴. Бытовали у крестьян и кисельницы, предназначенные для ритуального овсяного киселя на поминках. На дне их помещалось углубленное рельефное изображение рака или рыбы. Они встречались в Калужской, Петербургской и Олонецкой губерниях¹⁵. Кисельницы с изображением рака имеются в собрании Вологодского краеведческого музея¹⁶ и музея-заповедника «Кижь»¹⁷.

В разных регионах Олонецкой губернии существовали свои местные названия посуды. Так, в Заонежье «роговатик» иногда называли «носатка»¹⁸, миски именовались «блюдьями»¹⁹, чашки для молока — «латками»²⁰. В Пудожье «латками» называли большие глиняные квашни хлебной закваски и жидкого теста для овсяных блинов. В Заонежье бытовало понятие «киноваренный горшок»²¹ и «киноваренная чашка»²², то есть горшок и чашка из красной глины. В заонежском селе Великая Губа «чашками» называли трапециевидной формы миски с высокими прямыми бортами, в которых ставили отстаивать молоко²³. В Пудожье сковородка для жарки рыбы имела название «жарёжка», в Поморье — «латка». Миски в Поморье — в селах Нюхча, Шижня и Шуерецкое — называли «крынками»²⁴. Большая чашка с жидкостью (молоком, простоквашей, квасом и т. д.), которую ставили во время трапезы на стол, в Заонежье называлась «питной чашкой»²⁵. Горшки среднего размера, предназначенные для варки каши, звались в Пудожье «кашниками», а для варки мяса — «мясниками». Форма для киселя в Гридино (Поморье) называлась «тазок»²⁶. У карел-людигов горшок назывался

¹⁴ П. М. Из быта и верований карел Олонецкой губернии. Праздники карел // ОГВ. 194. № 86. С. 10.

¹⁵ Сафонова Г. Б. Традиционная обрядовая керамика Древней Оки [Электронный ресурс]. URL: <http://kokm.ru/ru/po/125/tr/> (дата обращения: 12.09.2022).

¹⁶ Коллекция керамики Вологодского музея-заповедника. Онлайн-экскурсия хранителя коллекции керамики Логиновой А. Н. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sJFTZ198_iA (дата обращения: 12.09.2022).

¹⁷ Коллекция керамики музея-заповедника «Кижь», КП-2548.

¹⁸ Экспедиционный дневник Трифоновой Л. В. Поездка в Кузаранду. 1989. Хранится в личном архиве автора. Информатор Туркина М. А. (1926 г. р.), дер. Угольская, с. 16.

¹⁹ Там же. Информатор Якушева Е. А. (1907 г. р.), дер. Юсова Гора, с. 17.

²⁰ Там же. Информатор Бажонова М. Н. (1916 г. р.), дер. Вицино, с. 21.

²¹ Там же. С. 21.

²² Там же. Информатор Якушева Е. А. (1907 г. р.), дер. Юсова Гора, с. 17.

²³ Сведения Ванчуровой из Великой Губы. См.: КАМИС, КП-5151.

²⁴ Сведения из КАМИС (КП-3221-3224; КП-3582-3590 — Нюхча; КП-2325-2328; 2344 — Шуерецкое; КП-3582-3550 — Шижня).

²⁵ Экспедиционный дневник Трифоновой Л. В. Поездка в Кузаранду, 1989 г. Хранится в личном архиве автора. Информатор Бажонова Матрена Николаевна (1911 г. р.) из дер. Вицино, с. 25.

²⁶ Все остальные заонежские и пудожские названия заимствованы из экспедиционных карточек в КАМИС.

pada, миска — bljude. У карел-ливвиков миска — jode, чашка — caska, роговатик — пепарада.

На территории соседних с Олонецкой губерний ассортимент крестьянских глиняных изделий сохранялся. Сохранялись или были похожи по звучанию их названия. В Архангельской и Олонецких губерниях совпадали названия квашни, кисельницы, сковороды, латки, горшка, кашника, кринки. Печной горшок у архангелогородцев назывался варочным, роговатик — роговиком, масленка — масленником. Миски архангельского Поморья, как и промыслового Поморья Олонецкой губернии, назывались кринками²⁷. С Вологодской губернией отличий в названиях больше. Общими были названия сковороды, латки и формы для киселя — кисельницы. У вологжан квашня называлась опарницей, роговатик — подойником, масленка — топником, кринка — молочником. Печные горшки, как и у архангелогородцев, назывались варочными²⁸.

Помимо наиболее востребованных в быту сосудов существовали **корчаги** — объемные керамические сосуды для нагревания воды, варки пива, кваса. Встречались высокие продолговатой формы сосуды для хранения сыпучих продуктов, а также **кубышки** для хранения жидкостей и масла²⁹, напоминавшие по силуэту античные амфоры. Хотелось бы отметить, что образ античных сосудов сквозит в форме многих крестьянских изделий конца XIX — начала XX столетий. Эти формы, завезенные в Новгород в X—XI вв. из Византии, и переплавленные в горниле новгородской культуры, вплоть до XVI в. оказывали влияние на гончарную традицию Русского Север, и в частности Олонецкой губернии, — о чем и свидетельствуют изыскания карельских археологов конца XX — начала XXI в.³⁰ После периода разорения — после Ливонской войны и Смутного времени XVII в. — прекратили существование местные центры гончарного производства. Затем новгородское влияние сменилось московским, что сказалось на изменении технологических и стилевых особенностей посуды, производившейся в центрах, снабжавших посудой Заонежье³¹ и большую часть Олонецкой губернии.

²⁷ Малые Корелы. Музей деревянного зодчества. Гончарная керамика [Электронный ресурс]. URL: <https://collections.korely.ru/entity/ALBUM/410853?index=3> (дата обращения: 12.09.2022).

²⁸ Коллекция керамики Вологодского музея-заповедника. Онлайн-экспурсия хранителя коллекции керамики Логиновой А. Н.

²⁹ В конце XIX — начале XX в. в них чаще всего хранили деготь.

³⁰ Спиридонов А. М. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 302—303; Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в IX—XVI веках (археология Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. С. 9—12.

³¹ Спиридонов А. М. Средневековые поселения... С. 303.

Общий обзор крестьянской керамической посуды из фондов музея «Кижь» (Заонежье, Пудожье, Поморье³², Южная Карелия)³³

В результате анализа коллекции посуды в собрании музея «Кижь» выяснилось, что из Заонежья происходят 94 ед. крестьянской керамики, из Пудожья — 137, из промыслового Поморья — 66, из Олонецкого района — 58, из Пряжинского — 36, из Кондопожского — 29.

По своему функциональному назначению предметы керамики из кижского собрания подразделяются на утварь, связанную с приготовлением пищи в русской печи и замешиванием хлеба, посуду, связанную с отстаиванием и скисанием молока и изготовлением масла, и посуду, предназначенную для подачи пищи на стол во время традиционной трапезы.

Пищу в русской печи варили в горшках. В них варили кашу, запаривали репу, калину, загусту из ржаной муки. В больших горшках, которые назывались мясниками, варили суп. Кстати, мясников в коллекции керамики только четыре: один происходит из Заонежья, из дер. Паяницы (№ 228/64), и три из Пудожского района: г. Пудожа (КП-194/8), дер. Кубовской (КП-1332) и дер. Ершово (КП-188/32). Горшки среднего размера (9,5 × 18 см) в Пудожье назывались кашниками и, по-видимому, действительно предназначались для варки каши. Интересно отметить, что в средних губерниях России горшки-кашники в отличие от пудожских чаще всего имели ручки. Молоко в печи крестьяне топили в мисках, легко узнаваемых по черным закопченным бортам с толстым налетом жира. Во всех интересующих нас коллекциях таких мисок около 40. Жидкое тесто для овсяных блинов у карел и русских замешивали в больших горшках-квашнях (25,5 × 31 см). В них же затворяли закваску для выпечки хлеба. Из Южной Карелии их насчитывается 6, из Заонежья — 1, из Пудожья — 12. Пудожане называли такие горшки латками. Из Поморья и Пудожья происходят керамические сковородки для жарения рыбы (4 ед. хр.). Специальные формы для приготовления овсяного или ржаного киселя хранятся в олонцкой (2), поморской (2) и заонежской (1) коллекциях. В Олонце эти формы чаще предназначались для приготовления киселя и пасхи, в советский период для выпечки сдобы, в Поморье — для приготовления киселя и пасхи. Заонежская форма для поминального киселя происходит из дер. Онежаны — из дома знаменитого богача Карманова. На дне формы помещено изображение рака. Застывший кисель переворачивали на блюдо, и сверху на нем рельефно красовалось изображение, выдавленное на дне кисельницы.

Для отстаивания и скисания молока использовались миски (чашки) или горшки (примерно 138 во всей коллекции)³⁴. В Пудожье, Заонежье и Поморье

³² Понятие Поморье в данном обзоре включает в себя села промыслового Поморья (Гридино, Кемь, Кереть, Шуерецкое, Сумпосад, Шижня, Нюхча).

³³ Понятие Южная Карелия включает в себя Олонецкий, Пряжинский и Кондопожский районы.

³⁴ Приблизительно 53 молочных горшка и 104 молочных миски.

для этих целей дополнительно применялись кринки и кувшины (Пудожье — 2 кринки, 1 кувшин; Поморье — 1 кринка, 2 кувшина; Заонежье — 1 кринка, 1 кувшин). Масло во всех регионах сбивали в роговатиках (Пудожье — 19, Заонежье — 12, Поморье — 6, Кондопожский район — 1, Олонецкий — 6, из Пряжинского района роговатиков нет).

В каждой коллекции имеется посуда для подачи пищи на стол³⁵. Жительница дер. Юсова Гора из Заонежья Якушева Е. А. (1907 г. р.) назвала их «блюдья». Отдельно выделялась посуда, в которой подавали на стол сметану и масло³⁶. Миски побольше (13 × 23 см) использовались как «питные» чашки (пудожское название). В них наливали молоко или простоквашу, из которых, прихлебывая, запивали основную еду, например загусту. Миски, в которых ставили скисать молоко, назывались в Заонежье «латки». Это сообщила нам жительница заонежской дер. Вицино Бажонова Матрена Николаевна (1911 г. р.). По свидетельству источника 1931 г., загусту ели с простоквашей и маслом. Растопленное масло подавали на стол в керамических масленках. Заонежские и карельские масленки имеют с одной стороны небольшой слив, с другой — круглую, слегка заостренную к концу ручку. Поморские в отличие от заонежских не имеют ручки, только слив. В Пудожье встречаются и те, и другие. Кроме того, в Пудожье и у карел встречаются масленки с носиком, как у роговатика. В пудожской коллекции собрано 10 масленок, в заонежской — 6, в поморской — 2, из Южной Карелии происходят 7 единиц. На стол во время трапезы выставляли солонки. Две керамические солонки имеются в заонежской коллекции, одна в пудожской. Из Пудожского района (Канзанаволок и Кубово) происходят две миски, предназначенные специально для подачи на стол рыбы. В поморской коллекции имеется единственная детская миска.

Кроме того, в коллекции встречаются цилиндрической формы ёмкости для хранения сыпучих продуктов (Заонежье — 14, Поморье — 1, Олонец — 1), ёмкости для переноски молочных продуктов (Олонец — 1) и тазы (Шуерецкое — 1).

Форма предметов традиционная, но имеет некоторые региональные особенности. В Заонежье и Южной Карелии бытуют миски двух видов — с силуэтом трапезиевидной формы и в форме чашки с округлыми бортами. Размеры в среднем 10 × 11 и 13 × 23 см. Горловина заонежских и южнокарельских горшков и мисок имеет венчики, предохраняющие край от обкалывания. У пудожских и поморских горшков и чашек встречается смешанный вариант с наличием и отсутствием венчиков. В Поморье миски имеют широко раскрытые борта. Края мисок неровные, ощущается рукотворность

³⁵ Около 40 ед. хр.

³⁶ 6 ед. хр.

процесса изготовления изделия. Самая изящная по форме посуда — поморская и пудожская.

Коллекция крестьянской керамической посуды из Кондопожского района

Коллекция кондопожской керамики насчитывает 29 единиц посуды.

Печные горшки — 8.

Молочные горшки — 5.

Горшок для замешивания теста — 1.

Миски для молока — 10.

Миска для топления молока — 1.

Роговатик — 1.

Масленок — 1.

Кубышки для жидкостей (дегтя) — 2.

Форма. Цвет поливы. Декор

Кондопожские миски в основном имеют трапециевидную форму. Встречается тип чашки со слегка скругленной линией бортов. Значительная часть горшков с плечиками, но имеются также горшки трапециевидной формы. Большинство горшков завершается венчиками, но не имеет основания. Один горшок (КП-337/73) оплетен берестой. Масленок, в отличие от заонежских и пудожских, без ручки.

В кондопожских изделиях преобладает темно- или светло-коричневая полива. Горшок (КП- 337/80, рис. 1) из дер. Ковкойсельга покрыт розовой глазурью. Такой же розовой поливой покрыта внутренняя поверхность еще одной миски (КП-337/78) из дер. Ковкойсельга. Кубышка КП-337/24 (рис. 2) для жидкостей (дегтя) имеет темно-коричневую поливу, а кубышка КП-781 (рис. 3) — зеленовато-желтую.

Орнаментация кондопожской керамической посуды довольно скромная. Несколько изделий декорировано врезанными в тесто горизонтальными линиями. Это кубышка для дегтя из Кавгоры (КП-781, рис. 3) и горшок из Ковкойсельги (КП-337/70, рис. 4). Необычно украшены горшок (КП-146/1, рис. 5) и миска (КП-146/2, рис. 6) из Ригасельги. По центру тулова этих изделий пущена полоса орнамента в виде раппорта небольших рельефных кружков, выполненных при помощи штампа.

Коллекция керамической посуды из Пряжинского района

Коллекция пряжинской керамики насчитывает 36 единиц посуды.

Печной горшок — 1.

Молочные горшки — 5.

Горшок для замешивания теста — 1.

Миски для молока — 12.

- Миски для топления молока — 5.
Миски для подачи пищи на стол — 8.
Масленки — 2.
Бочонок для жидкостей (дегтя) — 1.
Бутыль для масла — 1.

Форма. Цвет поливы. Декор

Среди пряжинских мисок преобладает форма чашки со скругленными бортами. Встречаются миски трапециевидной формы. Горшков в коллекции мало. Миски и горшки чаще всего имеют основания и венчики. Один масленок традиционной формы со сливом и круглой слегка заостренной к концу ручкой.

Полива на пряжинской посуде темно-коричневая, темно-бордовая, в отдельных случаях почти фиолетовая.

Орнаментированных предметов в коллекции немного. Декор из вдавленных в тесто горизонтальных и волнистых линий украшает бочонок для жидкостей (КП-980, рис. 7) из дер. Кашканы. Роспись ангобами дополняет образ двух изделий пряжинской посуды: миску (КП-217/79, рис. 8) из дер. Ламби-наволоч и миску (КП-217/83, рис. 9) из дер. Кормелисто. В первом случае это три отстоящие друг от друга концентрические окружности, выполненные белым и голубым ангобом на внутренней поверхности бортов миски. Во втором случае роспись сделана на дне миски. Мастер написал голубым ангобом цветок в окружении концентрических окружностей.

Коллекция керамической посуды из Олонецкого района

Коллекция олонечкой керамики насчитывает 58 единиц посуды.

- Горшок для замешивания теста — 4.
Горшок для подачи на стол сметаны и масла — 1.
Горшок для переноса молочных продуктов и кваса — 1.
Печные горшки — 10.
Горшки для молока — 9.
Кисельница (форма для пасхи) — 1.
Кисельница (по легенде советского периода — посуда для выпечки фигурной сдобы) — 1.
Емкость для сыпучих продуктов — 1.
Миски для молока — 2.
Миска для топления молока — 1.
Миски обеденные — 12.
Миска для хранения масла — 1.
Роговатки — 6.
Масленки — 4.
Кубышки для жидкостей (дегтя) — 4.

Форма. Цвет поливы. Декор

Преобладают чашки с округлыми бортами, но встречаются и миски трапециевидной формы. Большинство мисок и чашек имеют основания и венчики. Горшки традиционной формы со слабо выраженными плечиками, чаще без основания. Есть в коллекции и одна чашка (КП-263/68) с плечиками. Масленки встречаются трех видов: традиционные с ручкой и со сливом, только со сливом или в виде чашки без слива.

У олонечских изделий преобладает полива темно-коричневого цвета. Встречаются изделия с темно-бордовой и фиолетовой поливой. Горшок-полевик для переноски молочных продуктов и кваса (КП-331/37, рис. 10) покрыт зеленой поливой, чашка (КП-160/10) — светло-кофейной.

В отдельных изделиях декоративную роль играют детали формовки самого объема предмета: ложчатая разделка наружной части корпуса формы для киселя (пасхи; КП-331/42, рис. 11) из дер. Гушкалы и кисельницы (использовалась позднее для выпечки фигурной сдобы; КП-263/72, рис. 12) из дер. Верховье³⁷, а также волнообразное оформление края (КП-160/12, рис. 13) миски для подачи на стол сметаны из Утозера. Миска дополнительно украшена широкой полосой матовой глазури бело-салатного цвета.

Традиционным способом декорации керамических изделий являются вдавленные в тесто горизонтальные полосы на плечиках горшков из деревень Кукшегоры (КП-256/165), Ньюхово (КП-398/12) и Гушкалы (КП-331/38). Волнообразными линиями украшено тулово кубышки для жидкостей (КП-399/43, рис. 14).

Роспись ангобом имеется только на одном изделии — роговатике из дер. Гижино. Выполнена в виде раппорта из белых кружочков с черной серединкой и пятилепестковых точечных цветков. Отдаленно напоминает оятские росписи.

Коллекция керамической посуды из промышленного Поморья

Понятие Поморья в данном обзоре включает в себя промышленные села по берегам Белого моря в Беломорском, Кемском и Лоухском (Кереть) районах Карелии.

Коллекция поморской керамики насчитывает 66 единиц посуды.

Печные горшки — 2.

Горшок для молока — 1.

Кисельницы (формы для пасхи) — 2.

Сковородки для приготовления рыбы — 3.

Емкость для сыпучих продуктов — 1.

³⁷ Скорее всего, изначально это тоже форма для пасхи. Видимо, информатор вспомнил только ее последнее использование — для выпечки сдобы.

- Миски для молока — 24.
Миски для топления молока — 11.
Миски для приготовления пищи — 6.
Миска детская — 1.
Роговатки — 7.
Масленки — 2.
Кубышка для жидкостей (дегтя) — 1.
Кринка — 1.
Кувшины — 2.
Таз — 1.
Блюдо — 1.

Форма. Цвет поливы. Декор

Преобладающей формой является низкая миска с широко раскрытыми бортами³⁸. Миски часто имеют неровные, кривые края и неправильную форму, несущую в себе черты рукотворности (из Нюхчи: КП-3259, КП-3287, КП-3230 — рис. 15); из Гридино: КП-2964). Ощущение рукотворности присутствует большинству изделий из поморской коллекции.

Своеобразны поморские масленки: одна (КП-3287) из Нюхчи имеет слив, но не имеет ручки, вторая (КП-2342) из Шуерецкого не имеет слива, но отличается наличием (к сожалению, отбитой) ручки. Кубышка для жидкостей (дегтя) из Нюхчи (КП-3289) напоминает амфору с небольшой ручкой у горла. Привлекает к себе внимание и листообразная форма сковородок для запекания рыбы в печи (КП-409/12, рис. 16а, б).

Преобладающим цветом поливы является коричневый во всем многообразии оттенков. Восемь образцов мисок и роговатиков покрыты зеленой глазурью снаружи³⁹, семь образцов имеют зеленое глазурное покрытие на внутренней поверхности⁴⁰. Любопытным представляется факт, что большинство из них датируется временным отрезком от 1867 до 1933 г. Кубышка для жидкости (дегтя) покрыта коричневой поливой с зелеными пятнами, а горшок для сбивания масла (КП-2631) — желтой поливой с зелеными пятнами. Особняком в коллекции стоит миска (КП-3228) из Нюхчи с глазурью цвета кофе с молоком. Следует отметить, что многие образцы гончарной посуды Поморья отличаются высоким качеством исполнения: тонкостенностью, отсутствием грубых венчиков, красотой и безупречностью формы. Но есть значительная часть образцов, красота и неповторимость которых, напротив, заключаются в нарушении правил гармонии, в создании абсолютно руко-

³⁸ Форма чашки с округлыми бортами встречается реже.

³⁹ КП-3490; КП-4156; КП-3268; КП-209/1; КП-3608; КП-198/19; КП-3260; КП-3587.

⁴⁰ КП-2325; КП-2635; КП-3591; КП-4159; КП-3585; КП-2326; КП-2326.

творного образа, построенного на законах динамического равновесия, радующего взгляд неправильностью и кривизной своих линий.

Основным способом декорации изделий в коллекции являются вдавленные в тесто геометрические узоры. Горизонтальные линии украшают таз из Шуерецкого (КП-2329), роговатики из села Сухое (КП-3608) и из Керети (КП-198/19), миску из Гридино (КП-2963). На кубышке (КП-3289, рис. 17) для жидкостей (дегтя) между двумя горизонтальными линиями помещен зигзагообразный узор. Из поморского села Кереть происходит блюдо для пасхи и ритуального киселя, созданное гончарами из дер. Сухарево близ г. Емецка (КП-198/17, рис. 18). Дно блюда декорировано голгофским крестом с двумя деревьями пирамидальной формы по бокам. По краю блюда идет волнообразный узор. Все узоры втиснуты в тесто. Блюдо подписное. На обороте читаем: «Мастеръ //А. Д. Аксёновъ // въ с. Емльцке». Сложный по исполнению вдавленный орнамент выполнен на дне формы для киселя из Гридино (КП-2959, рис. 19а, б). В центре мастер поместил изображение ромба, окружил его двумя горизонтальными линиями с точечным орнаментом между ними и дополнил композицию волнообразной линией, проходящей по окружности дна. Рельефная форма застывающего после варки киселя создавалась благодаря ложчатой разделке внутренней поверхности бортов кисельницы. В коллекции отсутствуют изделия, расписанные ангобом, но есть детская миска (КП-2635, рис. 20) из Сальнаволока, где ромбический узор процарапан прямо по поливе на поверхности широкого края миски.

Коллекция керамической посуды из Заонежья

Коллекция заонежской керамики насчитывает 94 единицы посуды.

Горшок для замешивания теста — 1.

Печные горшки — 9.

Горшки для молока — 16.

Кисельница — 1.

Миски для скисания молока — 17.

Миски для топления молока — 12.

Миски обеденные — 5.

Горшки для подачи на стол сметаны — 3.

Роговатики — 12.

Кубышки для жидкостей (дегтя) — 5.

Емкость для хранения сыпучих продуктов — 1.

Масленки — 6.

Солонки — 2.

Мясник — 1.

Кринка — 1.

Кувшин — 1.

Тарелка — 1.

Форма. Цвет поливы. Декор

Среди 30 горшков коллекции только 4 имеют трапециевидную форму. Все 4 трапециевидных горшка предназначены для хранения молочных продуктов. Остальные 26 горшков имеют традиционную форму с плечиками. Самый красивый по форме тонкостенный горшок происходит из дер. Паяницы (КП-228/64, рис. 21) и датируется 1866—1910-ми гг. По своему функциональному назначению этот горшок был предназначен для варки супа в русской печи. В Заонежье его называли «мясник». По своей форме он восходит к образцам новгородских горшков, обнаруженных при археологических раскопках Новгорода в слоях XIV—XV столетий⁴¹. Самыми поздними в коллекции горшками являются образцы, приобретенные на о. Кизи в 2005 г. у Степановой Марии Петровны (КП-6046 и КП-6044). По свидетельству сдатчицы, эти горшки были произведены в гончарной мастерской в с. Великая Губа и куплены в начале 1950-х гг. в той же Великой Губе в ларьке, продававшем гончарную посуду от вышеупомянутой мастерской. Три горшка в коллекции предназначены для подачи на стол сметаны. Один из них, из дер. Мустово, имеет слив (КП-228/50), другой (КП-14/5), из дер. Сычи, — две маленькие ручки по сторонам на уровне плечиков. Горшок для замешивания теста из Середки (КП-124/13) — единственный в коллекции — оплетен берестой. Все кубышки для жидкостей (дегтя) имеют совершенную по линейному рисунку форму, берущую свое начало в античной керамике. Масленки традиционной для Заонежья формы с круглой, слегка заостренной к концу ручкой и сливом. Две керамические солонки представляют собою небольшие чаши на ножках с поддоном. Заонежские миски двух видов: трапециевидной и в виде чаши с округлыми бортами. Редким предметом в коллекции является кисельница для минимального киселя.

Глазурные покрытия заонежской керамической посуды поражают своим разнообразием. Основная масса посуды имеет коричневую поливу разных оттенков. Встречается розовая полива⁴², цвета кофе с молоком⁴³, кофейная⁴⁴, серая⁴⁵, оливково-серая⁴⁶, серебристая⁴⁷. Пять изделий покрыты зеленой

⁴¹ Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики Древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1956. № 55. С. 242—244.

⁴² КП-318/80 — миска (Воробьи); КП-6054 — роговатик (Речка); КП-5910 — горшок (Фоймо-губа); КП-5202 — миска (розовая с зелеными пятнами, Середка).

⁴³ КП-177/35 — роговатик из Сибово; КП-3193 — внутренняя поверхность миски из Заболотья.

⁴⁴ КП-1020 — горшок из Кургениц.

⁴⁵ КП-228/62 — миска из Мустово.

⁴⁶ КП-124/12 — роговатик из Середки.

⁴⁷ КП-228/50 — горшок для сметаны из Мустово.

глазурью⁴⁸, три — зеленой с черными и коричневыми пятнами⁴⁹, одно — желто-зеленой⁵⁰.

Наиболее распространенным способом декорации заонежской керамической посуды являются вдавленные в тесто простые геометрические узоры. Горизонтальными линиями украшена миска (КП-228/6) и горшок (КП-228/64, рис. 21) из Паяниц, горшок (КП-124/11) из Середки, кубышки (КП-157/3) из Ламбасручья и Мальково (КП-41/9). У кубышки из Мальково отстоящие друг от друга горизонтальные окружности покрывают все тулово от плечиков до донца. Волнообразные линии, перемежающиеся прямыми, создают неповторимый облик кубышки из Оятевщины (КП-19/30, рис. 22). Она датируется 1866—1910-ми гг. Одинарная волнообразная линия акцентирует переход от тулова к борту у миски из дер. Еглово (КП-25/78). Сложным сочетанием из окружностей, волнообразных линий и косых насечек декорированы роговатки из Середки (КП-124/12, рис. 23) и из Великой Губы (КП-79/9, рис. 24).

Вдавленный рельеф с изображением рака помещен на дне кисельницы для поминального киселя из дер. Онежаны⁵¹ (КП-2548, рис. 25). Боковые поверхности изделия имеют ложчатую разделку. Такие формы для киселя бытовали на территории Петербургской, Костромской и Олонецкой губерний. Существовало два варианта формы — с изображением рыбы и с изображением рака⁵². Оба знака имели древнюю христианскую символику. Рыба считалась символом Христа. Рак, несколько раз за жизнь сбрасывавший свой панцирь, являлся символом Воскресения. Оба изображения были уместны на дне кисельницы для поминального блюда.

В коллекции имеется одно изделие оятской керамики. Это миска (КП-400/20, рис. 26) из дер. Южный Двор, корпус которой расписан ангобом знаменитыми оятскими цветами: черная серединка и белые лепестки. Возможно, имеет отношение к оятской керамике и второе изделие — емкость для сыпучих продуктов из дер. Сычи. Роспись выполнена черным и белым ангобом. Мотив — цветы с черными лепестками и черными серединками, отделенные друг от друга косыми линиями из белых точек. Снизу пропущена точечная кольцевая кайма.

Коллекция керамической посуды из Пудожья

Коллекция пудожской керамики насчитывает 137 единиц посуды.

⁴⁸ КП-47/36 — роговатик из Заонежья; КП-177/34 — миска из Сибово; Кп-140/50 — горшок из Вегоруксы; КП-16/28 — роговатик из Речки; КП-79/29 — роговатик из Великой Губы.

⁴⁹ КП-228/61 — горшок из Коробейниково; КП-25/78 — миска из Еглово; КП-124/8 — роговатик из Еглово.

⁵⁰ КП-124/9 — миска из Середки.

⁵¹ Коллекция керамики музея-заповедника «Кижи», КП-2548

⁵² Сафонова Г. Б. Традиционная обрядовая керамика Древней Оки [Электронный ресурс]. URL: <http://kokm.ru/ru/po/125/tr/> (дата обращения: 12.09.2022).

- Горшки для замешивания теста — 12.
- Печные горшки — 16.
- Горшки для молока — 11.
- Кашники (горшки для варки каши) — 12.
- Миски для скисания молока — 26.
- Миски для топления молока — 11.
- Миски обеденные — 7.
- Миски для рыбы — 2.
- Чашки для подачи на стол сметаны — 2.
- Роговатки — 19.
- Сковороды — 2.
- Солонка — 1.
- Мясники — 3.
- Кринки — 2.
- Кувшин — 1.
- Масленки — 10.

Форма. Полива. Декор

Преобладающей формой мисок в Пудожье является форма чашки с округлыми бортами без основания. Горшки двух видов — традиционные с плечиками или трапециевидной формы. Масленки разной формы: с отогнутым бортиком и круглой ручкой, с носиком, как у роговатика без ручки, со сливом без ручки. Несколько горшков оплетены берестой (КП-188/20, КП-188/34, КП-223/34).

Пудожская глиняная посуда поражает разнообразием своего функционального назначения. Помимо традиционных разновидностей посуды в Пудожье бытовали горшки «кашники», горшки «мясники» для варки супа с мясом (КП-194/8, КП-1352, КП-188/32), миски для рыбы (КП-4080, КП-201/44), сковородки для жарки рыбы (КП-201/143), кринки (КП-1612) и кувшины для молока (КП-223/24), роговатки (КП-188/33 — рис. 27, КП-1052 — рис. 28), солонки (КП-201/65).

Поражает и её эстетическое разнообразие. Наряду с экземплярами асимметричной формы с неровными краями встречаются изделия, удивляющие совершенством исполнения и линейного рисунка. Особенно красивы горшки для замешивания теста — латки. Их отличает качество изготовления, тонкостенность, изящество врезанного в тесто декора, благородные оттенки поливы (КП-329/50 — рис. 29, КП-188/36, КП-194/11 — рис. 30, КП-223/35 — рис. 31).

Цвет поливы в коллекции преобладает коричневый. Зеленой глазурью покрыто 41 изделие. Гамма поливы 24 изделий строится на сочетании зеленого с желтыми или коричневыми пятнами. Встречается зеленая глазурь с

розоватым оттенком, зеленовато-серебристая и зеленовато-золотистая. Имеется экземпляр чернолощеной керамики — миска (КП-188/23, рис. 32).

Декор большинства пудожских изделий представляет собой очень изящный и тонко выполненный волнистый узор, неглубоко врезаемый в тесто тулова. Он может перемежаться столь же тонко выполненным узором из круговых полос. Так декорированы практически все латки — горшки для замешивания теста, молочные горшки, роговатки. Волнистым узором декорирован отогнутый край миски для молока (КП-188/230) и нижняя часть солонки (КП-201/143). Как правило, все декорированные таким образом изделия отличаются скульптурной пластичностью формы и сдержанными зеленовато-серебристыми оттенками глазурного покрытия⁵³. Скорее всего, они имеют отношение к каргопольской керамике. Имеются в коллекции предметы, более грубые по форме и украшенные примитивной косой насечкой, глубоко врезаемой в тесто. К ним можно отнести роговатки (КП-1055 — рис. 33 и КП-6802). Грубоватый волнообразный узор выполнен на тулове горшков (КП-194/20 — рис. 34 и КП-1331 — рис. 35). Такой вид декора также встречался на изделиях каргопольских мастеров.

Заключение

Керамические изделия поставлялись в Заонежье, Пудожье, Поморье и Южную Карелию из Каргополя, от оятских мастеров из Лодейнопольского уезда и андомских мастеров из Вытегорского уезда. Приобретались чаще всего на Шуньгской ярмарке или у заезжих коробейников. Свидетельство тому керамическое блюдо (КП-4080) из дер. Канзанаволок Пудожского уезда, приобретенное Демидовой Пелагеей Никитичной в 1909 г. у проезжих каргопольских торговцев в дер. Калакунда, находившейся на границе между Олонецкой и Архангельской губерниями. Блюдо предназначалось для жареной и вареной рыбы⁵⁴. В 1900-х гг. у каргопольских торговцев жительницей пудожской дер. Кокосалма был приобретен горшок КП-4090⁵⁵.

Можно предположить, что большая часть посуды промыслового Поморья приобреталась у горшечников Архангельской губернии в силу их близкого соседства. Известно, что по берегам Белого моря и в материковом Поморье не было выявлено крупных центров гончарного производства. Насыщенный промысловый год не способствовал развитию ремесел. Посуда привозилась из гончарных центров Архангельска, Каргополя, Онеги, Пинеги, Мезени в зимнее время. Ее продавали или обменивали на зерно (в основном ячмень и овес). Посуду средних размеров отдавали за два объема зерна, большую за один объем. Возможно предположить, что поморские сковородки-латки про-

⁵³ КП-183/33; КП-329/50; КП-188/36; КП-194/11; КП-194/20; КП-223/35.

⁵⁴ КАМИС, коллекция керамики и фарфора, КП-4080.

⁵⁵ КАМИС, коллекция керамики и фарфора, КП-4090.

исходили из Мезенского района Архангельской губернии, где они производились в дер. Тимошчелье. Латки производились также в Емецке и в Соловецкой керамической мастерской. Из поморского села Кереть происходит блюдо для ритуального киселя, созданное гончарами из дер. Сухарево близ г. Емецка (КП-198/17). Дно блюда декорировано голгофским крестом с двумя пирамидальной формы деревьями по бокам. По краю блюда идет волнообразный узор. Все узоры втиснуты в тесто. Блюдо подписное (на обороте: «Мастеръ //А. Д. Аксёновъ// въ с. Емльцке»).

Встречалась в Поморье и андомская обварная керамика. Вероятно, это кубышка для дегтя из Нюхчи с зелеными пятнами по коричневой поливе (КП-3289). В Пудожье также можно предположить наличие обварной андомской керамики. Роговатик КП 8776 (зеленые пятна по красной поливе), чашка из Усть-Реки КП-360/23 (зеленые пятна по коричневой поливе), латка из Кошуково КП-188/35 (пятнистая зеленая глазурь). В Пудожье можно встретить и андомскую чернолощеную керамику (миска из Салмозера, КП-188/23). Большинство изделий со свинцовой глазурью, которые изготавливали в Каргополе, находятся в пудожской коллекции. Декор многих пудожских изделий представляет собой изящный и тонко выполненный волнистый узор, неглубоко врезанный в тесто тулова. Иногда он дополняется тонким узором из круговых полос. Таким образом декорированы латки — горшки для замешивания теста, молочные горшки, роговатки. Волнистым узором декорирован отогнутый край миски для молока (КП-188/230) и нижняя часть солонки (КП-201/143). Все упомянутые изделия отличаются скульптурной пластичностью формы и сдержанными зеленоватыми оттенками глазурного покрытия.

В основном орнаментация керамической посуды ограничивается врезанными в тесто простейшими элементами геометрического орнамента в виде горизонтальных и волнообразных линий, насечек и росписью ангобами с использованием цветочных и геометрических мотивов. Красота керамической посуды во многих случаях таится в скульптурной пластике её объема, чистоте линейного рисунка и проверенной веками формы, истоки которой восходят к античным амфорам, киликам и лекифам. Очень точно и поэтично выразил свои впечатления от крестьянской керамики архитектор Ле Корбюзье в одной из глав своей книги «Путешествие на Восток», которая называлась «Письмо друзьям». В ней знаменитый архитектор высочайшим образом оценил народное искусство сербских и венгерских гончаров: «Нам удалось проехать по местам, где крестьянин-художник так мастерски сочетает цвет и линию, линию и форму, что мы буквально заболели от зависти... С определенной точки зрения народное искусство всплывает над самыми высокими цивилизациями. Оно остается нормой, а его мерилom остается... человек... Я не знаю ничего более жалкого, чем эта нынешняя мания отвергать традиции только затем, чтобы создать „новое“ желанное... Такое отклонение творческих сил отражается на всех сферах искусства и обходится нам... неудобными

чайниками, скверными чашками и жалкими цветочными вазами с извращенными формами... Не правда ли, мы живем в неприспособленной, беспорядочной, неорганизованной среде»⁵⁶. И хотя в письме Ле Корбюзье речь идет о крестьянском искусстве центральной и юго-восточной Европы, общий смысл его высказывание в полной мере можно отнести к крестьянской керамике Олонецкой губернии и Русского Севера.

Рис. 1. Миска (КП-337/80).

⁵⁶ *Ле Корбюзье. Путешествие на Восток* [Электронный ресурс]. URL: http://corbusier.totalarch.com/le_voyage_d_orient/3 (дата обращения: 12.09.2022).

Рис. 2. Кубышка (КП-337/24).

Рис. 3. Кубышка (КП-781).

Рис. 4. Горшок (КП-337/70)

Рис. 5. Горшок (КП-146/1).

Рис. 6. Горшок (КП-146/2).

Рис. 7. Бочонок (КП-980).

Рис. 8. Миска (КП 217/79).

Рис. 9. Миска (КП-217/83)

Рис. 10. Горшок (КП-331/37)

Рис. 11. Кисельница (КП-331/42)

Рис. 12. Кисельница (КП-263/72)

Рис. 13. Миска (КП-160/12).

Рис. 14. БУТЫЛЬ (КП 399/43).

Рис. 15. Миска (КП-3230).

Рис. 16 а. Сковорода (КП-409-12).

Рис. 16 б. Сковорода (КП-409-12).

Рис. 17. Кубышка (КП-3289).

Рис. 18. Блюдо (КП-198/17).

Рис. 19 а. Кисельница (КП-2959).

Рис. 19 б. Кисельница (КП-2959).

Рис. 20. Миска детская (КП-2635).

Рис. 21. Горшок (КП-228/64).

Рис. 22. Кубышка (КП-19/30).

Рис. 23. Горшок-роговатик (КП-124/12).

Рис. 24. Горшок-роговатик (КП-79/9).

Рис. 25. Кисельница (КП-2548).

Рис. 26. Миска (КП-400/20).

Рис. 27. Горшок-роговатик (КП-188/33).

Рис. 28. Горшок-роговатик (КП-1052).

Рис. 29. Горшок (КП-329/50).

Рис. 30. Горшок (КП-194/11).

Рис. 31. Горшок (КП-223/35).

Рис. 32. Миска (КП-188/23).

Рис. 33. Горшок-роговатик (КП-1055).

Рис. 34. Горшок (КП-194/20).

Рис. 35. Горшок (КП-1331).

Л. М. Степанова

Обзор коллекции «Православное духовенство. История личная и семейная» в фондах музея-заповедника «Кижь»

Аннотация. Статья посвящена обзору фотографий, документов, книг и предметов быта в фондах музея «Кижь», составляющих коллекцию по теме православного духовенства России второй половины XIX—XX в. Статья знакомит со священническими семьями, потомки которых сохранили светлую память о своих отцах. В судьбах белого (семейного) и черного (монашеского) духовенства отразилась сложная история нашей страны.

Памяти Регины Борисовны Калашниковой (1952—2005)

Значительную часть коллекции фотоматериалов музея составляют предметы по истории семей священников Заонежья, собранные с 1989 по 2005 г. сотрудником музея Р. Б. Калашниковой. Ее трудами, наряду с фотоотпечатками, фонды музея пополнились письменными источниками и бытовыми вещами, переданными потомками священнослужителей¹. В 2012 г. в музей поступили предметы из архива Р. Б. Калашниковой, работу по первичному описанию которых она не успела завершить. Это 86 ед. основного и 43 ед. научно-вспомогательного фондов, включающих фотографии и документы

¹ КП-3076. Фотография. Семья последнего кижского священника Михаила Александровича Русанова. 1912 г. От Н. А. Костиной, внучки М. А. Русанова, в 1989 г.

КП-4824-4836. Столовые принадлежности. От М. П. Логиневской, дочери яндомозерского священника П. П. Логиневского и Н. А. Русановой, в 1997 г.

КП-4943/1-50. Фотографии из альбома В. В. и А. М. Ржановских. От П. А. Коновалова, внука сенногубского священника В. С. Ржановского, в 1998 г.

КП-8533-8555. Фотографии из семейного архива Л. И. Чернявской (Светловой). От Нины Ивановны Ронгонен, внучки типиницкого священника И. А. Светлова, в 2000 г. Поступили в фонды в 2013 г.

КП-5463-5466. Фотографии. От Л. П. Глазычевой, дочери пудоожского священника П. И. Глазачева, в 2003 г.

КП-5663-5682. Фотографии, документы, личные вещи. От Ю. Н. Матвеевой, внучки лижемского священника А. В. Плотникова, старшего брата В. В. Плотникова (епископа Венедикта), в 2004 г.

семей священников Н. А. Петропавловского, Л. А. и В. В. Плотниковых, Н. В. Ржановского².

Священники Русановы (Феодуловы) служили на о. Кижы с 1815 по 1929 г. В документе (КП-4757) «Метрические книги Преображенской церкви Кижского прихода за 1864—1869 г.» содержатся собственноручные надписи и подписи Андрея Иоанова Русанова (1821—1875), священника Кижского прихода с 1856 г.³ На репродукционном негативе (НВФ-13262) запечатлен его сын Александр Андреевич Русанов (1847—1905), учитель сельских училищ, ставший в последние годы жизни псаломщиком Кижского прихода. На месте его предполагаемого захоронения, указанного внучкой, М. М. Русановой, в сентябре 2001 г. музеем установлен поклонный крест в память о потомственной семье церковнослужителей Русановых. Событие зафиксировано Р. Б. Калашниковой на цветных фотонегативах (НВФ-14073; (рис. 1).

Последним священником своего рода стал Михаил Александрович Русанов (1874—1943), он прослужил в кижских храмах более тридцати лет. В 1929 г. обе церкви закрыли, дом отобрали, а священника выслали на лесозаготовки, где он заболел. Дети вывезли его в Петрозаводск, там он жил у старшей дочери. В паспорте (КП-2998), выданном 31 марта 1941 г. на имя М. А. Русанова, вклеена фотокарточка, на ней он запечатлен с бородой и усами. В графе «социальное положение» значится «рабочий» (рис. 2). Михаил Александрович умер в эвакуации в Архангельской области в 1943 г.⁴

На фотографии (КП-3076) 1912 г., выполненной в дер. Погост у дома Русановых, перед нами семья из десяти человек (рис. 3). У Михаила и Анастасии родилось восемь детей. Последнего сына Ивана на снимке еще нет. На обороте — рукописный текст черными чернилами: «Съ днемъ Ангела // Милая моя Марусенька // Отъ души желаю тебѣ здоровья // и счастья. Очень сожалею, что лично // не могу поздравить, но мысленно // я буду съ тобой. Как ты, дорогая, //поживаешь и каково твое само- // чувство? Про себя не могу ничего // отрадного сообщить. По преж[нему] // скучаю, а потому и чувствую // себя скверно, не смотря даже прїѣзда // Жени, съ которой мы в этомъ году // не поладили что-то. Очень обижены // что не прїѣхала мама, но все жѣ таки // не теряемъ надежды увидеть ее у насъ. // Надя и Петя прїѣхали 5 августа. Праздникъ прошель скучно // пр. гостей было порядкомъ. // Целую тебя, моя хорошая! Горячо любящая тебя т[воя] ... // Мамочку поздравляю съ // дорогой имениницей. // Привѣтъ Верочкѣ и нянѣ». Скорее всего, автор письма Анастасия Александровна Русанова (1876—1947), в девичестве Тро-

² КП-8066—8146; НВФ-15049—15088. КАМИС. Справочник «Комплекты». Архив Р. Б. Калашниковой «Священники Олонецкой губернии».

³ Книга передана в музей в 1996 г. из архива ЗАГСа Петрозаводска, куда поступила, скорее всего, после закрытия церквей на о. Кижы.

⁴ *Калашникова Р. Б.* Из истории семей заонежских священников (конец XVIII — первая треть XX в.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 8.

ицкая, родившаяся в Псковской губернии. Можно предположить, что она поздравляет с именинами свою родную сестру Марию. Упоминаемые в тексте Надя и Петя — сводная старшая сестра Михаила Александровича Русанова Надежда (1889—1971) и ее супруг Петр Платонович Логиновский. Речь идет о празднике Преображения Господня, на который они приехали 5 августа (18 августа по новому стилю).

Породнившиеся семьи Русановых и Логиновских запечатлены на репродукционном фотонегативе (НВФ-13263) (рис. 4). Глава семьи Логиновский Платон Ильич (1853—1924) окончил Олонецкую духовную семинарию, в 1880 г. был рукоположен в священника, прослужил в Яндомозерской церкви Петрозаводского уезда до самой смерти. Его младший сын Петр Платонович Логиновский (1887—1934) окончил 3 класса духовной семинарии, диакон кафедрального собора Петрозаводска с 1910 г., священник в дер. Яндомозеро (Великая Губа) с 1924 по 1930 гг., с 1930 г. бухгалтер в Петрозаводске. Публично отрекся от сана священника⁵. Единственная дочь Петра Платоновича и Надежды Александровны (в девичестве Русановой) — Мария Петровна Логиновская (1921—2006) — окончила Карельский государственный педагогический институт с правом преподавания истории, географии и Конституции СССР. В период Великой Отечественной войны работала в школе в Свердловской области. В течение 33 лет — в различных школах г. Петрозаводска и в органах управления образованием⁶. В музее хранятся бытовые предметы из ткани, столовые принадлежности конца XIX — первой трети XX в. из семейного дома в дер. Яндомозеро, переданные М. П. Логиновской в 1990-е гг. (КП-4510—4512; 4823—4836).

На снимках (КП-8552, 8553) — М. П. Логиновская со своей учительницей Лидией Ивановной Чернявской (1904—1994 гг.), в девичестве Светловой. Принадлежавший ей альбом с 221 фотографией (КП-8533—8555) — визуальное свидетельство семейной истории потомков священника Вознесенской церкви в дер. Типиницы Петрозаводского уезда Ивана Аполлосовича Светлова (1874—1937). Федор (1902—1966), Лидия (1904—1994), Клавдия (1906), Александр (1907—1974), Иоанн (1910), Николай (1913—1963), Алексей, Арсений Светловы сохранили тесные родственные связи и крепкую дружбу. Об этом свидетельствуют многочисленные семейные портреты конца 1930-х — 1960-х гг. (рис. 5, 6).

Изображения И. А. Светлова не сохранилось. Он прослужил, как и его отец Аполлос Иоаннов Светлов (1841—1900), в Типиницах до конца своей жизни. Умер от болезни в Петрозаводске, был похоронен у Крестовоздви-

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Учительские династии Карелии. Два портрета на фоне истории [Электронный ресурс]. URL: <https://kiro-karelia.ru/activity/kabinet/uchitelskie-dinastii-karelii-dva-portreta-na-fone-istorii> (дата обращения: 25.08.2022).

женской церкви⁷. Автографы его отца, благочинного священника Аполлона Светлого, сохранились в документе «Формулярные ведомости церковных приходов Кижской волости за 1892 г.» (КП-112). Документ содержит «Ведомость о приписной церкви во имя Святого пророка Божия Ильи в деревне Полевской за 1892 год» (л. 6—12), в которой рассказывается о священнике Аполоссе Иоаннове Светлове и его семье: «В семействе у него: жена его Анна Стефанова, грамотная; дети их: Иоанн, учится в 3 классе ОДС (Олонецкой духовной семинарии. — *Прим. ред.*), род. в Типиницком приходе 1874 года августа 10 дня; Виктор, род. в Типиницком приходе 1880 года марта 7 дня, учится в ОДС; Мария, грамотная, род. в городе Пудож 1865 года марта 25 дня, состоит в замужестве с диаконом при Типиницкой церкви; Клавдия, в замужестве за священником Почезерскаго прихода Пудожского уезда Василием Любимским; Надежда, окончила в 1887 г. курс в Епархиальном женском училище, состоит наставницей при леликовской ЦПШ (церковно-приходской школы. — *Прим. ред.*), род. в Плесском приходе Каргопольскаго уезда 1870 года января 26 дня; Екатерина, учится во 2 классе Епархиальнаго женскаго училища, род. в Типиницком приходе 1877 года января 6 дня».

В фондах музея хранится коллекция фотографий (КП-8066—8097) и документов (КП-8102—8120) семьи потомственного священника Николая Александровича Петропавловского (1863 — кон. 1930-х). Окончив в 1883 г. Олонецкую духовную семинарию, он стал учителем Великогубского земского училища. В 1889 г. женился на дочери толвуйского священника Параскеве Васильевне Соловьевой (1869—1945 ?), окончившей курс Олонецкого епархиального женского училища. В 1890 г. был рукоположен в священника Леликовской церкви и определен законоучителем Леликовской церковно-приходской школы⁸ (рис. 7). В семье родилось восемь детей: Юлия (1890), Любовь (1891—1909), Вера (1895—1980), Николай (1896), Александр (1899—1929), Павел (1901—1928), Фаина (1903—1938), Игорь (1908—1959). Все они в разном возрасте запечатлены на фотографиях. Н. А. Петропавловский прослужил в церкви во имя пророка Иоанна Предтечи села Леликово 28 лет. С началом Гражданской войны в 1918 г. выехал с семьей в Киев. Сведений о продолжении им священнического служения не имеется, но на фотографиях он изображен с небольшой бородой и усами (рис. 8).

Во время Второй мировой войны его дочь Вера (в замужестве Популях) вместе с мужем и детьми была репатриирована в Германию, откуда после войны переехала в США. Внук священника Н. А. Петропавловского — Святослав Александрович Поллак, 1923 г. р., профессор Калифорнийского университета, физик-атомщик, проживал в Лос-Анджелесе. На фотоотпечатке

⁷ Калашикова Р. Б. Из истории семей заонежских священников... С. 13.

⁸ Калашикова Р. Б. Священники бытописатели Олонецкой губернии середины XIX века (А. Петропавловский, И. Ивановский, А. Георгиевский) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 41.

(КП-8080), выполненном в 1937 г. в Киеве, он запечатлен с двумя братьями, сестрой и родителями (рис. 9). С 2001 по 2005 г. С. А. Поллак вел переписку с Р. Б. Калашниковой. В фондах хранятся три его письма (КП-8117—8119). Он прислал в музей воспоминания и семейные фотографии (НВФ-15049), в том числе семь снимков (КП-8093—8097) 1930 г. с видами церкви и приходского дома, переданного под «Леликовскую советскую школу». В письме С. А. Поллак упоминает «дядю Колю Ржановского из Венецуэлы», приславшего его маме фотографию с видом дома Ржановских в Сенной Губе середины 1960-х гг. (КП-4181). Дело в том, что жены священников Николая Александровича Петропавловского (с. Леликово) и Василия Стефановича Ржановского (с. Сенная Губа) Параскева и Мария, дочери толвуйского священника Василия Герасимовича Соловьева, — родные сестры, а их потомки — родственники по материнской линии.

Василий Стефанович Ржановский (1850—1934 ?) окончил духовное училище и духовную семинарию в Петрозаводске. Приехал на родину к своему отцу Стефану Александровичу, священнику Сенногубского прихода⁹. С 1876 г. стал учителем народной школы в с. Сенная Губа. С 1889 г. — священник Сенногубской церкви. Окружной миссионер. В апреле 1898 г. награжден наперсным крестом от Священного Синода. С 1899 г. — благочинный над Климецким монастырем. В 1903 г. возведен в сан протоиерея¹⁰. Сведений о его жизни после 1917 г. и обстоятельствах кончины не имеется. В фондах хранятся фотографии, мебель и бытовые вещи, поступившие от его потомков в разные годы. Судьба детей Василия Стефановича Ржановского (НВФ-15194, 15196) сложилась достаточно благополучно. Шесть сыновей окончили 4 класса Петрозаводского уездного духовного училища и 6 классов Олонецкой духовной семинарии. Дочери окончили курс в Петрозаводском женском епархиальном училище. В советское время работали в разных отраслях народного хозяйства, науки и культуры (рис. 10).

Старший сын В. С. Ржановского Николай завершил свой земной путь в сане священника. В музее хранятся фотографические изображения его самого, его жены и детей в 1910-е — 1930-е гг. (КП-8128—8137). Николай Васильевич Ржановский (1886—1972) родился в с. Сенная Губа. Окончил духовное училище, в 1902 г. — духовную семинарию в Петрозаводске, после рукоположения в священника служил в церкви села Задне-Дубровская Каргопольского уезда; с 1903 г. — законоучитель Чажемской церковно-приходской школы в том же уезде. В 1900-х гг. окончил Петербургский университет

⁹ Ржановский Б. И. Материалы 3-й региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. 16—17 октября 2007 г. Петрозаводск. «Род Ржановских: священники, педагоги, ученые, служащие» [Электронный ресурс]. URL: <http://geum.ru/nex/rt/art-243488.leaf-28.php> (дата обращения: 25.08.2022).

¹⁰ Православные приходы и монастыри Севера [Электронный ресурс]. URL: <http://parishes.mrezha.ru/clergyL.php?id=8905> (дата обращения: 25.08.2022).

и аспирантуру. В середине 1920-х гг. работал заведующим отделением луговодства сельскохозяйственной опытной станции в Белогорке на Сиверской; доцент института в Детском Селе (рис. 11). 28 декабря 1930 г. арестован и заключен в местную тюрьму. В сентябре 1931 г. отправлен в г. Ленинград в Дом предварительного заключения. Приговорен к 4 годам ссылки и отправлен в г. Иркутск. В середине 1930-х гг., после освобождения из ссылки, выехал с семьей в г. Пятигорск (рис. 12). В 1942 г. попал в оккупацию, с семьей вывезен в Германию. Ему как известному ученому предложили заниматься научной деятельностью, но он отказался и едва не попал под расстрел. Ему было разрешено выехать в нейтральную страну, для спасения семьи завербовался в Венесуэлу. По приезде в Каракас стал служить православным священником¹¹. В 1964 г. упомянут как священник, настоятель храма Знамения Божией Матери в г. Валенсия и церкви Святых апостолов Петра и Павла в г. Маракай (Венесуэла) в юрисдикции Русской православной церкви за границей¹². Информацию Б. И. Ржановского о получении Н. В. Ржановским сана епископа документально подтвердить не представляется возможным¹³. На цветной фотографии (КП-8140) на кладбище в Венесуэле в 1976 г. у могилы Николая Васильевича стоят его дочь Наталья, по профессии врач-хирург, внучка Татьяна Лезгинцева, отец Сергей в священническом облачении и его супруга. Внучка приезжала на родину деда, встречалась с родственниками. Сын Николая Васильевича Кирилл воевал под Ленинградом, был ранен, скончался в госпитале, похоронен на Пискаревском кладбище¹⁴.

О дружеских отношениях священнических семей Ржановских и Русановых свидетельствует фотоснимок (КП-4943/29) начала 1910-х гг. с видом на Преображенскую церковь на о. Кизи (рис. 13).

В 1916 г. Сергей Васильевич Ржановский в письме (НВФ-15207) спрашивает своего родного брата Ивана, юнкера Владимирского военного училища в Санкт-Петербурге: «Как живут Плотниковы?». Можно предположить, что речь идет о священнике В. В. Плотникове и его дочери Таисии, с которыми Ржановские были знакомы.

Виктор Васильевич Плотников (1872—1937), будущий архиепископ Венедикт, родился в семье священника с. Лижма Петрозаводского уезда

¹¹ Заклейменные властью. Дворяне: книга памяти [Электронный ресурс]. URL: <http://pkk.memo.ru/page%20/KNIGA/Re.html#re.21> (дата обращения: 25.08.2022).

¹² Религиозная деятельность русского зарубежья: библиографический справочник [Электронный ресурс]. URL: http://zarubezhje.narod.ru/rs/R_033.htm (дата обращения: 25.08.2022).

¹³ Список епископов Русской православной церкви за границей [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_епископов_Русской_православной_церкви_заграницей (дата обращения: 09.11.2022).

¹⁴ *Ржановский Б. И.* Материалы 3-й региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. 16—17 октября 2007 г. Петрозаводск. «Род Ржановских: священники, педагоги, ученые, служащие» [Электронный ресурс]. URL: <http://geum.ru/nexst/art-243488.leaf-28.php> (дата обращения: 25.08.2022).

Василия Ивановича Плотникова (1829—1901). Окончил Олонецкую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. Рукоположен в священника в 1894 г. Служил в Петрозаводске, Вытегре, Санкт-Петербурге, Кронштадте. В 1920 г. принял монашеский постриг — иеромонах, затем епископ Кронштадтский, викарий Петроградской епархии. Арестовывался в 1920 г. и 1922 г., отбывал заключение. С ноября 1923 г. по декабрь 1925 г. был временно управляющим Олонецкой и Петрозаводской епархией, но проживал в Ленинграде. Епископ Венедикт активно способствовал возвращению в православие отошедших в обновленческий раскол приходов как Ленинградской, так и Олонецкой и Петрозаводской епархии. За стойкость и непримиримость по отношению к обновленчеству был арестован в декабре 1925 г. Отбывал свой срок в Нарымском крае (Томская область) (рис. 14а). Декларацию митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. о лояльности Церкви к советской власти архиепископ Венедикт принял. Освобожден в апреле 1929 г. В 1933 г. рукоположен в архиепископа. С 1931 по 1937 гг. управлял Вологодской, Новгородской, Казанской епархиями поочередно. В феврале 1937 г. арестован, обвинен как «идейный вдохновитель и организатор контрреволюционной организации церковников, существовавшей в Ленобласти в 1932 г.». Расстрелян и захоронен 16 августа 1937 г. вместе с 13 священнослужителями и мирянами в Левашовской пустыни под Ленинградом. Реабилитирован в 1991 г.¹⁵

В 2004 г. Ю. Н. Матвеева, внучатая племянница Виктора Васильевича Плотникова передала в музей саквояж (КП-5663), с которым священник ходил по требам — частным богослужениям на дому. Со слов сдатчицы, саквояж достался протоиерею Виктору во время его служения в Исаакиевском кафедральном соборе от предыдущего священника, и был с ним в ссылке в 1920-е гг.

На оборотной стороне фотографии (КП-5664) с изображением епископа Венедикта в полный рост, в рясе, клобуке, с панагией, посохом и четками — его автограф: «+// В благословение // и молитвенную память // Милой и Дорогой // дочери моей Таисии // в день ея Ангела // от любящего отца. // Смиренный Венедикт // Епископ Кронштадтский // 25 Сент. / 8 окт. 1926 г // С. Братское» (рис. 14б).

Таисия Викторовна Плотникова (1895—1984), в замужестве Иванова, после ранней смерти матери воспитывалась в Павловском институте в Санкт-Петербурге, окончив его в 1912 г. с серебряной медалью, и дополнительный педагогический курс этого института, получив в 1913 г. звание «Домашней наставницы» (КП-5669). С 1907 по 1918 г. ее отец был настоятелем Петро-

¹⁵ Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. (с) ПСТГУ, ПСТБИ (с) Братство во Имя Всемилостивого Спаса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pstbi.ccas.ru> (дата обращения: 09.11.2022).

павловской церкви женского института и законоучителем. В фондах храниться свидетельство от 2 мая 1919 г. о венчании Т. В. Плотниковой и К. Р. Иванова (КП-5670). На выставках музея по городской культуре начала XX в. неоднократно экспонировались платья, ридикюли, блокнот в футляре, саше, лента (КП-5671—5679), принадлежавшие Таисии Викторовне. По воспоминаниям двоюродных племянниц Таисия Викторовна была красивой женщиной, человеком многосторонне одаренным и образованным, но со сложным характером. Во время Великой Отечественной войны она пережила ленинградскую блокаду. С 1940-х гг. опекала двоюродную племянницу Ю. Н. Матвееву (дочь Анны Аполлоновны Плотниковой), в конце жизни жила в её семье, оставив в наследство свои вещи и документы.

Р.Б. Калашникова записала и опубликовала воспоминания потомков священников Плотниковых, собрала коллекцию фотографий, документов, бытовых вещей¹⁶. В 2003 году в дар музею поступила книга кириллической печати «Требник» (КП-5435), пожертвованный в Лижемскую Никольскую церковь в 1915 г. одним из крестьян, с автографом священника Аполлония Васильевича Плотникова (1854—1917), старшего брата епископа Венедикта. Только трое из семерых детей Аполлония Васильевича имели потомство: Лев, Анна и Екатерина.

На фотографиях (КП-5665; КП-8122) запечатлены с промежутком в 50—60 лет сестры, урожденные Плотниковы: Анна Аполлоновна Матвеева (1890—1975), Екатерина Аполлоновна Богданова (ок. 1900? — ?) и Параскева Аполлоновна Плотникова (1884—1962). Все сестры окончили епархиальное женское училище и работали учительницами (рис. 15, 16). Параскева Аполлоновна замуж не выходила. Жизнь свою посвятила брату Льву и его четверым рано осиротевшим детям. Николай Львович и Аполлон Львович погибли в Великую Отечественную войну, Василий Львович был репрессирован и расстрелян в 1937 г.

Лев Аполлонович Плотников (1883—1980) после окончания семинарии 14 лет прослужил учителем в Шустручье, близ Вознесенья. Женился на Капитолине Ефимовне Звероловевой (1885—1924), дочери священника Шустручской церкви. Зарплата у учителя была небольшая, и отец посоветовал ему перейти в священники. В 1929 г. церковь в Лижме была закрыта. По воспоминаниям дочери, Татьяны Львовны Козловой, священника Льва Аполлоновича отправили на лесозаготовки и погрузку леса на баржи. После переезда в Петрозаводск он работал счетоводом, кладовщиком. «А потом уже пошел в священники. И отречения у него не было, и он поступил обратно в Екатерининскую церковь настоятелем»¹⁷. На хранящемся в музее фотоснимке (КП-

¹⁶ Калашникова Р. Б. Священники Плотниковы из села Лижма (Устная история семьи) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 3—47.

¹⁷ Там же. С. 25.

8121) запечатлен отец Лев (Плотников), настоятель Екатерининской церкви в 1946—1953 гг. (рис. 17).

В 2003 году после экспедиции в г. Пудож в фонды поступили фотографии из семьи священника Платона Ивановича Глазачева (КП-5463—5466). Основная часть семейной коллекции хранится в Пудожском краеведческом музее.¹⁸ В 1971 году Лия Платоновна Глазачева передала в музей самовар (КП-188/63) производства фабрики Торгового дома братьев Шемариных в г. Тула. Он запечатлен на фотоснимке 1916 г. «Чаепитие в семье священника П. И. Глазачева» (КП-5463) (рис. 18).

Платон Иванович Глазачев (1886—1937) родился в д. Ястребово Устюжского уезда Вологодской губернии, в бедной крестьянской семье. «Отец с матерью уехали от голода в Сибирь, а он остался со старшим братом в деревне. Папа рассказывал, что в детстве...он пас скот, и мир его кормил...прислуживал в церкви и кончал там, при церкви церковно-приходскую школу, двухклассную, а потом...его отправили в духовное училище...а потом уже из духовного училища в семинарию...»¹⁹ После окончания Олонекской духовной семинарии в 1909 г. Платон Глазачев обвенчался с Зинаидой Васильевной Акуратовой (1880—1969). Супруги запечатлены на фотографии (КП-5466), выполненной в фотоателье Михаила Роскина в Петрозаводске в мае 1913 г. (рис. 19). С 1909 г. Платон Иванович служил в церкви с. Плесо Каргопольского уезда Олонекской губернии, с 1910 г. — в г. Пудож — в церкви Михаила Архангела, в Троицком соборе, в церкви св. блгв. кн. Александра Невского, был благочинным округа. В фондах хранится принадлежавшая ему книга кириллической печати «Триодь постная» (КП-3814), издания Киево-Печерской лавры 1903 г., с дарственной надписью музею от Лии Платоновны Глазачевой (рис. 20).

Дочь Платона Ивановича, рассматривая семейный альбом, вспоминала о его увлечении фотографией: «Очень много фотокарточек в этом альбоме, все, что у нас, какое хозяйство было, какие коровушки, какие телятки, какие курочки, у папы все это сфотографировано, чем занималась мама, а она это очень не любила, всегда ворчала, что ты от работы меня только отвлекаешь со своими фотоаппаратами.»²⁰

Краеведческую и мемориальную ценность представляет групповой портрет священнослужителей и мирян во главе с архиереем, выполненный П.И. Глазачевым, предположительно в Пудуже в 1910-е гг. К сожалению, никто из

¹⁸ Коллекция Л. П. Глазачевой в фондах Пудожского историко-краеведческого музея им. А. Ф. Кораблева. Автор — Надежда Смирнова [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@karelian_museums-kollekciya-lp-glazachevoi-v-fondah-pudozhskogo-istoriko-krae (дата обращения: 25.08.2022).

¹⁹ Научный архив музея-заповедника «Кижы». Ф. 1, оп. 4, ед. хр.158, л. 2—3 (Расшифровка аудиозаписи беседы с Глазачевой Л. П.).

²⁰ Там же. Л. 4.

изображенных на снимке лиц не определен. Фотография ждет исследователя. Известно только, что крайний справа во втором ряду стоит крестьянин из Заречья по имени Макар. Лия Платоновна запомнила этого человека, потому что ее отец, рассматривая эту фотографию, всегда улыбался и недоумевал, не понимая, откуда появился на ней Макар. Слева за ним виден фрагмент надгробного креста. Слева у края в центральной части — фрагмент деревянной ограды или забора. Можно предположить, что снимок выполнен недалеко от церкви, возможно, кладбищенской (рис. 21).

В середине 1920-х гг. семья Глазачевых была выселена из дома священника, скиталась, снимая жилье. Лия Платоновна вспоминала: «...В 1934 году мы уже оказались в сторожке [при церкви на кладбище], потому что уже тут не стали пускать на квартиры, потому что мы уже были объявлены лишенцами, то есть не имеющими никаких прав. Папа уже больше времени находился в лесу на лесозаготовках или на сплаве, появлялся только изредка, чтобы сменить белье»²¹. Платону Ивановичу советской властью была определена трудовая повинность, его посылали на строительство Вамской плотины в истоке Водлы, на лесозаготовки, и на разгрузку барж. На семью был наложен продуктовый налог. Служить открыто в церкви не разрешали, священник какое-то время тайно совершал обряды крещения, отпевания. Регулярно проводили обыски жилья, отца Платона арестовывали, но отпускали²². Последний раз арестован 03.08.1937 г. Тройкой НКВД Карельской АССР от 28.09.1937 г. осужден по ст. 58-2-10-11. Расстрелян 05.10.1937 г. под селом Пудож. Реабилитирован прокурором Карелии 12.04.1989 г.²³

Лия Платоновна вспоминала о последней встрече с отцом. Напротив пудожской тюрьмы стоял дом, где на втором этаже жили знакомые, которые заметили, что священник смотрит во время прогулки на их окна. «И они тихонько сообщили нам, что вы можете прийти к нам и посмотреть, как выводят на прогулку отца Платона. И мы с мамой пришли, окна задернули, конечно, чтобы его не смущать и чтобы никто не видел, потому что там и милиционер ходил. Он, все-таки, посмотрел на окна как всегда, потому что знал, что там вот есть знакомые, и вдруг увидел нас. Но мы с мамой почти его не видели, потому что мы плакали, стояли и очень плакали, но все-таки он подал сигнал, что он нас увидел, узнал, и так по волосам... Провел по волосам, да»²⁴.

²¹ Там же. Л. 11—12.

²² Пудожский Уездь Общественно-политическая газета Пудожского района. Жизнь и трагедия отца Платона [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall203493595_3068 (дата обращения: 25.08.2022).

²³ Бессмертный барак. Поминальные списки Карелии. Уничтоженная Карелия [Электронный ресурс]. URL: https://bessmertnybarak.ru/books/Unichtozhennaya_Kareliya/page-12/ (дата обращения: 25.08.2022).

²⁴ Научный архив музея-заповедника «Кижы». Ф. 1, оп. 4, ед. хр. 158. Л. 18 (Расшифровка аудиозаписи беседы с Глазачевой Л. П.).

Зинаида Васильевна до своей смерти в 1969 г. продолжала ждать возвращения мужа, отказывалась переезжать из Пудожя. Только после реабилитации П. И. Глазачева в 1989 г. стало известно, что он был расстрелян, и захоронен, скорее всего, в лесу под Пудожем, в местечке под названием Черная речка.

Лия Платоновна вспоминала: «Мама возмущалась новыми временами, конечно, она их не воспринимала, она в штыки их брала. Боялись за то, что можно угодить кое-куда, а папа всегда ее успокаивал: «Зинушка, не волнуйся, в одну прямь ничего не бывает, а всё вернется на круги своя, вот увидишь, как будет всё восстановлено». Он как будто бы смотрел вперед»²⁵. Заслуженный учитель школы КАССР Лия Платоновна Глазачева (1920—2005) через всю жизнь пронесла память о своем отце.

В фондах музея хранится выполненный в Петрозаводске, в фотоателье К. Иогансона, портрет (КП-4583/14) архимандрита Фаддея (Успенского). Фотография из альбома коренной петрозаводчанки, сестры милосердия, Татьяны Ивановны Татариновой (1885—1982), проживавшей в несохранившемся ныне деревянном доме №16 по ул. Володарского. Личность на снимке помог установить священник Евгений Барышев в 2013 г.²⁶

Священномученик Фаддей (1872—1937), в миру Иван Васильевич Успенский, — сын и внук священника. Окончил духовное училище и духовную семинарию в Нижнем Новгороде. После окончания Московской духовной академии в 1897 г. был пострижен в монашество с наречением ему имени Фаддей и рукоположен в сан сначала иеродиакона, а через небольшое время — иеромонаха. Преподавал сначала в Смоленской, а затем в Уфимской духовных семинариях. Получил степень магистра богословия и был возведен в сан архимандрита²⁷. С 1903 г. по 1908 г. занимал должность ректора Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске. Регулярно выступал с проповедями в Свято-Духовском кафедральном соборе, в Олонецкой духовной семинарии, в Братском Назарьевском доме, в Петрозаводской тюремной церкви²⁸. На фотоснимке он запечатлен именно в петрозаводский период своего служения (рис. 22). Скорее всего, фотопортрет архимандрита Фаддея работы К. Иогансона сохранился в единственном экземпляре в фондах музея «Кижы». В 1908 г. он становится доктором богословия и епископом Влади-

²⁵ Там же. Л. 19.

²⁶ *Шилов Н. И.* Новомученик Российский Фаддей (Иван Васильевич) Успенский. Домашний фотоархив петрозаводчан Татариновых продолжает раскрывать свои тайны [Электронный ресурс]. URL: <https://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/114/3105.html> (дата обращения: 25.08.2022).

²⁷ Древо. Открытая православная энциклопедия. Фаддей (Успенский) [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/8326.html> (дата обращения: 25.08.2022).

²⁸ Азбука веры. Православная библиотека. Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Faddej_Uspenskiy/propovedi/ (дата обращения: 25.08.2022).

миро-Волынским. С приходом в 1917 г. к власти большевиков подвергался арестам и ссылкам. С 1923 г. архиепископ Фаддей последовательно занимал Астраханскую, Саратовскую, Тверскую кафедры. Был арестован 20 декабря 1937 г. и приговорен к расстрелу. Обвинялся в том, что «являясь руководителем церковно-монархической организации... по Карельскому национальному округу через своего посланца Орлова Митрофана, осужденного к ВМН — расстрелу, осуществлял руководство по сбору средств на построение нелегального монастыря и руководил организацией систематической агитации». В контрреволюционной деятельности виновным себя не признал. Казнен 31 декабря 1937 г. Архиепископ Тверской Фаддей (Успенский) прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 23 февраля 1997 г. Рака с мощами священномученика Фаддея находится в Вознесенском соборе г. Тверь²⁹.

В коллекции музея хранится альбуминовый отпечаток, предположительно выполненный в 1873—1874 гг. в фотографическом заведении А. П. Пекарской в г. Москва. На фотографии (КП-7414) изображена семья неизвестного священника из пяти человек: трое детей и супруга в костюмах по городской моде того времени; справа сидит мужчина — священник, в тёмной рясе, с усами и бородой; на столике лежит его головной убор — камилавка. Фотография была обнаружена на чердаке частного дома в г. Олонец и поступила в музей от С. И. Бельской в 2011 г.

На альбуминовом фотоотпечатке (КП-2516) с названием «Неизвестное духовное лицо», выполненном в фотоателье И. Иванова в г. Осташков Тверской губернии, изображен сидящий у столика худощавый мужчина с усами и бородой, в темном клобуке, в темной рясе, с крестом на груди, с четками в левой руке. Снимок изготовлен в 1880—1900-е гг. Иваном Николаевичем Ивановым, владельцем фотографии в г. Осташков, Знаменская ул., собственный дом № 111, с 20 марта 1882 г.³⁰ В 10 км к северу от города Осташкова на озере Селигер, располагается, как и ранее, православный мужской монастырь Нило-Столобенская пустынь. По дороге от Осташкова до монастыря около 25 км³¹. Можно предположить, что на фотографии запечатлен иеромонах Ниловой пустыни (рис. 23).

В 2012 г. через научного сотрудника Л. В. Трифонову в музей поступила мемориальная коллекция врача А. И. Владимирского (1882—1942). Пред-

²⁹ Азбука веры. Православная библиотека. Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Faddej_Uspenskiy/ (дата обращения: 25.08.2022).

³⁰ Попов А. П. Российские фотографии (1839—1930) [Электронный ресурс]. URL: http://fm-ok.pro/Spravochnik_Popova_tom_1/html5forpc.html?page=0&bbv=1&pcode (дата обращения: 25.08.2022). С. 527.

³¹ Нило-Столобенская пустынь [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нило-Столобенская_пустынь (дата обращения: 9.11.2022).

меты (КП-7661—7678) передала его внучка София Анатольевна Баева, 1948 г. р. Из «ведомости о причте Николаевской села Шемелинок за 1904 г.» (КП-7673) становится известным, что Алексей Иванович Владимирский родился в семье потомственного диакона Иоанна Дмитриевича и дочери диакона, Александры Герасимовны, Владимирских. На фотоснимке 1900—1910-х гг. (КП-7670) Алексей Иванович запечатлен с престарелыми родителями во дворе семейного дома. Дьякон и учитель церковно-приходской школы Иван Дмитриевич Владимирский изображен с седой окладистой бородой и в рясе (рис. 24). К 1905 г. из пятерых детей Владимирских — один сын стал священником, две дочери вышли замуж за священников, один сын обучался в Калужской духовной семинарии, а Алексей уже окончил полный курс этой семинарии. В дальнейшем он выбрал светское образование. В 1913 г. окончил медицинский факультет Императорского Юрьевского университета (г. Тарту) с утверждением в степени лекаря с отличием (КП-7665). После 1917 г. вместе с семьей переехал в Карелию. Работал главным врачом Повенецкой больницы, о чем свидетельствуют датированные 1931 г. и 1935 г. фотографии коллекции (КП-7672, КП-7673/1,2; КП-7675) (рис. 25). Его супруга Софья Ивановна Полешук (1880—1944) работала фельдшером-акушеркой Повенецкой больницы. В 1941 г. семья эвакуировалась на Урал, в г. Шадринск Курганской области, где Алексей Иванович продолжал работать врачом. 23 февраля 1942 г. он умер от сыпного тифа. Его внучка С. А. Баева писала о деде: «А. И. Владимирский был врачом „от Бога“ и прекрасным диагностом. Он ставил диагноз в самых сложных случаях и излечивал людей уже потерявших надежду. Спустя 30 лет после его смерти в газете «Ленинская правда» появилась статья о сельских врачах, и в ней в пример приводился А. И. Владимирский, как образец земского врача»³².

В фотоколлекции музея хранятся отдельные портреты высшего духовенства второй половины XX в. От реставратора Г. В. Жаренкова в 1997 г. с книгой «Псалтырь» поступила фотография «Архиепископ Херсонский и Одесский Никон (Александр Порфирьевич Петин)» (НВФ-13797/1) (рис. 26). По информации сдатчика, книга досталась ему после смерти Марфы Карповны Скляренко, жительницы Луганска, у которой он квартировал в 1967—1968 гг. На снимке — погрудное изображение мужчины в очках, с бородой и усами, в темном одеянии, с панагией на груди, в клобуке с крестом. Фотопортрет выполнен в период с 11 сентября 1954 г. (награжден правом ношения креста на клобуке) по 16 апреля 1956 г. (кончина). Петин Александр Порфирьевич, родился 1 июня 1902 г. в Екатеринодаре Кубанской области. Окончил духовные училище и семинарию. В 1928 г. рукоположен в сан иерея целибатом. В 1933 г. осужден по ст. 58-10 УК РСФСР и приговорен к 5 годам ИТЛ, наказа-

³² КАМИС. Музей-заповедник «Кижи». Научно-фондовая работа/справочники/персоналии/ Владимирский А. И.

ние отбывал в Ухтпечлаге. Участвовал в Великой Отечественной войне. Не снимал рясу даже на фронте. Будучи протоиереем одной из церквей города Кимры, он примыкал к обновленческому расколу. В 1944 г. принес покаяние и пострижен в монашество с именем Никон. С 1945 г. — епископ Донецкий и Ворошиловградский. С 3 августа 1948 г. временно управлял Одесской епархией, а затем был назначен епископом Херсонским и Одесским с оставлением за ним управления Донецкой и Ворошиловградской епархией. 19 августа 1951 г. возведен в сан архиепископа. Скончался 16 апреля 1956 г. и погребен в Одесском Успенском соборе. Писал акафисты, был хорошим администратором и прекрасным проповедником³³.

В фотоколлекции музея хранится фотопортрет иерарха Русской православной церкви митрополита Никодима (1929—1978) на фоне ограды Кижского погоста (с фрагментом колокольни). Никодим (Борис Георгиевич Ротов) — с 1963 г. митрополит Ленинградский и Ладожский; с 1967 г. митрополит Ленинградский и Новгородский; председатель отдела внешних церковных сношений Московской патриархии (1960—1972); патриарший экзарх Западной Европы (1974—1978). Фотография (КП-9057) принята в музей в 2013 г. от Л. Я. Яксиной. Портрет священнослужителя, согласно надписи на обороте, выполнен летом 1975 г. на о. Кизи (рис. 27). Митрополит Никодим с окладистой бородой и усами, в рясе, с панагией на груди, камиллавке с крестом, левой рукой (с четками) держит посох. Возможно, снимок выполнен между 1967 и 1970 гг., так как с 12 апреля 1970 г. митрополит был удостоен права ношения второй пангии³⁴.

В фотоколлекции хранятся цветные фотонегативы, выполненные на острове Кизи в «Дни Заонежья», приуроченные к престольному празднику храма Преображения Господня 19 августа. На снимках корреспондента газеты «Петрозаводск» В. А. Петухова 1994 г. (НВФ-13688/1-4) запечатлен епископ Петрозаводский и Олонецкий Мануил, в том числе во время Божественной литургии в Покровской церкви Кижского погоста (рис. 28). На любительских снимках реставратора музея Г. И. Фроловой 18 августа 1996 г. (НВФ-13791) запечатлены епископ Петрозаводский и Карельский Мануил, протоиерей Георгий Варга, диакон Сергей Герасимов во время обряда водосвятия.

Представляют интерес цветные фотонегативы (НВФ-13682/1-3), выполненные главным архитектором музея «Кизи» С. В. Куликовым 28 августа 1994 г. на празднике Успения Пресвятой Богородицы в Муромском Успенском монастыре в Пудожском районе Карелии. На кадрах сохранились архитектурные виды монастыря в первые годы его восстановления, портреты

³³ Древо. Открытая православная энциклопедия. Никон (Петин) [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/12344.html> (дата обращения: 25.08.2022).

³⁴ Никодим (Ротов) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Никодим_\(Ротов\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Никодим_(Ротов)) (дата обращения: 09.11.2022).

служителей и паломников обители, в том числе игумена Афанасия (Пименова), настоятеля Муромского монастыря с 1992 г. по 2000 г.

Сохраняемые музеем материалы по теме православного духовенства предоставляют возможность познакомиться с судьбами представителей издавна существовавшего в России и достаточно обособленного социального слоя. Священнические династии часто были связаны между собой крепкими родственными узами. Юноши из священнических семей обычно получали духовное образование, девушки заканчивали епархиальные училища и становились учительницами, выходили замуж за священников. С наступлением советских времен семьи духовенства претерпевали большие трудности и лишения, а жизнь главы семьи часто заканчивалась трагически. Сильные духом дети священнослужителей находили свое место в обществе, и хранили светлую память о своих отцах. В судьбах белого (семейного) и черного (монашествующего) духовенства России отразилась сложная история нашей страны.

Рис. 1. Священник Николай Озолин у памятного креста Русановым. 2001, о. Кизи. НВФ-14073.

Рис. 2 а. Паспорт на имя Русанова Михаила Александровича № 612946.
Выдан 31 марта 1941, г. Петрозаводск. КП-2998.

Рис. 2 б. Фото М. А. Русанова в паспорте.

Рис. 3. Семья кижского священника Михаила Александровича Русанова. 1912, д. Погост. КП-3076. Слева направо: сестра М. А. Русанова Вера Александровна Русанова (сидит), дочь М. А. Русанова Клавдия (стоит), сам М. А. Русанов, его старшая дочь Анна (сидит), сын Николай (стоит), сын Петр (стоит), сын Михаил (сидит), жена Анастасия Александровна Русанова с дочерью Марией на руках, старший сын Александр (сидит).

Рис. 4. Групповой портрет семьи Логиневских. Не ранее 1921 — не позднее 1924. НВФ-13263. Справа налево: Платон Ильич Логиневский (сидит, с девочкой на руках), Михаил Александрович Русанов (стоит), его сестра — Надежда Александровна (Русанова) Логиневская (сидит, с младенцем Марией на руках), ее муж — Петр Платонович Логиневский (стоит), Клавдия Спиридонова (Партанская) Логиневская — жена Платона Ильича (кружевной платок на шее, сидит), женщина с младенцем [Логиневская (Шежемская) Александра Платоновна (1894—1978)] (сидит), мальчик (стоит), мужчина [Михаил Платонович Логиневский (1877—1964)] (стоит).

Рис. 5. Семья священника Ивана Аполлосовича Светлова. Конец 1930-х, г. Пудож. КП-8533. В нижнем ряду: в центре — Иульяния Никитина Светлова (1880—1942), жена священника И. А. Светлова; 3-я справа — Л. И. Чернявская, дочь И. А. Светлова.

Рис. 6. Светловы и Успенские на похоронах Н. И. Светлова. 3 марта 1963.

г. Ленинград. КП-8546. В 1-м ряду слева: Владимир Светлов, сын Н. И. Светлова, и Георгий Светлов, сын А. И. Светлова; крайний справа — [Ф. И. Светлов]. Во 2-м ряду вторая слева — Л. И. Чернявская; вторая справа — Н. Н. Светлова, жена Н. И. Светлова. В 3-м ряду второй слева — Александр И.

Светлов; далее, слева направо: Алексей И. Светлов, его жена — Анна Павловна, жена Арсения И. Светлова — Валентина Васильевна, Арсений Иванович. Надпись на оборотной стороне: «На снимке // братья, сестры // Светловых и // Успенских // мать, которых // тоже Светлова // сестра Ивана // Аполосовича // Людмила Аполо // совна // их дети и жены.»

Рис. 7. Священник Николай Александрович Петропавловский, его жена Параскева Васильевна и дочь Люба. 1898. г. Петрозаводск. КП-8066.

Рис. 8. Семья Петропавловских. Апрель 1928, г. Киев. КП-8067. В 1-м ряду слева направо: Николай Александрович Петропавловский, его дочь — Фаина Николаевна, его жена — Параскева Васильевна; во 2-м ряду: трое сыновей Н. А. Петропавловского, в центре — младший — Игорь.

Рис. 9. Вера Николаевна Петропавловская (Полулях), её муж Александр Полулях и дети. 9 июля 1937, г. Киев. КП-8080. Вверху справа — [Святослав Александрович Поллак], внук священника Н. А. Петропавловского.

Рис. 10. Братья Ржановские с женами. Конец 1940-х — начало 1950-х, с. Великая Губа. КП-4943/46. Во 2-м ряду слева направо: Виктор Васильевич, Сергей Васильевич, Василий Васильевич. В 1-м ряду слева направо: Антонина Михайловна — жена Виктора Васильевича, Татьяна — жена Сергея Васильевича, Фаина Андреевна — жена Василия Васильевича.

Рис. 11. Николай Васильевич Ржановский и его дочь Наталья. Декабрь 1924, г. Ленинград. КП-8132.

Рис. 12. Николай Васильевич Ржановский, его жена, дети и родственники. [Конец 1930-х], [г. Пятигорск]. КП-8136.

Рис. 13. Семья священника М. А. Русанова с гостями из Сенной Губы. Начало 1910-х, о. Кизи. КП-4943/29. Справа, с сыном Петром на руках, М. А. Русанов. Слева направо: Иван Васильевич Ржановский, Надежда Александровна Русанова (в 1-м ряду); Параскева Васильевна Ржановская, Вера Александровна Русанова, Николай Васильевич Ржановский (во 2-м ряду). Дети М. А. Русанова: Анна, Клавдия, Николай, Михаил.

†

Въ благословеніи
и молитвенную помощь
мнѣ и дорогой
дочери моеѣ Шалии
въ день ея Ангела
отъ любящаго отца.

Святейшій Венедиктъ
Епископъ Кронштадтскій

25 Сент. 1926.
8 окт. 1926.
С. Братское.

Рис. 14а, б. Епископ Кронштадтский Венедикт (Виктор Васильевич Плотников). 8 октября (25 сентября) 1926, с. Братское, Томская обл. КП-5664. Автограф епископа Кронштадтского Венедикта. Обратная сторона КП-5664.

Рис. 15. Сестры Плотниковы: Анна Аполлоновна, Екатерина Аполлоновна и Параскева Аполлоновна (слева направо). Середина 1910-х. Фотоателье М. Роскина, г. Петрозаводск. КП-5665.

Рис. 16. Сестры, урожденные Плотниковы: Анна Аполлоновна Матвеева, Екатерина Аполлоновна Богданова и Параскева Аполлоновна Плотникова (слева направо). [Кон. 1960-х — нач. 1970-х]. Карелия. КП-8122.

Рис. 17. Священник Лев Аполлонович Плотников. 1946—1953, г. Петрозаводск. КП-8121.

Рис. 18. Чаепитие в семье священника П. И. Глазачева. 1916, г. Пудож. КП-5463. Слева направо: Зинаида Васильевна Глазачева (Акуратова) — жена П. И. Глазачева, сын брата П. И. Глазачева, прислуга, сын брата З. В. Глазачевой, Наталья (Таля) Акуратова — сестра З. В. Глазачевой.

Рис. 19. Священник Платон Ильич Глазачев и его жена Зинаида Васильевна. 15 (28) мая 1913. Фотоателье М. Роскина. г. Петрозаводск. КП-5466.

Рис. 20. Лия Платоновна Глазачева, дочь священника П. И. Глазачева. 2005, г. Пудож. Научный архив музея-заповедника «Кижь», ф. 1, оп. 4, ед. 158.

Рис. 21. П. И. Глазачев. Церковнослужители [Пудожского уезда]. [1910-е], г. Пудож. КП-5465.

Рис. 22. К. Иогансон.
Архимандрит Фаддей (Иван Васильевич Успенский), ректор Олонекской духовной семинарии. 1903—1908, г. Петрозаводск. КП-4583/14.

Рис. 23. Иеромонах [Нило-Столобенской пустыни]. 1880—1900-е. Фотоателье И. Иванова, г. Осташков, Тверская губ. КП-2516.

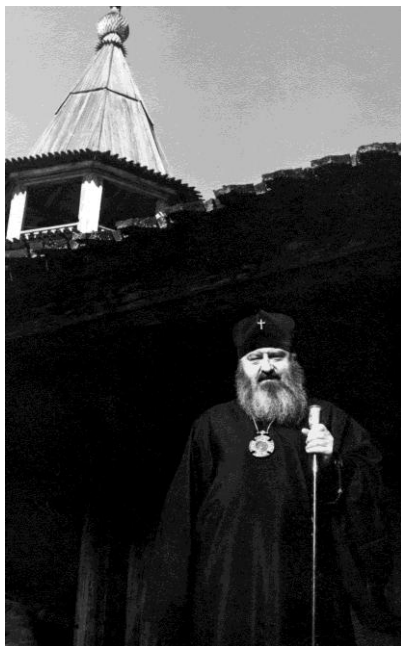
Рис. 24. Иван Дмитриевич, Александра Герасимовна и Алексей Иванович Владимирские. 1900—1910-е, с. Шемелинки, Калужская губ. КП-7670.

Рис. 25. Врач Алексей Иванович Владимирский прослушивает пациента. Июль 1931, с. Повенец, Медвежьегорский район. КП-7673/2

*Рис. 26. Архиепископ
Херсонский и Одесский Никон
(Петин). 1954—1956.
НВФ-13797/1.*

*Рис. 27. Митрополит
Ленинградский и Новгородский
Никодим (Ротов). [1975],
о. Кизи. КП-9057.*

**Рис. 28. Епископ Петрозаводский и Олонецкий Мануил (Павлов).
Август 1994, о. Киж. НВФ-13688/1.**

Т. Ю. Дудинова, И. И. Хуттер

Подписные колокола XIX — первой четверти XX в. в коллекции музея-заповедника «Кижь» (обзор коллекции)

Аннотация. В статье дан обзор церковных колоколов из коллекции музея-заповедника «Кижь» с опознавательными надписями производителей, дающими представление об изделиях русских колокольных заводов XIX — первой четверти XX в., распространенных на территории Олонецкой губернии.

Коллекция колоколов в музее «Кижь» начала формироваться сразу после его основания в 1966 г. На протяжении долгого времени сотрудники музея собирали, описывали и изучали поступившие в фонды колокола, среди них Алексей Тихонович Беляев, Виола Анатольевна Гущина¹, Борис Александрович Гушин, Людмила Михайловна Попова, Николай Иванович Шилов. При подготовке статьи были использованы наработанные ими и хранящиеся в фондах музея материалы. Существенную поддержку и помощь оказала Елена Васильевна Титова, хранитель коллекции «Металл». В работе широко использована информация о русских колокольных заводах из энциклопедии литейщиков «Колокольное дело в России во второй половине XVIII — начале XX века» профессора Глушецкого Андрея Анатольевича (М., 2010).

В коллекции музея «Кижь» хранится 29 церковных колоколов, датированных XIX — первой четвертью XX в. Особое место занимают в ней 10 колоколов с надписями производителей. Они были отлиты на пяти заводах в трех колоколотейных центрах России и являются свидетельствами бытования продукции известных российских колоколотейных центров на территории Олонецкой губернии в рассматриваемый период времени. Именно эти колокола будут предметом нашего внимания в данной статье.

Самый большой колокол КП-3482 (рис. 1), высотой 118 см, привезли в музей из экспедиции в дер. Орусъярви Питкяранского района в 1976 г. Он был единственным из уцелевших колоколов на колокольном храме, построенного в честь иконы Богоматери «Всех скорбящих Радость» в 1900 г., а сле-

¹ Гущина В. А. Коллекция колоколов музея-заповедника «Кижь» // IV конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Нальчик, 2001 (20—23 сент.). М., 2001. С. 171.

ланная на нём надпись свидетельствует об отливке колокола в Санкт-Петербурге на заводе В. М. Орлова в 1912 г.

Колокол наряден: рельефные пояса с надписями между ними, четко прорисованные изображения могут говорить о высоком качестве литья. Верхняя часть тулова украшена рельефным поясом растительного орнамента с мотивом трилистника. Ниже сделана надпись стилизованной славянской вязью: «БЛАГОВЕСТВУЙ ЗЕМЛЕ РАДОСТЬ. ВЕЛИЮ ХВАЛИТЕ НЕБЕСА БОЖИЮ СЛАВУ»². Между началом и концом фразы — рельефное изображение звезды Соломона. Центральная часть тулова оформлена широким рельефным поясом с растительным орнаментом и геометрическими фигурами. Его основу составляет повторяющийся раппорт из чередующихся трилистника и «плетёнки» в дисках на фоне арабесок. Пояс украшен барельефными изображениями икон: «Св. Николай Чудотворец», Богоматерь «Всех скорбящих Радость», «Господь Вседержитель». На переходе вала в поле два пояса с текстом: «СЕЙ КОЛОКОЛ СООРУЖЁН НА СРЕДСТВА КРЕСТЬЯН П. А. ТУУТТИ И Н. И. УККОНЕНА» и «ОТЛИТ С.ПЕТЕРБУРГСКИМ КОЛОКОЛОЛИТЕЙНЫМ МАСТЕРОМ В. М. ОРЛОВА 1912 ГОДА ВЕС 51 ПУД 36 ФУНТ». Ниже текстов расположен рельефный пояс с растительным орнаментом. Рассматриваемый колокол является не только самым большим в коллекции, но и самым информативным. Имеющиеся на нём надписи рассказывают о месте и дате производства, весе колокола и содержат важное сообщение о людях, на чьи средства он был «сооружён». Сохранился оригинальный язык на кожаном подвесе.

Купец Василий Михайлов Орлов владел и управлял колокольным заводом с 1888 по 1910 гг. (в 1908 и 1909 гг. завод не работал). В 1910 г. он был сдан в аренду. В объявлении 1888 г. указывалось: «Честь имею донести до сведения епархиальных начальств, что колокольный завод А. П. Васильевой, основанный в 1845 г. в Санкт-Петербурге на Малой Охте, по Кошкиной ул., не закрыт, а перешёл во владение с.-петербургскому купцу В. Орлову и принимает заказы на отливку новых, переливку старых колоколов»³.

Следует уточнить, что в 1880-е гг. завод был организован на основе производственной базы, созданной на Малой Охте в 1845 г. валдайскими мастерами Стуколкиными. В 1870-е гг. колокольные заводы Стуколкиных на ст. Валдайка и в Петербурге по-родственному переходят А. П. Васильевой, а в 1888 г. — В. М. Орлову.

Кроме представленного выше колокола из дер. Орусъярви, в коллекции подписных колоколов собрания музея-заповедника «Кижи» хранится ещё три

² Здесь и далее надписи приводятся в современной орфографии, кроме отдельно оговоренного случая.

³ Цит. по: *Глушецкий А. А.* Колокольное дело в России во второй половине XVIII — начале XX века. Энциклопедия литейщиков. М., 2010. С. 434.

колокола завода В. М. Орлова: на двух имеются подтверждающие надписи, один можно считать «орловским» на основании ряда признаков.

На колоколе КП-259/1 (рис. 2) тоже имеется надпись о производстве на заводе В. М. Орлова: «ЛИТ В С ПЕТЕРБУРГЕ В ЗАВОДЕ В ОРЛОВА. 6 П. 14 Ф.». Колокол оформлен рельефным поясом с растительным орнаментом и ромбовидными фигурными розетками, в которых чередуются изображения Евангелия, Евхаристической чаши и Скрижали Завета. Между розетками — изображение креста. Колокол традиционной формы, был отлит с четырьмя ушами, двое из которых двойные. В настоящее время они утрачены.

Третий в рассматриваемой группе колокол КП-2781 (рис. 3) можно датировать второй половиной XIX в. Надпись стилизованной вязью в верхней части тулова, «СПБ В. Орлова», свидетельствует о его производителе, а углубленное клеймо — о весе в 5 пудов 15 фунтов. Почти по центру тулова, под надписью, оформлен рельефный пояс с растительным орнаментом из 9-частных пальметт. Долгое время колокол находился у одного из коллекционеров, был привезен в Петрозаводск из Пскова и приобретен музеем в 1987 г. В комплекте с колоколом сохранился язык⁴.

Во время комплексной экспедиции в районы Карелии в 1980-е гг. сотрудниками музея был обнаружен колокол КП-1167⁵ (рис. 4) с рельефной надписью по краю юбки: «ЛИТ В С.ПЕТЕРБУРГЕ 1886 ГОДА ВЕСУ 12 ПУД. 27 ФУН.». Данный колокол тоже мог быть произведён на колокольном заводе В. М. Орлова, хотя упоминание завода в надписи на колоколе отсутствует. Возможно, это связано с тем, что в 1886 г. завод ещё принадлежал А. П. Васильевой, а перешёл к В. М. Орлову только в 1887—1888 гг. Предположение также основывается на сравнении рассматриваемого с описанным выше колоколом КП-259/1 с надписью, свидетельствующей об отливке в Санкт-Петербурге на заводе В. М. Орлова. Декор широкого фриза на тулове у обоих колоколов совпадает до мельчайших деталей. Он проходит по центру и представляет собой раппорт повторяющихся декоративных ромбических рамок с килевидным завершением углов. Внутри каждой рамки — чередующиеся символические изображения: Евангелие, Евхаристическая чаша, Скрижали с десятью заповедями Моисея. Между ромбическими рамками — четырёхконечные кресты. Поле фриза заполнено растительным орнаментом. На колоколе КП-1167 под орнаментальным поясом отлито крупное изображение двуглавого орла, а фриз разделён овальным картушем с образом Николая Чудотворца.

В конце XIX в. под Санкт-Петербургом, в г. Гатчине, открывается колокольный завод Александра Степановича Лаврова (1838—1904) — ученого металлурга и генерал-майора артиллерии, известного экспериментами по

⁴ Музей-заповедник «Кижы». Книга поступлений. Т. 10. С. 117.

⁵ Там же: Т. 35. С. 110.

усовершенствованию колокольного литья: «Бронзово-литейный завод, работавший на основе применения изобретенной А. С. Лавровым фосфористой бронзы, был основан им в 1876 г. в собственном имении, расположенном возле г. Луги. После пожара 1877 г. завод переносится в Гатчину, где выпускает запасные части для артиллерийских орудий, специализируется на приготовлении лигатур и баббитов, формовке изделий из меди и чугуна, фабрикации графитовых тиглей и т. н. „фасонной стали“, проводя постоянные опыты по усовершенствованию прочности колокольной бронзы. Своеобразие гатчинских „неразбиваемых колоколов“ состояло не только в использовании оригинальных бронзовых сплавов, но и в применении колокольных языков нового типа — облегченных цельнолитых стальных языков»⁶.

В фондовой коллекции музея два колокола отливки завода Лаврова: КП-4408 (рис. 5) и КП-159/1 (рис. 6). Первый колокол был приобретён музеем в 1994 г., второй привезли из экспедиции в Кондопожский район в 1970 г.⁷ Оба колокола традиционной формы и могут быть датированы второй половиной XIX в. На них есть надписи, свидетельствующие о точном месте их производства. Буквы «А. С. Л.» — инициалы владельца Александра Степановича Лаврова.

На ухе колокола КП-4408 имеется заводское клеймо: «5 п 15», а в нижней части юбки надпись: «А. С. Л. 5 п. 15 ф.», таким образом, вес колокола составляет 5 пудов 15 фунтов. Сам колокол представляет собой полый конус со слегка округлым верхом и немного выступающими в стороны краями юбки. В верхней части колокол украшен рельефным поясом, который представляет собой расположенные друг над другом две линии рисунка геометрического характера. Верхняя, выполненная лишь с одной стороны, линия состоит из трех крестов в окружении переплетенных геометрических фигур. Нижняя линия рисунка из фрагментов меандра проходит по всей окружности колокола. Ушко языка сделано из чёрного металла.

На другом колоколе завода Лаврова (КП-159/1) оформление отсутствует. Он выполнен в традиционной форме, с четырьмя ушами и с нечетко выраженным валом по краю юбки, сразу переходящим в поле. На ухе колокола также есть заводское клеймо: «3 п. 16 ф.». По краю юбки старославянскими буквами сделана надпись: «Тва А. С. Л. 3 п. 16 ф.». Колоколотейное предприятие было преобразовано в «Товарищество Гатчинского медно- и сталелитейного завода А. С. Лаврова» в 1894 г. На основании надписи, а именно на добавлении слова «товарищество» к инициалам «А. С. Л.», можно сделать вывод о том, что колокол отлит не ранее 1894 г. Вес колокола составляет 3 пуда 16 фунтов. В музейную коллекцию он поступил без языка.

⁶ Глушецкий А. А. Колокольное дело в России... С. 438.

⁷ Музей-заповедник «Кижы». Книга поступлений. Т. 112. С. 97.

Изделия завода Лаврова неоднократно были отмечены выставочными наградами — Золотая медаль Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1886 г., Серебряные медали на региональных выставках в Риге в 1880 и 1883 гг.⁸ О дальнейшей судьбе предприятия рассказывает А. А. Глушецкий: «В 1904 г., после смерти А. С. Лаврова, контрольный пакет акций Товарищества наследовал его зять С. М. Прокудин-Горский. Начавшаяся в 1914 г. Первая Мировая война привела к сокращению выпуска колоколов. Завод почти полностью перешёл на выполнение военных заказов, а предприятие стало именоваться Товариществом гатчинского меднопрокатного и медно-литейного завода. Фамилия А. С. Лаврова больше не упоминалась в фирменном наименовании акционерного товарищества. После 1917 г. национализированный завод выпускал разнообразную продукцию: от весовых гирь до машин для бумажной промышленности. С 1927 г. завод носит имя первого большевистского коменданта Гатчины Семёна Рошала (1896—1917). Завод имени С. Рошала и сегодня существует в Гатчине. Сохранилось здание заводоуправления, построенное в стиле модерн в начале XX столетия. На его фасаде установлена мемориальная доска, посвящённая металлургу А. С. Лаврову. Небольшая выставка, расположенная в конторе завода, рассказывает о прошлом этого гатчинского предприятия»⁹.

Новгородские колокола валдайского литья представлены в музейном собрании изделиями заводов Смирнова и братьев Усачёвых. Образцом литья завода братьев Усачёвых является колокол КП-1169 (рис. 7), который на основании надписи может быть датирован периодом с 1917 по 1929 г. Надпись в средней части тулова на рассматриваемом колоколе сделана кириллицей без упразднённых букв «ять», «ер»: «ЗАВОД БР. УСАЧЕВЫХ Г. ВАЛДАЙ». Верхняя часть тулова оформлена фризом с традиционной для завода братьев Усачёвых орнаментальной сеткой из ромбов и шестигранников с мальтийскими крестами внутри и рельефной надписью: «Завод Усачевь Валдай».

Братья Усачёвы унаследовали родительское ремесло, начатое в 1850-е гг. их отцом, Василием Васильевичем Усачёвым, продолженное после его смерти в 1876 г. вдовой литейщика, Пелагеей Ивановной Усачёвой. В 1895 г., когда не стало и ее, предприятие перешло к сыновьям. Сначала оно называлось заводом наследников П. И. Усачёвой, а с 1898 г. — заводом братьев Усачёвых. Под наследниками имелись в виду Василий, Николай, Алексей, Яков Усачёвы. В 1896 г. умирает Василий, в 1907 г. Алексей организует свое колокольное дело. Владельцами родительского производства, зарегистрированного как «Завод братьев Усачёвых», становятся купец 2-й гильдии Николай Васильевич и мещанин Яков Васильевич Усачёвы. Завод работал

⁸ Глушецкий А. А. Колокольное дело в России... С. 438—439.

⁹ Там же. С. 439.

до января 1930 г. В связи с начавшимися в Валдае в 1918 г. репрессиями, Яков Васильевич прекращает колокольное дело и покидает Валдай. При заводе остался Николай Васильевич Усачёв, работавший в это время вместе со своим сыном Николаем. Несмотря на то, что завод фактически принадлежал только одному из братьев Усачёвых, колокольное предприятие по-прежнему называлось «Завод братьев Усачёвых»¹⁰.

О валдайском происхождении говорит надпись на колоколе КП-259/3 (рис. 8): «СЛИТ В ВАЛДАЕ НА ЗАВОД СМИРНОВАМ». Колокол оформлен тремя рельефными поясами. Верхний — с растительным орнаментом и мотивом трилистниковых пальметт, нижний пояс украшен кружевным орнаментом и разделен двумя медальонами с изображением библейского сюжета «Бегство в Египет» и, возможно, св. Димитрия, в среднем сделана надпись производителя. Под поясами — углубленное клеймо: «Зпу 25фу». Колокол происходит из церкви, построенной в честь праздника Рождества Богородицы в дер. Погост Паданского прихода в 1900 г. по проекту неизвестного архитектора и стараниями Санкт-Петербургского купца Дмитрия Ивановича Поршнева, на месте сгоревшего в 1898 г. храма¹¹. В музей колокол поступил из экспедиции в Медвежьегорский район Карелии в 1975 г.

А. А. Глушецкий пишет, что «первое упоминание о колокольном производстве братьев Смирновых относится к 1802 г., с 1816 г. предприятие уже называется заводом. В первой половине XIX в. это был один из самых знаменитых валдайских заводов, на котором отливали лучшие большие колокола. Завод имел право ставить на своих изделиях государственный герб и славился отливкой колоколов гигантских размеров, весом более 1000 пудов. Смирновы отливали колокола для Иверского монастыря в Валдае, Смольного в Петербурге, для храмов Москвы, Оренбурга и других мест»¹².

Хранятся в музее и колокола Ярославского завода Порфирия Ивановича Оловянишникова. Они были привезены из экспедиций в 1980-е гг. В нижней части тулова на колоколе КП-1168 (рис. 9) есть подтверждающая рельефная надпись: «ЗАВОДА П. И. ОЛОВЯНИШНИКОВА СИ. В ЯРОСЛАВЛЕ». Также на нём отлиты медали, полученные заводом, предположительно, на Всероссийской промышленно-художественной выставке в 1882 г. в Москве, и крупное изображение двуглавого орла. Право ставить изображение государственного герба на свои изделия завод получил в 1896 г. на Всероссийской промышленной и художественной выставке, проходившей в Нижнем Новгороде, — на этом основании можно утверждать, что данный колокол был отлит не ранее 1896 г. На колоколе имеются сведения о его весе в 1 пуд 21 $\frac{3}{4}$ фунта.

¹⁰ Глушецкий А. А. Колокольное дело в России... С. 439.

¹¹ Орфинский В. П. Церковь Рождества Богородицы в д. Паданский Погост // Карелия: энциклопедия: в 3 т. Т. 3. Р — Я. Петрозаводск, 2011. С. 250.

¹² Глушецкий А. А. Колокольное дело в России... С. 343.

Надписи в нижней части поля колокола КП 382/91 (рис. 10), «ЛИТ В ЗАВОДЕ П. И. ОЛОВЯНИШНИКОВА СЫНОВЕЙ В ЯРОСЛАВЛЕ» и «3 ... 5», говорят об отливке на заводе Оловянишникова и весе в 3 пуда и 5 фунтов. Между словами «лит» и «Ярославле» — рельефные медали. Верхняя и центральная часть тулова оформлена декоративными поясами с мотивом растительного орнамента.

Оловянишников Порфирий Иванович (1822—1881) был ярославским купцом 1-й гильдии, потомственным почётным гражданином, поставщиком Высочайшего двора, старостой Ярославского кафедрального собора. Собственный колокольный завод в Ярославле был открыт им в 1868 г. Колокольный завод «Торгово-промышленного товарищества П. И. Оловянишникова сыновья» стал одним из крупнейших производителей колоколов в России в конце XIX — начале XX в.¹³

Представленные в статье 10 колоколов из коллекции музея-заповедника «Кижи» были отлиты на 5 заводах в 3 колоколотейных центрах России. Они являются свидетельствами бытования продукции известных российских колоколотейных центров XIX — первой четверти XX в. на территории Олонецкой губернии и образцами высокого художественного литья. Наибольшее число подписных колоколов из фондового собрания отливки завода В. М. Орлова, их в коллекции четыре. Остальные шесть колоколов были произведены на заводе Смирнова (1), братьев Усачёвых (1), П. И. Оловянишникова (2) и А. С. Лаврова (2). На двух колоколах завода В. М. Орлова есть точные даты отливки: 1886 и 1912 гг. Все описанные колокола бытовали на территории Карелии, за исключением колокола из Пскова¹⁴. К сожалению, в настоящее время нам известно только о двух храмах, для которых отливались колокола КП-293/3 (рис. 8) и КП-3482 (рис. 1), — это церкви, построенные в честь Рождества Пресвятой Богородицы в дер. Погост Медвежьегорского района и иконы Богоматери «Всех скорбящих Радость» в дер. Орусъярви Питкярантского района. Оба храма были возведены в 1900 г., а на колоколе из дер. Орусъярви есть важная, говорящая сама за себя надпись: «СЕЙ КОЛОКОЛ СООРУЖЁН НА СРЕДСТВА КРЕСТЬЯН П. А. ТУУТТИ И Н. И. УККОНЕНА».

В завершение следует сказать, что приведенные в статье сведения о церковных колоколах XIX — первой четверти XX в. с опознавательными надписями производителей из коллекции музея-заповедника «Кижи» не являются окончательными и исчерпывающими, они лишь отражают тот объём информации, который известен на момент публикации.

¹³ Глушецкий А. А. «Язык есть, речей нет, вести подаёт»: Исторические очерки о колоколах и колокольчиках. Киров, 2022. С. 234.

¹⁴ КП-2781 (рис. 3).

Рис. 1. Колокол (КП-3482). Завод В. М. Орлова, Санкт-Петербург, 1912 г. Диаметр — 118 см, высота — 118 см, вес 51 п. 36 ф. (фото Н. Г. Павловой, 2003 г.)

Рис. 2. Колокол (КП-259/1). Завод В. М. Орлова, Санкт-Петербург, конец XIX — начало XX в. Диаметр — 57 см, высота — 48 см, вес 6 п. 14 ф. (фото Н. Г. Павловой, 2004 г.).

Рис. 3. Колокол (КП-2781). Завод В. М. Орлова, Санкт-Петербург, вторая половина XIX в. Диаметр — 24,5 см, высота — 26 см, вес 5 п. 15 ф. (фото Н. Г. Павловой, 2003 г.).

Рис. 4. Колокол (КП-1167). [Завод В. М. Орлова], Санкт-Петербург, 1886 г. Диаметр — 72,5 см, высота — 72,5 см, вес 12 п. 27 ф. (фото Н. Г. Павловой, 2003 г.).

Рис. 5. Колокол (КП-4408). Завод А. С. Лаврова, Гатчина, конец XIX — начало XX в. Диаметр — 50,5 см, высота — 54 см, вес 5 п. 15 ф. (фото Н. Г. Павловой, 2004 г.).

Рис. 6. Колокол (КП-159/1). Завод А. С. Лаврова, Гатчина, конец XIX — начало XX в. Вес 3 п. 16 ф. (фото Н. Г. Павловой, 2003 г.)

Рис. 7. Колокол (КП-1169). Завод бр. Усачёвых, Валдай, 1910—1920 гг. Диаметр — 40,5 см, высота — 40,5 см (фото Н. Г. Павловой, 2003 г.).

Рис. 8. Колокол (КП-259/3). Завод Смирнова, Валдай, конец XIX — начало XX в. Диаметр — 45,5 см, высота — 50,5 см, вес 3 п. 25 ф. (фото Н. Г. Павловой, 2004 г.)

Рис. 9. Колокол (КП-1168). Завод В. П. Оловянишникова, Ярославль, конец XIX — первая четверть XX в. Диаметр — 35 см, высота — 35 см, вес 1 п. 21 $\frac{3}{4}$ ф. (фото Н. Г. Павловой, 2003 г.).

Рис. 10. Колокол (КП-382/91). Завод В. П. Оловянишникова, Ярославль, конец XIX — первая четверть XX в. Диаметр — 46 см, высота — 50 см, вес 3 п. 5 ф. (фото Н. Г. Павловой, 2003 г.).

Ю. М. Наумов

Концепция стационарной экспозиции по народному судостроению и судоходству «Кижская гавань»

Аннотация. В статье представлен обзор истории формирования и предложения по развитию экспозиции музея-заповедника «Кижь» «Кижская гавань».

Формирование экспозиции, посвященной традиционному судостроению и судоходству в музее-заповеднике «Кижь»

В 1999 г. в музее-заповеднике «Кижь» началась работа по теме «История и современное состояние народного судостроения и судоходства». В главной экспозиции у дома Ошевнева была установлена т. н. лодка-кижанка, в доме Елизарова открыта выставка «Строительство лодки-кижанки» с мастерской заонежского лодочника И. Ф. Вересова. При поддержке клуба «Полярный Одиссей» и других партнёров удалось организовать первую гонку на традиционных лодках, которая стала фестивалем «Кижская регата». Участие лодок-кижанок в конкурсах и гонках — важное событие фестиваля, главные призы разыгрываются в номинации «Лодки-кижанки». Тогда же были подготовлены предложения по развитию береговой линии у домов главной экспозиции музея, в т. ч. с экспозицией «Музейная гавань» (комплекс судостроения и судоходства у домов Сергеева и Щепина в южной части о. Кижь).

За 20 лет с целью изучения, сохранения и представления в музее народного судостроения Республики Карелия проделана большая научная и собирательская работа, проведено около 30 экспедиций, опубликовано более 40 научных и популярных статей по теме, издано 3 монографии¹. В результате были подготовлены предложения по музеефикации комплекса народного судостроения в главной экспозиции музея, организовано пять выставок — на о. Кижь, в Петрозаводске и Москве (на фестивале «Интермузей-2017»),

¹ *Наумов Ю. М.* «Кижанка» — лодка Онежского озера. Исторический очерк о судоходстве и судостроении Кижских шхер. Петрозаводск, 2011; *Он же.* «Veneh» — лодка по-карельски. О народном судостроении и судоходстве карел в районах их традиционного проживания и ведения хозяйства. Петрозаводск, 2017; *Он же.* «Laut», «kart» и «venjah». Вепское народное судостроение и судоходство: историко-этнографический очерк. Петрозаводск, 2020.

лодка-кижанка была представлена на музейной выставке в Берлине. В главной экспозиции на о. Кижы у домов Ошевнева, Елизарова, Яковлева и Сергеева реализованы некоторые предложения по музеефикации, сформированы четыре тематико-экспозиционных комплекса, представляющих народное судостроение Республики Карелия.

В 2010 г. опыт работы с партнёрами по судостроению позволил впервые в российской музейной практике начать экспозиционное строительство лодок-кижанок на первом этаже хозяйственной части дома Сергеева. В 2012 г. построены два причала и оборудована береговая линия у дома Сергеева. В 2013 г. «на сарае» хозяйственной части дома Сергеева была оформлена экспозиция с лодочной мастерской, новой выставкой «Строительство лодки» и представлены две кижанки. В результате последовательной работе по музеефикации с 2013 г. новая лодка-кижанка — победительница конкурса «Народная лодка» — ежегодно получает главный приз Главы Республики Карелия, что стимулирует сохранение и ремонт старых лодок и строительство новых кижанок.

В начале 2014 г. научно-методический совет музея «Кижы» утвердил концепцию и поэтапное развитие экспозиционно-выставочного комплекса «Кижская гавань», границы которого определялись размерами небольшого залива у дома Сергеева. Концепция разработана с целью представлять историю и современное состояние традиционного судостроения и судоходства Заонежья и Кижских шхер. В мае 2014 г. в новом комплексе на берегу были выставлены две лодки-кижанки и долблёнка-ушкуйка, сделаны причалы, ворота для вытаскивания лодок, поставлены вешала для сушки сетей. В комплекс «Кижская гавань» вошли уже действующие выставка лодок и мастерская лодочника И. Ф. Вересова «на сарае» и «ожившая экспозиция» по строительству лодок во дворе дома Сергеева. В день 300-летнего юбилея церкви Преображения Господня на о. Кижы состоялось открытие нового экспозиционно-выставочного комплекса народного судостроения «Кижская гавань», прошёл парад судов и праздничные гонки Кижской регаты, шоу на воде с выступлениями исторических клубов. В программе Кижской регаты при поддержке Ростуризма состоялся Первый международный фестиваль водных видов туризма, который придал практическую направленность работе по продвижению водных видов туризма. В этом же году были разработаны методические пособия для экскурсоводов, и началось плановое обслуживание туристов.

В 2015 г. в Кижской гавани на фестивале «Кижская регата — 2015» впервые прошла специальная программа для молодёжи. В 2016 г. при поддержке гранта Президента Российской Федерации в области культуры музей создал Российский центр традиционного судостроения и судоходства для молодёжи. В Кижской гавани 70 участников проекта прошли программу экскурсий и мастер-классов по судостроению, гребле и народному парусу. Состоялись

первые молодёжные гонки на лодках в командном и личном зачётах. С 2016 г. в Кижской гавани Российский центр традиционного судостроения и судоходства ежегодно проводит занятия и соревнования по гребле и парусному спорту, решая важную задачу сохранения и передачи подрастающему поколению традиций российского судостроения и судоходства.

С 2017 г. в Кижской гавани проводится праздничная программа «Любям — праздник, лодке — честь». Она включает ярмарку-продажу и мастер-классы по традиционным ремеслам, конкурсы на морскую тематику, выступления фольклорных ансамблей. В экспозиции представлены лодки народов Карелии, работают мастера-судостроители. Впервые в музейной практике России каждый год строятся и спускаются на воду традиционные лодки. В Кижской регате участвуют лодки и команды из разных регионов России, гонки и конкурсы стали международными.

В музее был создан новый туристский продукт, привлекающий участников и гостей не только из различных районов Карелии, из других регионов России и из-за рубежа. В Музейной гавани проходят экскурсии по теме «Традиционное народное судостроение» с элементами интерактивной демонстрации посетителям музея народного судостроения и судоходства. Увеличилось число экскурсий для туристов — посетителей музея «Кижь», началась работа по развитию водного туризма и прокату лодок.

Ни один из музеев-заповедников РФ не предоставляет того спектра услуг, который может предложить Кижская гавань, в том числе возможность ознакомиться с экспозицией береговой линии и выставочных залов в доме Сергеева, с работой мастера-судостроителя, представляющего процесс строительства лодок, пройти в традиционной лодке вдоль берега на вёслах и под парусами и увидеть с воды ансамбль Кижского погоста, принять участие в турах на исторических судах, с борта парусников осмотреть с воды остров Кижь и пройти по маршруту «Кижское ожерелье».

Статистика посещаемости тематической экскурсии «Кижская гавань»²

Год	Граждане РФ	Иностранные граждане	Всего
2014	449		449
2015	913		913
2016	1475	10	1 485
2017	825	10	835
2018	711	4	715
2019	1134		1 134

Известны общие для музеев этапы развития экспозиции и увеличения посещаемости тематических комплексов: 1. Начало работы и реализация

² Подготовлена отделом туризма музея «Кижь».

основной программы. 2. Расширение территории и количественное увеличение объектов показа. 3. Качественное преобразование структуры экспозиции, которая должна быть открыта к расширению.

Развитие экспозиции предусматривало проведение мероприятий по созданию новых экспозиционно-выставочных комплексов. На первом этапе предлагалось к дому Сергеева пристроить навес для строительства и хранения лодок, на стенах лодочной мастерской и под навесом разместить информационные стенды по истории народного судостроения и судоходства Кижских шхер. На площадке у навеса за домом Сергеева планировалось поставить «стелюги» для распила брёвен на доски, приобрести небольшую сойму, в заливе поставить рубленый «в реж» садок для хранения рыбы и причал для соймы. На втором этапе предложений по развитию Кижской гавани в экспозиции планировалось построить мастерские и навесы для хранения лодок, баню и рыбный амбар для сушки и хранения снастей. В интерьерах построек должны были разместиться стендовые выставки с фотографиями, документами и предметами по теме, а также стенды с текстами о народном судостроении, карты других центров судоходства, в том числе конца XX — начала XXI в.

К 2019 г. часть работ первого этапа удалось выполнить: приобретена 9-метровая сойма, для неё построен причал, в коллекцию музея поступили новые лодки и другие экспонаты, в береговом комплексе Кижской гавани выставлено новое оборудование и причалы. В избах дома Сергеева начала работать постоянная выставка «Водные пути-дороги», рассказывающая об истории судоходства и судостроения на Онежском озере. В экспозиции на берегу гавани установлены новые лодки: шитые корнем водлозерка и кижанка, а также новая вепская лодка.

Таким образом, в прежней концепции Кижской гавани были заложены основы для поэтапной работы по развитию и пополнению экспозиции тематическими комплексами с целью представления и использования коллекции народных лодок в туристической деятельности музея «Кижы». К сожалению, кроме зрителей выставки и сезонного мастера-лодочника, береговую линию никто не обслуживает, в комплексе нет технического персонала — смотрителей-инструкторов, обслуживающих туристов и организующих работу существующего флота народных лодок. Требуется наметить направления поэтапного финансирования дальнейшей музеефикации и актуализации Кижской гавани — использования народного судостроения, судоходства и рыболовства для организации туристического потока, так как другой подход к организации работы приведёт лишь к тиражированию существующих форм деятельности и не позволит эффективно использовать весь потенциал комплекса. Необходимо работать по организации целевого потока посетителей среди туристов, проживающих длительное время в гостиницах и госте-

вых домах в Сенной Губе и охранной зоне музея и приезжающих на автомобилях до дер. Оятевщина и Великой Губы.

Новая концепция стационарной экспозиции «Кижская гавань»

В настоящий период экспозиционно-выставочный комплекс «Кижская гавань» позволяет знакомить посетителей главной экспозиции музея «Кижский судостроение и судоходство» с народным судостроением и судоходством. Существовавшая концепция Кижской гавани предполагала представлять историю судостроения и судоходства только Кижских шхер и ближнего Заонежья. Чтобы познакомить посетителей музея с разнообразием лодок музейной коллекции и другими материалами необходимо принять решение об отходе от первоначальной концепции и представить в Кижской гавани лодки всех регионов Республики Карелия, что позволит сделать экскурсии более информационно содержательными. Но дальнейшее поэтапное развитие Кижской гавани сдерживается рядом факторов:

- запретом на строительство в главной экспозиции макетов традиционных построек,
- размерами береговой линии,
- ограниченным временем экскурсий,
- отсутствием постоянного штата для работы с туристами на береговой линии.

В 2019 г. было предложено подготовить новую концепцию развития комплекса «Кижская гавань» с учётом произошедших изменений и опыта работы музея. Представленная концепция предполагает перейти к постоянной стационарной экспозиции и объединить в тематическое и функциональное целое отдельные части экспозиционного пространства. Экспозиция должна представлять музейную коллекцию по теме народного судостроения Республики Карелия и, с учётом особенностей и специфики комплекса, создать возможности для развития экскурсионной деятельности, фестиваля «Кижская регата» и водного историко-культурного туризма в охранной зоне музея «Кижский судостроение и судоходство». Предполагается создание временных тематических выставок музейных предметов, связанных с тематикой судостроения, судоходства и рыболовства, на основе как коллекции музея «Кижский судостроение и судоходство», так и других музеев.

При подготовке настоящих предложений по развитию Кижской гавани автором были учтены изменения в комплексе и расширение функций его использования. В развитии музеефикации и актуализации традиционного судостроения и судоходства необходимо использовать направления утверждённой Концепции развития музея-заповедника «Кижский судостроение и судоходство» до 2027 г.

Цели тематического комплекса:

1. Представить историю и современное состояние традиционного судостроения Республики Карелия.

2. Создать условия для сохранения и развития деревянного судостроения, водного туризма и устойчивого развития территории.

Задачи комплекса:

1. Расширить географию стационарной экспозиции и показать в исторической ретроспективе разнообразие и потенциал народного судостроения всей Республики Карелия, представить его современное состояние и мастеров — хранителей традиций.

2. Привлечь внимание к народному судостроению и продемонстрировать возможности его сохранения и актуализации.

3. Развивать экспозицию как гавань фестиваля «Кижская регата» и объект водного историко-культурного туризма на о. Кижы и в охранной зоне музея «Кижы».

4. Продолжить работу музея «Кижы» и партнёров по развитию Российского центра традиционного судостроения и судоходства для молодёжи.

5. Информировать о результатах работы музея-заповедника «Кижы» по изучению, музеефикации и актуализации наследия народного судостроения и возможностях его использования с целью устойчивого развития территории.

Общая структура экспозиционного пространства

Стационарную экспозицию комплекса «Кижская гавань» предстоит вернуть от дома Щепина до электроподстанции на южном конце о. Кижы, в реконструированном мемориальном доме Сергеева из дер. Логмозеро, на окружающей его территории, на береговой линии и примыкающей акватории Онежского озера. Таким образом, экспозиционное пространство можно разделить на внешнее и внутреннее. Необходимо учесть, что внимание абсолютно всех посетителей музея будет привлечено ко всей площади внешнего пространства и его заполнению экспозиционными комплексами.

Структура внутреннего экспозиционного пространства дома Сергеева

Восприятие любого объекта комплекса «Кижская гавань» подразумевает внимание к дому Сергеева как к центральному объекту нашей экспозиции. Если воспринимать его как центр Кижской гавани, то все экспозиции дома можно соотносить с тремя составляющими «живой сути» народного судостроения, судоходства и рыболовства: географией, историей и технологией. Эти три составляющих раскрываются в выставках, предлагаемых посетителям, требующих от них активной деятельности, направленной на решение познавательных задач.

Внутреннее двухуровневое пространство дома Сергеева состоит из жилой и хозяйственной частей. В трёх жилых избах и в сенях второго уровня размещена постоянная выставка «Водные пути-дороги» об истории судоходства, судостроения и рыболовства на Онежском озере. Из сеней можно попасть в хозяйственную часть дома второго уровня — «на сарай», где размещены две выставки: мемориальная выставка «Мастерская лодочника И. Ф. Вересова» с

лодкой-кижанкой в процессе строительства, а над хлевами — выставка лодок из разных районов Республики Карелия (Заонежье, Пудожский район, Северная Карелия). На первом уровне хозяйственной части дома — «дворе» работает «Ожившая экспозиция», в которой мастера создают различные лодки, демонстрируя процесс постройки как во время плановых экскурсий, так и неорганизованным туристам.

Структура внешнего (уличного и береговой линии) пространства экспозиции Кижской гавани

Внешнее пространство стационарной экспозиции Кижской гавани включает тематико-экспозиционные комплексы на прилегающей территории и акватории вокруг главного объекта — дома Сергеева. Дорога к нему проходит от часовни Архангела Михаила мимо водяной мельницы, огородов и дома Щепина. После водяной мельницы открывается вид на внешнее пространство проектируемой стационарной экспозиции: направо (у западного берега острова) — выставочный комплекс с кузницей, прямо на возвышенности — несколько берёз, налево (вдоль восточного берега) — выставочный комплекс дома Сергеева, в заливе напротив главного фасада — береговой выставочный комплекс с лодками, причалами и другим традиционным оборудованием прибрежной зоны крестьянского дома. Перед береговым комплексом установлен информационный стенд со схемой и поясняющим текстом, чтобы акцентировать внимание посетителей на всех объектах стационарной экспозиции. С развитием экспозиции схемы и указатели с информацией по всей территории комплекса и о временных выставках будут обновляться в виде малых архитектурных форм, связанных со стилистикой народного судостроения.

Необходимо учитывать, что прибрежный культурный ландшафт Кижской гавани, сложившийся в процессе работы, представляет собой научно-обоснованную попытку реконструкции берега прионежской крестьянской усадьбы. В настоящее время существует много новых исследований, которые определяют ценность сохранения прибрежных культурных ландшафтов как части морского и речного наследия России. Существующая концепция культурных ландшафтов считает их важной составляющей наследия. Сохранение и представление культурных ландшафтов в настоящее время является одной из задач музеев-заповедников и национальных парков. Предлагаемая концепция основывается на том, что в музее уже есть разработанная научная подоснова, в том числе и по прибрежным ландшафтам усадеб заонежских крестьян, собрана предметная база и проводится ряд событийных мероприятий.

Развернутая тематическая структура экспозиции Кижской гавани

При создании экспозиции предлагается семь выставочных комплексов, раскрывающих цели и задачи концепции.

1. Комплекс «Народные лодки»

Центральными экспонатами в 2014—2018 гг. были следующие лодки:

— лодка-кижанка (год постройки — 1985, мастер И. Ф. Вересов, ОИиЭ, музей «Кижы»);

— лодка-кижанка со стационарным мотором (год постройки — 2013, мастер И. В. Судьин, фонды музея «Кижы»);

— карельская гребная лодка-«шоутовене» (год постройки — 2010, мастер Т. Т. Малинен, с. Юшкозеро, фонды музея «Кижы»);

— лодка «Кижаночка» (год постройки — 2007, мастер С. Н. Филин, дер. Кургеницы, ОИиЭ, музей «Кижы»);

— лодка-кижанка, копия лодки И. Ф. Вересова (год постройки — 2013, мастер С. В. Давыдов, ОИиЭ, музей «Кижы»);

— малая сойма (год постройки — 2013, мастер А. Н. Миронович, г. Вытегра, ОИиЭ, музей «Кижы»);

— лодка-долблѐнка «ушкой» (год постройки — 2004, мастер В. П. Шадров, дер. Фоймогуба, ОИиЭ, музей «Кижы») и новый (год постройки — 2019, мастер Г. В. Марков);

— лодка-долблѐнка, копия «ладожского челна» III тыс. лет. до н. э. (год постройки — 2013, мастер С. А. Куликов, ОИиЭ, музей «Кижы»);

— «берещаной» каюк (год постройки — 2012, мастер А. В. Шутихин, г. Котлас, фонды музея «Кижы»);

— вепская лодка (год постройки — 1983, мастер Г. А. Лѐвкин) и реплика старой лодки-вепянки (год постройки — 2018, мастер Т. Н. Тюпко).

Лодки располагаются на выставке, «на сарае» во дворе дома Сергеева, а также у причалов на берегу Музейной гавани. У лодок посетители получают общую информацию о судоходстве, типах и применении различных лодок, в экскурсии раскрывается тема народного судостроения и судоходства.

2. Комплекс «Лодочные мастерские»

Важными объектами показа являются лодки-кижанки в процессе строительства:

— лодка-кижанка в процессе строительства на стапеле выставки «Мастерская кижского лодочника» «на сарае» дома Сергеева;

— строящиеся новые лодки на стапеле мастерской «Ожившей экспозиции» во дворе дома Сергеева;

— строящиеся новые лодки на стапеле под навесом, пристроенном к дому Сергеева.

В этом комплексе посетители получают информацию о технологии, мастерах и мастерских XX в.

3. Комплекс «Лодочный двор»

На территории, примыкающей к дому Сергеева, предлагается строительство специальных навесов для хранения лодок из других районов Республики Карелия. Под навесами и на улице также должно быть представлено оборудо-

дование, связанное с предварительной обработкой конструктивных частей лодок: колоды для отески кия-матики и штевной-кокор, стелюги для распила брёвен на доски для бортов, уличный верстак для обработки конструкций рубанком. В кузнице можно демонстрировать изготовление лодочных гвоздей и других металлических изделий для судоходства и рыболовства: якорей, багров, острог, крюков для подъёма на борт большой рыбы и т. п. Впоследствии комплекс может быть дополнен приспособлениями для витья верёвок, выгона смолы, вязания сетей и другим оборудованием, на котором можно будет демонстрировать различные традиционные технологии, связанные с судостроением, судоходством и рыболовством.

4. Комплекс «Рыбацкий причал»

Комплекс представляет большой причал для соймы с вешалами для развешивания сетей, рубленый садок для рыбы красных пород (лосося, пальи, форели), орудиями лова, приспособлениями для сушки сетей и хранения рыбы. На конце причала предлагается установить поклонный крест, который по православной традиции Русского Севера ставился не только у населённых пунктов и на перекрёстках дорог, но и по берегам водоёмов у мест промыслов, рыбацких тоней, на важных в навигационном отношении местах. Такие кресты, обозначая границы христианского мира, давали возможность ориентации в пространстве и определения своего местонахождения, помогали людям, находящимся в пути и временно живущим вне дома, не терять связь с большой землёй, защищая их от злых сил.

5. Комплекс «Кижский берег»

Комплекс включает береговое оборудование крестьянской усадьбы, необходимое для повседневной жизни и ведения хозяйства прибрежных деревень Кижских шхер. В комплексе установлены несколько небольших причалов для набора воды и подхода лодок, рядом, на покатых, стоят лодки. Также должны быть представлены различные ворота для вытаскивания лодок на берег. На втором этапе в береговой комплекс предполагается включить лодочную мастерскую, баню по-чёрному, в которых происходила профилактическая сушка сетей и рыбный амбар. Экспозиция рыбного амбара связана с хранением рыбы и орудий лова, сушкой и ремонтом рыболовных снастей.

6. Комплекс «Электронная выставка»

Электронная версия на выставке «Водные пути-дороги» даст возможность посетителям ознакомиться с результатами работы музея «Кижы», не вошедшими в экспозицию. Информация в виде фильмов и презентаций будет предлагаться по разделам, представляющим историю и современное состояние традиционного судостроения и судоходства Кижских шхер, Заонежья и других районов Республики Карелия. Представленные материалы позволят посетителям самостоятельно познакомиться с некоторыми результатами работы по изучению народного судостроения и судоходства Русского Севера. Для привлечения туристов электронная версия с рассказом об экспозиции и услу-

гах в Кижской гавани может быть предложена вниманию посетителей и на сайте музея-заповедника «Кижь».

Мероприятия по продвижению экспозиции «Кижская гавань»

Для информирования аудитории о тематической экскурсии «Кижская гавань» на острове используется широкий спектр информационных каналов и механизмов продвижения. К ним относятся: сотрудничество с информационными центрами России; реклама на специализированных сайтах по туризму, в социальных сетях и тематических печатных изданиях; регулярные презентации программ музея и бизнес-семинары для представителей туристского бизнеса Карелии, Санкт-Петербурга, Москвы, Ленинградской и Московской областей, а также для иностранных партнеров; участие в российских и международных туристских выставках; проведение рекламных туров; организация социальных рекламных кампаний, фотовыставок на крупных столичных площадках.

Для дальнейшего развития Кижской гавани и её расширенной экспозиции, даже в благоприятной ситуации, требуется привлечение дополнительных музейных ресурсов. Для определения основных направлений обеспечения ресурсами необходимо произвести:

— анализ существующей туристической инфраструктуры (объекты показа, проспекты, афиши, места размещения рекламы, информационные стенды и т. п.);

— персонал, услуги, интерактив, сувениры, места отдыха, смотровые точки;

— анализ посещаемости Кижской гавани по годам с 2014 по 2019 г. (основные покупатели организованных экскурсий, количество экскурсий и посетителей по месяцам, средние значения количества человек в группах, соотношение россиян/иностранцев, продолжительность пребывания, категория туристов, у которых есть время на предлагаемую программу, поступления в рублях за сезон);

— экспертную оценку ситуации и прогноз на будущее (адекватность потока существующему потенциалу, оптимальная посещаемость, что мешает поднять уровень посещаемости);

— определить мероприятия, которые позволят увеличить посещаемость/доходность (усилить рекламу/продвижение, ценовая политика, наличие/обучение персонала, новые аттракционы, инженерно-техническое оборудование);

— после наполнения экспозиции и разработки новой программы предлагается включить в стоимость входного билета дополнительную плату за посещение комплекса «Кижская гавань» с экспозициями у домов Ошевнева, Елизарова, Щепина и Яковлева.

Необходимо предложить туристам, долговременно проживающим в гостевых домах, прибывающим на остров на частных судах или самостоятельно,

в том числе с использованием автомобильного транспорта, прокат лодок и специальную экскурсию с катанием на традиционных лодках, при этом нужно активно сотрудничать с туркомпаниями, владельцами гостевых домов и транспортных средств.

Для дальнейшего развития туризма и посещаемости предполагаются следующие мероприятия:

1. Издать буклет об экспозиционно-выставочном комплексе «Кижская гавань».

2. Разместить на сайте музея материалы о работе Кижской гавани в главной экспозиции музея на острове Кижь.

3. Организовать тематические экскурсии для туристов, проживающих в гостевых домах, расположенных в Кижских шхерах и ближнем Заонежье.

4. Совместно с турфирмами разработать для туристов, отдыхающих в гостевых домах и приезжающих в Карелию надолго, специальную программу «Один день в Кижях» с посещением Кижской гавани и включением всех услуг тематического комплекса.

5. Для расширения научных и деловых контактов и развития выставочно-презентационной деятельности музея организовать специальные деловые встречи с программой по презентации музеефикации народного судостроения на о. Кижь.

Работа экспозиционно-выставочного комплекса «Кижская гавань» расширяет туристическую привлекательность музея «Кижь» и вызывает повышение интереса к народному судостроению жителей и гостей Республики Карелия. Результаты работы по настоящему проекту музея «Кижь» также позволят распространить инновационный опыт музеефикации народного судостроения и работы ожившей экспозиции в российских музеях-заповедниках и национальных парках.

Памяти Бориса Александровича Гущина (1941—2022)

В феврале 2022 г. ушел из жизни Борис Александрович Гущин — известный петрозаводский историк и этнограф, писатель и театровед, член Карельского союза писателей и Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры Республики Карелия. Б. А. Гущин долгое время (почти 50 лет!) проработал в музее-заповеднике «Кижы», где в разные годы занимал должности заведующего научно-исследовательским (научно-экспозиционным) отделом, сектором хранения экспозиции, старшего и ведущего научного сотрудника.

В музей-заповедник «Кижы» Б. А. Гущин пришел в 1967 г. сразу после окончания Петрозаводского госуниверситета. Он был принят на должность старшего научного сотрудника и уже через год назначен заведующим научно-исследовательским отделом. Музей-заповедник «Кижы», по сути, тогда еще только создавался, как самостоятельное учреждение он существует с 1966 г. Поэтому Б. А. Гущину, вместе с главным хранителем фондов А. Т. Беляевым (которого Б. А. Гущин называл своим учителем), пришедшей очень скоро в музей вслед за ним его супругой В. А. Гущиной и другими коллегами пришлось закладывать основы всех фундаментальных видов музейной работы — формировать экспозиции и выставки, комплектовать фонды (всего за годы работы им было сдано в фонды более 3000 предметов), разрабатывать и проводить экскурсии, обучать внештатных экскурсоводов, осуществлять научно-исследовательскую деятельность.

Б. А. Гущин принимал непосредственное участие в формировании большинства ныне существующих интерьерных экспозиций музея-заповедника «Кижы» — домов Ошевнева, Елизарова, Щепина, Яковлева. С его участием в музее были созданы такие выставки, как «Кижское восстание», «Социальное расслоение крестьянства Карелии в XIX — начале XX века», «Народное искусство Карелии», «Явочная квартира разведгруппы А. М. Орлова в период Великой Отечественной войны», «Религиозные верования крестьянства дореволюционной Карелии», «Карелия сегодня» — ежегодная выставка под открытым небом (в 1970—1980 гг. в соавторстве с В. А. Гущиной), «Гордость лесопромышленного Беломорья (коллекция фотографий из архива Я. И. Кривонкина») и другие.

В 1972 г. в составе творческого коллектива Б. А. Гуцин принимал активное участие в подготовке материалов для составления Генерального плана развития музея «Кижь», формированием которого занимался НИИ «Мосгипрогор».

Как научный сотрудник Б. А. Гуцин является автором более 50 научных и научно-популярных печатных работ (не считая большого числа газетных публикаций), посвященных истории, этнографии и архитектуре Карелии¹. В научном архиве музея хранятся около 150 его рукописных текстов — научных справок, тематико-экспозиционных планов, отчетов об экспедициях и других материалов.

Среди наиболее значительных работ Б. А. Гуцина следует назвать выпуск совместно с А. Т. Беляевым и В. А. Гущиной каталога фондового собрания музея-заповедника «Кижь» (1973 г.), который является первым опытом подготовки подобного издания для этнографических музеев в нашей стране.

Чрезвычайно важна их совместная с В. А. Гущиной работа, посвященная публикации документов и материалов по истории Кижского архитектурного ансамбля, историей которого они занимались, по сути, всю жизнь. Издание вышло в двух выпусках (2013, 2014 гг.) — первая часть посвящена периоду с 1694 по 1945 г., вторая — 1946—1979 гг. В настоящее время это наиболее полный свод источников, который представляет большой интерес для исследователей кижских церквей.

Научные статьи Б. А. Гуцина посвящены разным аспектам изучения Кижей. После прихода в музей он активно занимается историей строительства кижских храмов, темой заонежских ярмарок, вместе с В. А. Гущиной изучает архитектуру церквей Прионежья. В период 1990-х — 2000-х гг. разрабатывает тематическое направление, связанное с историей Кижей нового и новейшего времени. Им опубликован цикл статей, охватывающий период начиная с отмены крепостного права, включающий годы революции и Гражданской войны, колхозное строительство, период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., послевоенного восстановления и время создания музея-заповедника «Кижь». Среди последних работ, подготовленных Б. А. Гуциным незадолго до выхода на пенсию, — историко-биографическое исследование, посвященное Иерониму Кучевскому, который после февральской революции 1917 г. возглавлял Олонецкую губернию, и историко-краеведческий очерк «Культурная жизнь старого Петрозаводска», фрагмент которого публикуется в настоящем «Кижском вестнике».

После начала выпуска в музее-заповеднике «Кижь» на постоянной основе сборника научных статей «Кижский вестник» Б. А. Гуцин становится одним из его постоянных авторов. Всего в «Кижских вестниках» им было опубликовано 10 статей. Также он являлся постоянным участником проводимой

¹ См. прилагаемый список публикаций Б. А. Гуцина.

музеем «Кижь» конференции «Рябининские чтения», которая сопровождалась объемными выпусками научных материалов.

Следует отметить научно-популярные издания Б. А. Гущина, прежде всего посвященные Кижам художественные альбомы, в которых они совместно с В. А. Гущиной участвовали в качестве составителей и авторов текстов.

С середины 1990-х гг., и особенно после выхода в 2016 г. на заслуженный отдых, творческая деятельность Б. А. Гущина в большей степени была направлена на работу в жанре художественной прозы и театральной критики. Он много печатался, в основном в журнале «Север», издал четыре книги².

В целом работы Б. А. Гущина позволили нам не только узнать много нового о Кижях, но и внесли существенный вклад в изучение истории и культуры Карелии. В музее-заповеднике «Кижь» Бориса Александровича будут помнить прежде всего как музейного работника, внесшего большой вклад в формирование фондового собрания и стоявшего у начал создания современной музейной экспозиции, а также как историка-исследователя. Ведь почти все, что мы знаем об истории Кижей нового и новейшего времени, мы знаем благодаря его работам.

Основные научные и научно-популярные публикации Б. А. Гущина³:

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь»: каталог / авт.-сост.: А. Т. Беляев, Б. А. Гущин, В. А. Гущина; под ред. И. П. Тюрикова. — Петрозаводск, 1973. — 100 с.

Когда построены Кижь?: [о новой датировке памятников архитектур, ансамбля Покровской церкви и колокольни] // Север. — 1976. — № 10. — С. 105—107. (Соавт. В. А. Гущина).

Новое об истории памятников Кижского архитектурного ансамбля // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1978. — Т. 9. — С. 347—351. (Соавт. В. А. Гущина).

«Возмутитель» из Вологды: [Степан Афанасьев, резчик иконостаса Преображенской церкви] // Север. — 1978. — № 8. — С. 84—86.

Народное искусство Карелии: кат. выст. музея «Кижь» / сост.: А. Т. Беляев; авт. вступ. ст.: Б. А. Гущин. — Петрозаводск, 1979. — 56 с.

Загадки кижских куполов: [описание Кижского ансамбля в записках Я. Я. Мордвинова и общепринятая датировка строительства церквей] // Север. — 1982. — № 4. — С. 92—94. (Соавт. Е. Еленевский).

² Не только о Кижях: картинки прошлого, повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний. Петрозаводск, 2004. 348 с. Тысяча вторая ночь: повести, рассказы, пьесы, воспоминания. Петрозаводск, 2011. 384 с. Любите ли вы театр?.. А цирк?.. Петрозаводск, 2015. 484 с. Байк-мемориз. Петрозаводск, 2019. 251 с.

³ Полный перечень печатных работ Б. А. Гущина, включающий его научные, научно-популярные и литературно-художественные произведения (всего 324 наименования), опубликован в издании: Борис Александрович Гущин. Библиографический указатель. Петрозаводск, 2016. Указатель был издан к его 75-летию.

Кизи = Kizi: [фотоальбом] / сост. и авт. текста Борис и Виола Гузины; фот. Вадима Гипенрейтера. — Петрозаводск, 1986. — 143 с.

О крестьянской общине Заонежья в пореформенный период // Заонежье: сб. науч. ст. — Петрозаводск, 1992. — С. 171—187.

Первая экспедиция музея «Кизи» в Заонежье // Заонежье: сб. науч. ст. — Петрозаводск, 1992. — С. 24—29. (Соавт. В. Гущина).

Кизи нужны всем // Museum. — 1993. — № 1. — С. 46—49. (Соавт. В. Гущина).

Грицюк В. Кизи: прогулка по острову: фотоальбом / вступ. ст. Б. Гущина, В. Гущиной. — Петрозаводск, 1994. — 127 с.

Заонежские ярмарки // Кижский вестник. — Петрозаводск, 1994. — Вып. 4. — С. 30—48.

К вопросу о церквах Прионежского типа: (вепс.-карел. элементы в архитектуре Кижского ансамбля) // Кижский вестник. — Петрозаводск, 1994. — Вып. 4. — С. 133—143.

Шунгская ярмарка и разгром Даниловского монастыря // Сергей Радонежский и современность: материалы науч. конф, посвящ. 600-летию со дня преставления Сергия Радонежского. — Петрозаводск, 1994. — С. 105—111.

Кизи: указ. лит. / сост.: Т. В. Осипова, Т. В. Терпугова; авт. вступ. ст. Б. А. Гушин. — Петрозаводск, 1995. — С. 7—8.

Крестьянство и земство (Заонежье 1867—1917) // Рябининские чтения — 95: Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации нар. культуры Рус. Севера: сб. докл. — Петрозаводск, 1997. — С. 291—298.

Остров Кизи = The Island of Kizhi: [фотоальбом] / фот. Владимир Ларионов; авт. текста: Б. А. Гушин, В. А. Гущина. — Петрозаводск, 2000. — 51 с.

Кизи: путеводитель по музею-заповеднику / [С. В. Воробьева, Ж. В. Гвоздева, Б. А. Гушин и др.; ред.-сост.: И. В. Мельников и др.]. — Петрозаводск, 2001. — 191 с.

Из истории Оленеостровских известковых разработок. 1928—1956 гг. // Кижский вестник. — Петрозаводск, 2001. — Вып. 6. — С. 15—22.

Кизи в оккупации, 1941—1944 // Карелия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: материалы Респ. науч.-практ. конф, посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечеств. войне (28 апр. 2000 г.). — Петрозаводск, 2001. — С. 57—61.

Рука не поднялась на красоту // Чело. — 2001. — № 2. — С. 11—14. (Соавт. В. Гущина).

Деревни Кижской волости (сельсовета) в 1917—1940 гг.: (по арх. док.) // Кижский вестник: сб. ст. — Петрозаводск, 2002. — Вып. 7. — С. 46—60.

Кизи во время оккупации (1941—1944 гг.) // Кижский вестник. — Петрозаводск, 2003. — Вып. 8. — С. 48—66.

Кизи. Времена года: [фотоальбом] / сост.: В. П. Лобанов, М. С. Скрипкин; авт. текста В. А. и Б. А. Гузины; фот.: М. С. Скрипкин и др. — Петрозаводск, 2004. — 175 с.

Кизи: [ил. путеводитель] / авт. текста Б. Гушин; фот.: М. Скрипкин и др. — Петрозаводск, 2005. — 46 с.

Музей-заповедник «Кизи». 40 лет / Б. А. Гушин и др.; ред.-сост. И. В. Мельников. — Петрозаводск, 2006. — 197 с.

Из истории создания архитектурно-этнографической экспозиции музея-заповедника «Кижь» // Актуальные проблемы развития музеев-заповедников: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (Петрозаводск — Кижь, июнь 2006 г.). — Петрозаводск, 2006. — С. 55—61.

Кижь колхозные (1944—1958 гг.) // Кижский вестник. — Петрозаводск, 2007. — Вып. 11. — С. 23—51.

Из истории лесозаводов Беломорья начала XX века: кат. коллекции фотографий из личного архива Я. И. Кривонкина, представл. на выст. «Гордость лесопромышленного Беломорья» (из фондов музея-заповедника «Кижь», 12.09—02.11.2008, г. Петрозаводск) / сост.: Б. А. Гушин, Т. Г. Тарасова. — Петрозаводск, 2008. — 42 с.

Запечатленная гордость лесопромышленного Беломорья [в фотографиях из коллекции Якова Ивановича Кривонкина] // Север. — 2008. — № 7/8. — С. 210—217.

Кижь: [ил. путеводитель] / проект, сост., фот. М. Скрипкина; авт. текста Б. Гушин. — Петрозаводск, 2009. — 50 с.

О петербургских купцах и промышленниках, выходцах из Заонежья // Кижский вестник. — Петрозаводск, 2011. — Вып. 13. — С. 26—42.

Савелий-Савва. Каким его помню: к 75-летию Саввы Васильевича Ямщикова. Великого защитника русской культуры // Север. — 2013. — № 9/10. — С. 179—185.

Иероним Феликсович Кучевский: фрагменты жизни и судьбы // Кижский вестник. — Петрозаводск, 2013. — Вып. 14. — С. 213—231.

Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694—1945 гг.) / авт.-сост.: В. А. Гущина, Б. А. Гушин. — Петрозаводск, 2013. — 137 с.

Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1946—1979 гг.) / авт.-сост.: В. А. Гущина, Б. А. Гушин. — Петрозаводск, 2014. — 135 с.

Почти победа накануне: [о борьбе с российским пьянством перед 1 Мировой войной] // Север. — 2014. — № 3/4. — С. 200—204.

Очерк истории Преображенской церкви на острове Кижь // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле: сб. ст. / сост. и подготовка И. В. Мельникова. — Петрозаводск, 2014. — С. 6—22. (Соавт. В. А. Гущина).

Из опыта реконструкции интерьера крестьянских жилищ в музее «Кижь». Интерьер дома Бутина из д. Пялозеро Пудожского района // Кижский вестник. — Петрозаводск, 2009. — Вып. 9. — С. 3—20.

Доброе слово в адрес предпринимателей Пименовых [рец. на кн.: Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей. — Петрозаводск, 2013] // Север. — 2015. — № 1/2. — С. 236—237.

Музей-заповедник «Кижь»: шедевры деревянного зодчества в экспозиции // Русское деревянное. Взгляд из XXI в. Архитектура XIV—XIX вв. Каталог выставки. Государственный музей архитектуры им. А. В. Щусева. — М., 2015. — С. 206—207. (Соавт. В. А. Гущина).

Трапезная церкви Преображения Господня: из истории создания // Кижский вестник. — Петрозаводск, 2015. — Вып. 15. — С. 67—91. (Соавт. В. А. Гущина).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАНО — Государственный архив Новгородской области
ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музея архитектуры им. А. В. Щусева (Москва)
ГРМ — Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
ГРМ. Архив ОДРИ — Государственный Русский музей. Архив отдела древнерусского искусства (Санкт-Петербург)
ГЭ — Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
ДРЖ — древнерусская живопись
ИИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
КАМИС — Комплексная автоматизированная музейная информационная система
МАО — Московское археологическое общество
МИИ РК — Музей изобразительных искусств Республики Карелия (Петрозаводск)
НАМЗК — Научный архив музея-заповедника «Кижы» (Петрозаводск)
НАРК — Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)
НА СПБИИ РАН — Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН
НИМ РАХ — Научно-исследовательский музей Российской академии художеств (Санкт-Петербург)
ОГВ — Олонецкие губернские ведомости
ОДРИ — Отдел древнерусского искусства Русского музея (Санкт-Петербург)
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Санкт-Петербург)
ОФ НА ИИМК РАН — Отдел фотографий научного архива Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
СПБИИ РАН — Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ФФ НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области — Фонд фотографий научного архива Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Б. А. Гущин. Общественные увеселения старого Петрозаводска (XIX — начало XX в.).....	3
И. В. Мельников. Новые открытия памятников первобытной археологии в районе музея-заповедника «Кижь» (работы 2017—2019 гг.).....	21
Е. М. Наумова. Женские и девичьи головные уборы Олонецкой губернии XVIII — начала XX в. (на основе новых публикаций музеев Архангельской области и Республики Карелия).....	39
М. М. Гусева. Портновское дело в XIX — начале XX в. в Олонецкой губернии.....	78
В. П. Ершов. Шкатулка из прошлого (Записки ребенка войны).....	92
В. А. Борисова. О технологии изготовления сетных орудий, бытовавших на территории Олонецкой губернии.....	113

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. И. Фролова. Хроника ремонтно-реставрационных работ в церкви Покрова Богородицы на о. Кижь.....	123
В. Г. Платонов. Учет церковных древностей в Олонецкой губернии по архивным материалам второй половины XIX в.	140
И. А. Антропова, А. Г. Носкова. История и иконописное убранство церкви Святого Николая в Согиницах (Согинский погост).....	149
Г. И. Фролова. Внутреннее убранство церкви Святого Николая Чудотворца дер. Вегорукса (первая половина XVIII в. — 1887 г.).....	176

ИЗУЧЕНИЕ ФОНДОВОГО СОБРАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»

Л. В. Трифонова. Обзор крестьянской керамической посуды из Заонежья, Пудожья, промыслового Поморья и Южной Карелии в фондах музея «Кижь».....	193
Л. М. Степанова. Обзор коллекции «Православное духовенство. История личная и семейная» в фондах музея-заповедника «Кижь».....	230
Т. Ю. Дудинова, И. И. Хуттер. Подписные колокола XIX — первой четверти XX в. в коллекции музея-заповедника «Кижь» (обзор коллекции)..	265

ВОПРОСЫ МУЗЕЙНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ю. М. Наумов. Концепция стационарной экспозиции по народному судостроению и судоходству «Кижская гавань».....	282
Памяти Бориса Александровича Гущина (1941—2022)	293
Список сокращений	298

Научное издание

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 20

*Издание осуществлено по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-
заповедника «Кижь»*

Редактор *Т.А. Литова*

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный и этнографический
музей-заповедник "Кижь"»
185000, Петрозаводск, пл. Кирова, 10а